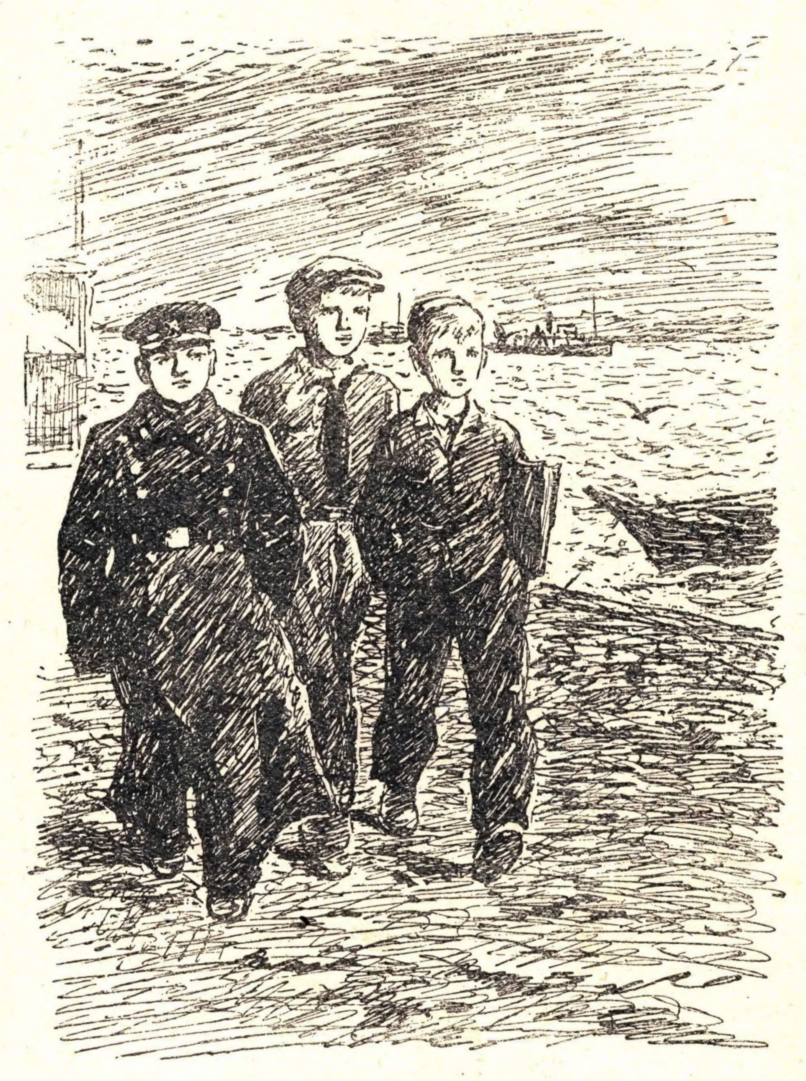
Лев Кассиль

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

Детгиз — 1949

Мальчишки шли молча.

К-8

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Лев Кассиль

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

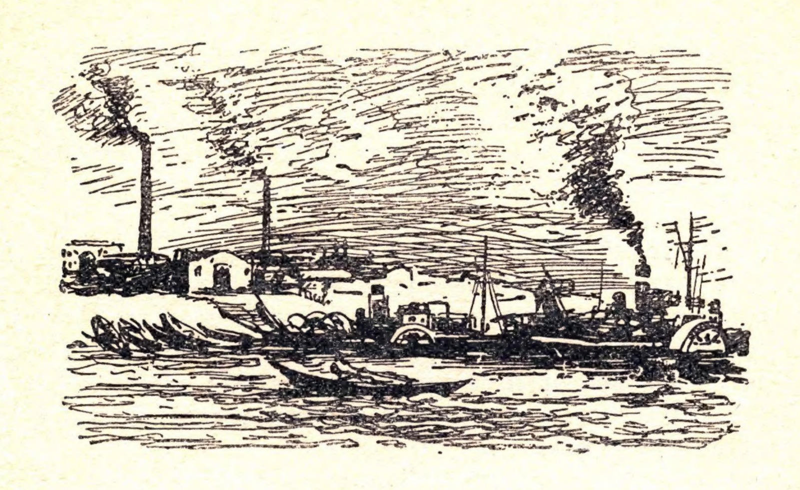
СИНЕГОРЦЫ РЫБАЧЬЕГО ЗАТОНА

ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ А. ЕРМОЛАЕВА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

Глава 1

ТАЙНА СТРАНЫ ЛАЗОРЕВЫХ ГОР

Так как в своей жизни я сам не раз открывал страны, которые не нанесли на карту скучные люди, то меня не слишком удивило, когда мой сосед по блиндажу, задумчивый великан Сеня Гай, признался мне, что открыл Синегорию — никому неведомую страну Лазоревых Гор. Там он и свел дружбу с прославленными мастерами-синегорцами Амальгамой, Изобаром и Джоном Садовая Голова.

С техником-интендантом Арсением Петровичем Гаем я познакомился на краю света летом 1942 года, когда плавал на Северном флоте.

Гай был здесь синоптиком одного из военных аэродромов Заполярья, пожалуй самого северного авиацион-

ного стойбища мира. Место это обозначено на карте, но нам от этого было не легче. Мы бы скорее предпочли, чтобы немцы считали, будто этой маленькой каменистой площадки, острозубых скал и мшистых сопок вообще нет на свете. Может быть, нас тогда бы оставили в покое.

Полярный круглосуточный день не давал нам ни сна, ни отдыха. Нас бомбили с утра до вечера, а утро в этих краях началось недель пять назад и до вечера надо было ждать еще не меньше трех месяцев. Раз по десять в сутки нам приходилось залезать в щели, а над головой взлетали обломки расколотых валунов, градом сыпались пластинки шифера.

По сигналу «воздух» Сеня бросался снимать с маленькой вышки полосатую матерчатую колбасу — длинный сачок для ловли ветра, хватал термометр и еще какие-то приборы, и всегда бывало так, что являлся он в укрытие последним, когда все уже кругом ухало, трещало и сыпалось.

— Сегодня, кажется, дают на все двенадцать баллов, — негромко ворчал он и, роясь в каких-то прихваченных им бумажках, тихонько мурлыкал про себя песенку, которую я уже не раз слышал от него:

И если даже нам порой придется туго,
Никто из нас, друзья, не струсит, не соврет.
Товарищ не предаст ни Родины, ни друга.
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

Я знал, что Сеня Гай между делом пишет стихи. И вообще мне было известно о нем все, что может быть известно о человеке, с которым уже две недели живешь в одном блиндаже. А с Гаем мы быстро сошлись. Оба мы были волжане и наверняка знали, что нет на свете реки лучше, чем наша Волга. До войны Арсений Петрович Гай изучал направление и особенности ветров в волжском низовье, где летом всегда дует горячо и за-

сушливо. Был он прежде учителем в средней школе, потом работал с пионерами. Он мог часами рассказывать увлекательнейшие вещи о погоде, о засухе, об изменчивых течениях воздуха. Он знал все ветры наперечет и обычно свой рассказ заключал фразой: «Мы все еще изучаем направление ветров, а задача состоит в том, чтобы повернуть их». И, сказав так, он снова брался за свои кальки, планшетки, карты и вычерчивал какие-то сложные кривые, напевая под нос:

Отца заменит сын, и внук заменит деда.
Мы — дети Синих Гор. Нас Родина зовет!
Отвага — наш девиз. — Труд, Верность и Победа!
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

— Это о каких же Синих Горах вы распеваете, Сеня? — спросил я однажды у него, когда мы лежали рядом в укрытии и треск зениток, уханье бомб стихли настолько, что можно было уже разговаривать.

— Это в нашей Синегории... Ну, кажется, отбой. Пойду шар-зонд запущу, верхние слои прощупаю.

Так я впервые услышал о синегорцах. Естественно, мне захотелось узнать больше. Однако когда я пробовал расспрашивать Гая, этот большой, широкоплечий, громоздкий человек со свежим мальчишеским лицом смущался, отнекивался, обещал каждый раз рассказать при случае все подробно, но откладывал дело со дня на день.

Меня очень влекло к Арсению. Я чувствовал, что ласковая и веселая тайна Гая очень дорога ему, и был осторожен в расспросах, не торопил, не настаивал. Срок моей командировки на Север истекал, пора было собираться в Москву, но мне было жаль расставаться с Гаем: я очень привязался к нашему синоптику. Если выпадали свободные часы и не было налета, мы бродили с ним по сопкам, лазили на скалы, пугая птиц. Гай показывал мне места, где весной бывают птичьи базары,

определял по положению валунов направление древних ледников, рассказывал об особенностях полярной карликовой березки стланки и оленьего мха ягеля, в котором глохли наши шаги.

Гай много знал и умел обо всем рассказать по-своему неожиданно; все вокруг: и мох, и валуны, и облака — открывало ему свои секреты, и казалось, что даже нелюдимая природа Заполярья доверяет Гаю и считает его своим человеком.

Ему часто приходили письма. Я видел на конвертах старательно выписанный адрес: «ВМПС № 3756-Ф», и заметил раз в уголке одного письма что-то вроде герба, никогда не виданного мною ни в одной геральдике: по светлому полю выгибалась радуга, и ее пересекала стрела, повитая плющом. Однажды пришел Гаю подарок — кисет и маленькое скромное зеркальце с крышкой, как у блокнота. И на кисете и на крышке был тот же герб со стрелой и радугой. А вокруг герба было выведено нечто вроде девиза: «Отвага, Верность, Труд, Победа».

— Вот, — сказал Гай, давая мне полюбоваться подарком, — не забывают меня у Лазоревых Гор. Синегорцы — народ верный. Это, конечно, Амальгама сообразил... Синегорчики мои дорогие! — И он улыбнулся скрытно и застенчиво.

Потом осторожно отобрал у меня зеркальце, погляделся в него, потер коротко стриженную голову и, заметив, что я хочу что-то спросить, опередил меня.

— Ладно, ладно, — сказал он, — расскажу. Придет время — и расскажу.

Он, видимо, хотел поближе узнать меня и пока не считал еще достаточно созревшим, чтобы делить со мной свою тайну. Но я после этого разговора немножко осмелел и, когда Гай снова получил письмо, уже сам спросил:

— Ну, что в Синегории слышно? Как поживают синегорцы и этот, как его... Альбумин?..

— Амальгама, — чуть усмехнувшись, но тотчас снова став серьезным, поправил меня Арсений.

— Нет, правда, откуда же это письмо и кисет с гербом?

— Из Синегории... Откуда же еще!

И лишь в день моего отъезда, когда я уже завязывал свой рюкзак, Арсений Петрович, закончив составление сводок всем, кто заказывал погоду, сказал мне:

— Улетаете сегодня?.. Ну что же, хотите, я расскажу вам напоследок? Только, чур, не перебивать меня. Хотите слушать, так уж слушайте и принимайте все на веру...

Мы сидели с ним у землянки, где помещалась метеостанция. Ночью сильно штормило. Море в заливе было темносиреневое после дождя и не совсем еще уходилось. Радуга гигантской семицветной скобой охватила небо, одним своим полупрозрачным концом слегка врезалась в горизонт и казалась потому совсем близкой.

Истребители прошлись под радугой, как под огромной воздушной аркой. В капонирах, сложенных из камней, укрытые ветвями, притаились самолеты-штурмовики. Под навесом с маскировочной сеткой летчики играли в «козла» и громко стучали костями о стол. Они играли молча и только крякали, когда с размаху выкладывали подходящее очко. В одной из ближних землянок запустили патефон. Песня была про златые горы, про реки, полные вина, которые певец отдал бы за чей-то ласковый взор, — на, бери все, не жалко, только люби... И оба мы — Арсений и я — вздохнули вместе, хотя и каждый о своем.

— Ну ладно, — начал Арсений, — давайте расскажу.

Глава 2

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ МАСТЕРАХ

— Была некогда такая страна Синегория, — начал свой рассказ Гай. — И там, у Лазоревых Гор, жили работящие и веселые люди — синегорцы. Природа в стране была добрая, климат вполне умеренный, так что и зимой жители не мерзли и летом чересчур жарко им не бывало, можно было всегда найти холодок под пальмами и всевозможными баобабами. А некогда грозный вулкан Квипрокво давно уже заснул и только изредка похрапывал во сне, что уже никого не пугало. Дети катались на салазках с его снежной вершины, и в самом жерле кратера люди пекли каштаны.

Путешественники из дальних стран приезжали сюда, чтобы полюбоваться Лазоревыми Горами, отведать чудесных плодов, которые в изобилии зрели тут, и приобрести несравненной чистоты зеркала, а также знаменитые мечи, острые и прочные, но столь тонкие, что стоило повернуть их ребром, и они делались невидимыми для глаза.

Плоды, зеркала и мечи Синегории славились на весь свет, и кто же не знал, что именно тут, у подножия горы Квипрокво, живут Три Великих Мастера — славнейший Мастер Зеркал и Хрусталя ясноглазый Амальгама, искуснейший оружейник Изобар и знаменитый садовник и плодовод, мудрый Джон Садовая Голова!

Могучие руки Изобара легко гнули самое толстое железо, но могли сплести и тончайшую кольчугу. Он ковал и мечи и плуги, а дети синегорцев играли затейливыми погремушками, которые мастерил для них добрый оружейник.

Джон Садовая Голова выращивал виноград, крупный, как яблоки, и яблоки, огромные и тяжелые, словно арбузы. В садах его цвели розы и лилии невиданной красоты.

От аромата их люди веселели, как от самого крепкого вина.

Но больше всех синегорцы любили Великого Мастера Амальгаму. Он отливал стекло, в гранях которого всеми семью своими цветами жила радуга, а зеркала славного Мастера обладали таинственным свойством сохранять в своих глубинах солнечный свет и излучать его в темноте. Причем тончайшие лучи, если перебирать их пальцами, пели, будто струны арфы. Все любили Мастера, ибо люди в Синегории были красивы и зеркала мало кого огорчали, а дети радовались семицветным зайчикам, которые целыми стайками спрыгивали с зеркал Амальгамы.

Но потом случилось так, что долгие годы ни один путешественник не мог проникнуть в Синегорию. Жестокие бури преграждали путь кораблям, желавшим приблизиться к острову. Лишь одному смелому мореплавателю и его отважным товарищам удалось наконец пробиться на корабле к берегам Синегории. Но когда корабль бросил якорь и усталые путешественники сошли на землю, они не узнали некогда веселой и цветущей страны, где прежде не раз вкушали сладкие плоды, дышали веселящим ароматом цветов, фехтовали легкими невидимыми мечами и разглядывали себя в хрустальных зеркалах...

Пустынно было на улицах. Хлопали ставни и распахнутые настежь двери домов. Ветер, ни на миг не унимаясь, выл в переулках, свистел в печных трубах, как злая собака трепал и рвал одежду людей. А люди шли сгибаясь, словно низко кланялись ветру, и деревья гнулись к самой земле. Ветер мел сухие листья по испорошенной земле, и ниоткуда не доносилось ни аромата цветов, ни детского смеха, ни пения птиц. Только скрипучий жестяной визг слышался отовсюду. Это гремели, крутились на всех крышах вертушки флюгеров.

— Что произошло у вас? — спросили у жителей озадаченные путешественники.

— Разве вы не знаете? — отвечали им. — Нас разорили ветры... Все пошло на ветер.

И путешественники узнали, что страной завладел злой и глупый король, который жил на соседнем острове. Звали его Фанфарон Без-Четверти-Двенадцатый, потому что Фанфарон Одиннадцатый давно уже отцарствовал и умер, а полный номер давали королю только по выслуге лет, так что первого Фанфарона звали сперва Нулевым, а был потом Фанфарон Полуторный, Фанфарон Двух-с-Половинный и т. д. А до Фанфаронов царствовала династия Хорохоров. Эта династия держалась на троне так долго, что все сбились со счета, и последнего из Хорохоров звали уже просто Хорохор Пятизначный-с-Дробью.

Король Фанфарон Без-Четверти-Двенадцатый был человек крайне легкомысленный Он ходил расфранченный в пух и прах и в конце концов пустил все свое состояние по ветру. И в народе стали говорить, что король продулся, у короля ветер в голове, король болтун и что ни скажет — все на ветер. И это было справедливо. Поэтому ветры всего света решили, что Фанфарон — самый подходящий для них, самый ветреный в мире король. Они слетелись на остров и стали уговаривать Фанфарона:

— Хочешь, мы развеем все печальные мысли твои, о король, мы раздуем твою славу на весь свет?

— Дуйте! — сказал глупый король.

И ветры стали хозяйничать в стране. Власть захватил Тайный Совет Ветров. Всем жителям было приказано поставить на крышах флюгера́, чтобы всем и каждому было видно, куда ветер дует. Под страхом смерти жители обязаны были держать двери раскрытыми настежь. Сквозняки проникали в дома через все двери, окна и

щели, подхватывали каждое слово и доносили его Фанфарону Все дети переболели ветряной оспой. Специально назначенные королем Начальники Печной Тяги следили за тем, чтобы люди все свои достатки пускали в трубу Разрешены были только духовые оркестры. Король окружил себя ветродуями и ветреницами Первым министром и, по сути, правителем страны стал главный придворный Ветрочет, хитрый Жилдабыл, продувная бестия. Король наградил его знаком Опахала, цепью Большого Веера и высшим отличием — «Розой Ветров».

Три славных Мастера были схвачены королевскими ветродуями и доставлены на остров. Джону Садовая Голова разрешили выращивать лишь одуванчики. Оружейнику Изобару приказали мастерить флюгера, одни лишь флюгера — ничего больше. А славному Амальгаме велели перебить все зеркала и больше никогда не отливать их, ибо король был крайне безобразен лицом и не раз уже бывало, что, посмотревшись в зеркало, он в ярости разбивал его. Ветры же ненавидели вообще всякие стекла, потому что они мешали дуть в окна. А злой, алчный Жилдабыл запретил зеркала, чтобы люди не могли сами разглядеть, как иссушили их ветры. И Великого Мастера, зеркала которого были жилищем света и красоты, заставили теперь быть поставщиком мыльных пузырей. Король Фанфарон очень любил пускать мыльные пузыри, а Мастер Амальгама знал секреты особых составов. Он подмешивал их в мыло, и король выдувал пузыри невиданного размера, серебристые, зеркальные. Они взлетали высоко и лопались не сразу. Но Амальгама знал, что все равно это дело лишь на полминуты, ибо искусство долговечно только тогда, когда человек с любовью вложил в труд всю свою вольную душу...

Глава 3

ЗЕРКАЛО И ВЕТРЫ

Гай прервал свой рассказ и вынул из кармана трубку. Я тоже достал свою, угостил Гая морским табаком — «капитанским». Мы закурили. И Арсений Петрович продолжал:

— Тяжелые времена настали в Синегории. Злые ветры иссушили поля и сады; где шумели прежде леса, там теперь громоздился бурелом, где благоухали розы, все заросло бурьяном и трын-травой. Только ветры выли в трубах да гремели жестяные флюгера. А король пускал мыльные пузыри, слушал, как верещат на крышах вертушки да рявкают духовые оркестры, и любовался облетающими одуванчиками.

Тем временем у Джона Садовая Голова выросла дочь Мельхиора, в тысячу раз более прекрасная, чем самая лучшая лилия, которая когда-то украшала цветники Джона. И ясноглазый Амальгама, томившийся в сумрачном замке, полюбил ее. Глаза Мельхиоры напоминали ему радугу, смех ее похож был на хрустальный звон лучей, отраженных зеркалом.

И девушка тоже полюбила Мастера за его лучистые глаза, за светлую голову и солнечный нрав. Джон Садовая Голова скрывал дочь от короля, но сквозняки пронюхали об этом и донесли Фанфарону.

— Фью-фью! — присвистнул Фанфарон, увидев, как прекрасна Мельхиора. — Я и не знал, что старый садовник утаил от нас свой лучший цветок... Почему бы твоей дочке не стать моей придворной ветреницей?

Красавица в ужасе отшатнулась от жадного урода.

Король понимал, что Мельхиора никогда не полюбит его, и потому пустился, по совету Жилдабыла, на хитрость. Он знал, что во дворце нет ни одного зеркала, Мельхиора никогда не видела своего лица и даже не

подозревает, как она хороша. И Фанфарон приказал всем, кто окружал прекрасную дочь Джона Садовая Голова, говорить ей, что она чудовищно уродлива. Отныне придворные, встречая Мельхиору, отворачивались якобы от ужаса и омерзения, а король пользовался каждым удобным случаем, чтобы сказать ей:

— Видишь, как я добр! Я, король, могучий повелитель Ветров, предлагаю тебе свою любовь и зову тебя стать моей ветреницей. Смотри, все отворачиваются от тебя, так ты безобразна. Но у меня доброе сердце, я помню заслуги твоего отца и не брезгаю тобой. Соглашайся же, быть может я сделаю тебя королевой.

Но Мельхиора продолжала упрямо отвергать любовь короля.

— Неужели я так безобразна? — в тоске спрашивала она у Амальгамы. — Как же ты полюбил меня?

— Ты прекрасней всех на свете, поверь мне, — говорил ей Амальгама, — и я готов повторить это где угодно, хотя бы Ветры и разорвали меня за такие слова. Ах, если бы у меня было хоть одно из моих зеркал, я бы дал тебе поглядеть в него, и ты сама не могла бы насмотреться на себя!

Но Мельхиора нигде не могла увидеть своего лица. Когда она выходила на улицу, король приказывал ей закрывать лицо покрывалом, чтобы народ не пугался ее уродства.

— Взгляни в мои глаза, — говорил ей Амальгама. — Разве ты не видишь, как ты хороша?

— Нет, — отвечала Мельхиора, — я вижу в твоих глазах только любовь, которая заслоняет все и так же слепит меня, должно быть, как и тебя, и больше ничего не вижу.

— Тогда пойди к пруду и посмотрись в него — вода скажет тебе правду! — воскликнул Амальгама.

И прекрасная Мельхиора побежала к пруду. Она на-

клонилась над его зеркальной поверхностью и стала смотреть на свое отражение. Но один из Ветров тотчас же прилетел сюда и принялся дуть на воду. Зеркало воды зарябило, и прекрасные черты Мельхиоры безобразно исказились. Она в ужасе отпрянула, закрыв лицо руками.

«Да, король прав, я действительно уродлива до крайности. Должно быть, Амальгама полюбил меня только из жалости».

Однако ей захотелось еще раз и окончательно убедиться в своем безобразии.

— Если я так уродлива, ваше величество, — сказала она королю, — то почему бы вам не помочь мне самой убедиться в своем уродстве? Разрешите Мастеру Амальгаме изготовить лишь одно, хотя бы самое маленькое, зеркало.

Король не знал, что ему ответить. Он был не очень-то умен и догадлив, этот повелитель Ветров. Но хитрый Жилдабыл опять подсказал ему совет.

— Заставь его отлить неверное стекло, — сказал Ветрочет королю. — Пусть она полюбуется на себя в кривом зеркале.

Король позвал Амальгаму и сказал:

— Говорят, что ты очень скучаешь без своих стекол, Мастер. Я разрешаю тебе отлить одно зеркало, но только это зеркало должно быть кривым, и каждый, кто взглянет в него, пусть увидит себя в самом смешном, непривлекательном виде. И чем красивее человек, тем пусть страшнее выглядит он в зеркале. Пусть нос его перекосится и станет поперек лица, глаза вылезут на щеки, рот расползется до ушей, а уши повиснут, как у собаки.

— Нет! Никогда, — отвечал Амальгама, — мои зеркала не могут кривить душой перед лицом истинной красоты.

Король разъярился:

— Ты посмел ослушаться моего приказания! Ты хочешь попасть в вентилятор?.. Эй, ветродуи! Взять его!

— Погоди... Сперва дай мне подумать, — сказал Амальгама.

Он помолчал несколько минут, потом, словно решившись и глядя своими ясными глазами в лицо короля, промолвил:

— Ладно, пусть будет по-твоему, я сделаю такое зеркало.

— Но не вздумай хитрить, — предупредил его король. — Сперва я сам взгляну в зеркало и проверю его на себе.

Амальгама пошел к себе в мастерскую, раздул огонь под горном, поставил тигель. Он отливал стекло три дня и три ночи. Еще три дня и три ночи гранил и шлифовал его. И он изготовил зеркало, лучше которого никогда еще не делал. Потом он доложил королю, что работа готова. Король посмотрел на зеркало сбоку и сказал:

— Я не замечаю, чтобы поверхность его была кривой.

— В этом-то и весь секрет, ваше величество, — ответил Амальгама. — С виду это обыкновенное стекло. Не угодно ли посмотреться в него?

Король взглянул на себя в зеркало, и так как был он несказанно безобразен, но уже много лет не видел себя в зеркале, то захохотал от восторга:

— Ты молодец, Мастер, я награжу тебя знаком Опахала. Ну и коверкает же человека твое зеркало! Смотри — нос поперек лица, глаза вылезли на щеки, рот растянулся до ушей и уши висят, как у собаки. Слава богу, что это лишь кривое зеркало.

И, уже ничего не опасаясь, Фанфарон приказал явиться Мельхиоре.

— Я выполнил твою просьбу, Мельхиора, — сказал

король. — Вот самое правдивое зеркало, его сделал твой друг Амальгама. Взгляни в него и согласись, что я говорил тебе правду. — Так сказал король посмеиваясь.

Но едва Мельхиора взглянула в зеркало, она отшатнулась и закрыла рукой глаза, не сразу поверив им.

— Теперь, надеюсь, ты убедилась, какова ты? — спросил довольный король.

— Да, теперь мне известно, какова я, — тихо произнесла Мельхиора и снова приникла к зеркалу, не в силах оторваться от него.

— То-то же, — сказал король. — Ну, теперь ты не будешь больше упрямиться. — И, повеселев, король позвал придворных и велел им всем глядеться в зеркало.

Министры и вельможи, ветродуи и Начальники Печной Тяги смотрели в зеркало и отплевывались: «Ну и рожи у нас получаются в этом стекле!» Им и невдомек было, что Амальгама изготовил зеркало совершенно прямое и верное. Только хитрый Жилдабыл заподозрил что-то неладное. Он схватил зеркало, внезапно поднес его к лицу Амальгамы и увидел, что Мастер отражается в стекле таким же ясноглазым, каким он был на самом деле.

— Смотрите, ваше величество, — завопил Жилдабыл, — негодяй обманул вас! Он изготовил зеркало с коварным свойством: наши лица и прекрасный лик самого короля стекло уродует, а лица Мастера и этой упрямицы оставляет неискаженными.

— Ну, не миновать теперь тебе вентилятора! — сказал Мастеру взбешенный король. Он хватил зеркалом о каменный пол с такой злобой, что стекло брызнуло во все стороны, и стал топтать осколки.

Королевские ветродуи схватили Амальгаму. Его бросили в темный подвал, куда не проникало ни искорки света.

На другой день ослушника судил Совет Ветров.

В огромном зале судилища, где под куполом были

размечены четыре страны света и вместо люстры дрожала гигантская стрелка компаса, собирались на совет Ветры.

Первыми вбежали гурьбой, став по левую и правую сторону трона, всевозможные Пассаты и Муссоны.

Главный флюгермейстер королевского двора объявил о прибытии Ветров. Вот ворвался бурный, очень взвинченный, туго закрутив на себе плащ, Циклон. Глаза его метали стрелы молний. Он гнал перед собой, нахлестывая бичом, гигантскую юлу, гудящий волчок из воды и песка... Из противоположной двери расслабленной походкой проследовал его противник — обрюзгший и вялый Антициклон. Он сгибался под тяжестью баллона, в котором был воздух под высоким давлением. Распущенное бесцветное одеяние болталось на нем.

— Господин Норд-Ост, северо-восточный Ветер! — провозгласил флюгермейстер.

Укутанный в меха, красноносый, с длинной белой развевающейся бородой, вторгся Норд-Ост. В зале сразу похолодало. Норд-Ост дышал со свистом, и дыхание его инеем оседало на пол. Длинной костлявой рукой, на которой вместо пальцев были сосульки, Норд-Ост вел за собой сына своего, Бора.

— Господин Зюйд-Вест, юго-западный Ветер! — объявил флюгермейстер.

— А-апчхи!..

Сморкаясь и чихая, вошел Зюйд-Вест в клеенчатом дождевике, развернув зонтик, шлепая ревматическими ногами в калошах, оставляя мокрые следы на паркете. В зале тотчас послышались кашель и чихание. Но вот раздался пронзительный свист, и в развевающемся шарфе цвета морской пены, в венке из осыпающихся виноградных листьев влетел еще один Ветер.

— Синьор Сирокко, гроза виноградников! — возвестил флюгермейстер.

Раскосый, с пиратской серьгой в ухе, раздув смуглые щеки, со свистом дыша сквозь редкие зубы, рассекая воздух самурайским мечом, ворвался Тайфун.

— Хан Суховей!..

И всех обдало горячим воздухом. Тяжело отдуваясь, облизывая сухим, бледным языком потрескавшиеся губы, вошел Ветер. У него были воспаленные колючие глаза, а на бритой голове — венок из сухого ковыля и полыни. За ним, звеня шпорами на мокасинах, в широкой ковбойской шляпе сомбреро, бешено вертя над головой свистящим лассо, пронесся Торнадо — ветер Вест-Индии и прерий. Примчался полуголый Фэн, жгучий брюнет с огненными глазами и тонким, сухим ртом, — губитель мандаринов Колхиды. На бронзовых плечах его курчавились завитки золотого руна, перекинутого за спину.

— Самум, Властитель Пустыни!

И в зал, яростно ревя бычьим голосом, вращая сумасшедшими глазами, скрипя песком на зубах, косматый, рыжий, весь в лохмотьях, ввалился страшила — головой под самый потолок.

Наконец флюгермейстер, набрав в грудь воздуху, так, словно он сам собрался продуть весь мир, громогласно объявил:

— Его королевское величество, тишайший повелитель Ветров Фанфарон!

Качнулись мехи органа; надув щеки, затрубили музыканты. Все задудело, завыло. Сквозняки зашмыгали по углам, маленький Вихрь пронесся по залу, крича:

— Дорогу королю!

В сопровождении главного Ветрочета Жилдабыла и свиты, состоящей из ветродуев и ветрениц, в короне с большим флюгером вошел Фанфарон.

— Господа Великие Ветры, — начал король, — улягтесь!

Ветры улеглись на широких диванах. Начался коро-

левский суд. Ветродуи ввели в зал Мастера Амальгаму. Увидев его, Ветры заревели и завыли. Поднялась буря в зале. Немалого труда стоило флюгермейстеру справиться с этим ураганом и установить снова в зале штиль.

Бесстрашный и ясноглазый, смотрел на короля и окружающих Мастер Зеркал.

Жилдабыл прочел обвинение.

— Признаешь ли ты себя виновным? — спросил король.

— Я виновен только в том, — гордо отвечал Мастер, — что всю свою жизнь не искажал прекрасного, не скрывал уродства, не льстил безобразию и говорил людям правду прямо в лицо.

— Выжечь ему глаза! — завопил Суховей.

— Забить ему рот песком! — взревел Самум.

— Захлестать его ливнем! — предложил Зюйд-Вест.

— Скрутить его в смерч! — взвизгнул Циклон.

— Замор-р-розить его! — проскрежетал Норд-Ост.

— Удушить и растоптать! — гаркнул Торнадо.

— Сделать ему харакири! — взвыл Тайфун.

— В вентилятор его! — закричал король.

— В вентилятор! — повторили Ветры.

Это была самая лютая казнь.

Амальгаму заключили в высокую башню одной из стен замка. Казнь была назначена на утро.

Глава 4
В ПОИСКАХ СИНЕГОРИИ

Гай замолк.

— Что же случилось дальше? — спросил я нетерпеливо.

— Прекрасная Мельхиора... — начал было Арсений.

Но тут сигнальщики закричали «воздух». У команд-

ного пункта взвыла сирена. Под навесом посыпались со стола кости домино. Румяная подавальщица Клава промчалась мимо нас к щелям укрытия, опережая всех.

— Клавочка, самовар поспел, бежит! — крикнул кто-то из летчиков.

Клава выскочила из укрытия, схватила горевший яркой медью самовар — гордость аэродромной столовой — и, как ни фыркал он, как ни плевался, утащила его под скалу.

Немцы шли от солнца. Крылатые тени ударили нас по глазам.

Ды-ды-ды-ды!!! — оглушительно зачастили счетверенные пулеметы.

Даранг-даранг-даранг! — задергались скорострельные зенитки.

Мы едва успели добежать до щели, как над нами, переходя с тонкого свиста на тошнотворный вой, что-то просверлило воздух и, покрывая все тяжким, стопудовым обвалом, ахнулось оземь на аэродроме. Потрясенная округа долго не могла притти в себя, и каждое ущелье спешило скорее сбыть подальше этот ужасный, не вмещающийся в мире гром. Только мы подняли головы, как земля снова судорожно забилась под нами, и стало темно от взброшенных к небу камней. И в эту минуту я увидел, как Арсений Гай вскочил и, сгибаясь, побежал к своей землянке.

— Я сейчас... термометр снять...

— Ложись!..

Поздно... Бомба рассадила до основания скалу возле метеорологической станции. Когда мы подбежали туда, на мху и расщепленных бревнах блестели капли ртути.

Я бросился на колени, подвел руку под тяжелое, большое тело Гая, лежавшего ничком, повернул его лицом к себе. Он посмотрел на меня словно очень изда-

лека, губы его разжались, но зубы оставались стиснутыми, и сквозь зубы, чуть слышно он проговорил:

— Если доведется... встретите если... зеркало...

Он попытался нашарить карман на груди, но пальцы у него свело, и рука на полпути вывернулась ладонью вверх. Я осторожно вынул у него из кармана гимнастерки зеркальце, раскрыл, приложил ко рту Арсения. Стекло не замутилось. Зеркальце оставалось ясным. И говорить больше было не о чем.

Злой ветер! Мы знаем, из какого гнезда прилетел ты, черный ветер, чтоб унести на своих, желтым крестом меченных, крыльях жизнь нашего синоптика... Комкая в стиснутых кулаках пилотки, молча стояли вокруг летчики и бойцы батальона обслуживания. Тихо плакала, уткнувшись в передник, подавальщица Клава. А полярное бессонное и немигающее небо смотрело сверху на нас, и все окрест было таким же, как и пятнадцать минут назад. Но мне показалось, что и море, и сопки, и скалы — все, что было перед этим таким знакомым, теперь облеклось в сумрачную тайну, которую нам было уже не разгадать без нашего Гая.

В разбитом блиндаже все было искромсано и опалено. Я нашел лишь обрывок начатого письма:

«Привет вам, славные синегорцы, привет тебе, прилежный Изобар, здравствуй, солнечный Амальгама, добрый день, Джон Садовая Голова. Как живете, дорогие мои ма...»

Мы похоронили Арсения Петровича Гая на вершине одной из сопок. Могилу подкопали под большим валуном, похожим на дремлющего белого медведя. Камень, выбранный нами в надгробье Гаю, был надежный: никакая фугаска не свернула бы такую махину. Клава обложила могилу серебристым мхом ягелем. На валуне большими буквами написали: «Арсений Петрович Гай».

А я нарисовал на камне герб страны Синегории: радугу и стрелу, повитую плющом. Я срисовал это с треснувшего зеркальца, которое взял себе на память об удивительном человеке Арсении Гае и тайне его, которую он унес с собой в могилу.

Через час мне пришлось улететь. С тяжелым сердцем покидал я аэродром, где остался лежать под каменным белым медведем Сеня Гай — добрый великан из страны Лазоревых Гор.

Так и не узнал я, что же стало с Мастером Амальгамой и красавицей Мельхиорой.

Потом я вернулся в Москву, занимался своими делами, но у меня не выходил из головы Арсений Гай и его рассказ, конец которого я не успел дослушать. Мне подумалось, что надо будет рассказать об этой истории по радио и тогда, может быть, откликнутся люди, знающие, где находится Синегория и как найти мне славных Мастеров. Сделать мне это было нетрудно. Я работал на радио и раз в месяц собирал за Круглым Столом разных интересных людей. Тут были и знаменитые артисты, и герои-воины, и прославленные мастера заводов, и известные писатели. И каждый рассказывал у микрофона что-нибудь занятное, интересное. И вот я тоже рассказал однажды об Арсении Петровиче Гае и о трех его неведомых мастерах из страны Лазоревых Гор.

Не прошло и недели, как я получил письмо из волжского города Затонска:

«Уважаемый Председатель Круглого Стола! Добрый день! Привет Вам от синегорцев Рыбачьего Затона. Мы слышали передачу, как Вы говорили по радио о нашем славном родоначальнике товарище Гае А. П., который пал смертью храбрых на фронте. Мы знаем дальше о Трех Мастерах. Если, конечно, это Вас интересует. Приезжайте к нам в Затонск. Мы еще можем сообщить вам

много всего для рассказов за Круглым Столом. Только не забудьте захватить то зеркальце.

Отвага, Верность, Труд, Победа!

По поручению синегорцев — Амальгама». (Подпись и герб синегорцев.)

Обратного адреса в письме не было, других подписей также не оказалось. И я подумал: уж не подшутил ли кто надо мною?..

Недавно я был на Волге, в своих родных краях. У меня выкроилось немного свободного времени, и я решил съездить на денек в Затонск. Сойдя с парохода, я отыскал дом для приезжих. Конечно, комнат свободных не было. Мне дали койку в номере на несколько человек. Я оставил чемодан и пошел в горсовет, чтобы узнать, где находится Дом пионеров; там уж наверное слышали об Арсении Петровиче, и я, может быть, выяснил бы все, что мне требовалось. В горсовете мне дали нужный адрес, но сказали, что пионеров я застану позже, пообещали к вечеру устроить отдельный номер в гостинице, а пока что я решил погулять по городу.

Городок был небольшой и всем обликом своим очень напоминал тот, в котором я сам вырос. И хотя я был в Затонске первый раз, мне все казалось тут уже знакомым: и пески на Волге, заросшие ивняком, между ветвей которого с легким звоном ветер нес песчаные струйки, и акации вдоль кирпичных тротуаров, и горбатые землечерпалки в Затоне, и базар с каланчой.

Лазоревых гор я нигде не заметил. На левом берегу Волги вообще горы встречаются редко — луговая здесь сторона. А ветер действительно дул не унимаясь, горячий, сухой ветер Заволжья.

Когда я вернулся к себе, мой сосед по комнате, сидевший на своей койке, роясь в толстом портфеле, сообщил, что мне есть письмо. Я увидел на своей

подушке хитро сложенный ромбиком пакетик и, развернув его, прочел:

«Синегорцы знают, что Вы прибыли, и приветствуют Вас в своем городе. Добрый день, с приездом. Отвага, Верность, Труд, Победа!

Привет, Амальгама».

И внизу стоял значок синегорцев — оплетенная вьюнком стрела, положенная на радужный лук.

Я утомился с дороги и лег вздремнуть. Когда я проснулся, внимание мое невольно привлекло что-то, настойчиво мелькавшее по потолку. Я поднял глаза кверху и увидел светлое радужное пятнышко, обегающее карниз комнаты, прыгающее на потолок и снова соскальзывающее на стены. Сперва я не придал этому никакого значения, но потом зайчик заинтересовал меня. Я заметил, что он делает правильные круги по потолку и останавливается на запыленной люстре, висюльки которой вспыхивали при этом красными, фиолетовыми, оранжевыми и зелеными огоньками. Слегка задержавшись на хрустальных подвесках люстры, зайчик снова спрыгнул на стену.

Я встал с постели и выглянул на улицу. Зной плыл над ней. Запыленная трава пробивалась сквозь унылый булыжник, и против окна; на другой стороне улицы, стоял под акацией паренек в пионерском галстуке, с толстой папкой подмышкой. Увидев меня, он отдал салют, потом показал мне издали что-то красное, сверкнувшее у него в руке, спрятал этот предмет в карман и снова отсалютовал.

— Это ужас глядеть, до чего дети распустились! — проворчал мой деловитый сосед, приподнявшись на своей койке. — Буквально драть бы следовало, да некому... Я вот тебе! — погрозил он в окно. — По твоему возрасту люди в настоящее время знаешь уже какие дела делают? А ты в кошки-мышки балуешься. Еще пионер...

Мальчуган, словно бы не слушая его, смотрел на меня во все глаза. А глаза у него были огромные; казалось, что от них самих сейчас побегут солнечные зайчики. Я крикнул ему из окна:

— А ну довольно там тебе мешком солнышко ловить! Так, что ли, в песенке поется? Заходи!

Мальчишку словно ветром сдуло. Затопали, застучали внизу деревянные стукалки-сандалии, и я еще не успел дойти до двери, как за ней раздалось:

— Можно?

— Прошу пожаловать.

Вошел мальчик, небольшой, очень худенький, но стройный, светлоглазый, в выгоревшей тюбетейке на макушке.

— Здравствуйте. Это я вам сигналил.

— Что же это ты мне сигналил?

— Вызов давал. — И он внимательно, испытующе посмотрел мне в лицо. Затем продолжал чуточку с недоверием: — А разве вы сигнал не знаете, у вас нет с собой зеркала?

Тогда я что-то понял и предъявил свое заветное зеркальце.

— Значит, Отвага и Труд? — сказал я.

— Верность и Победа! — откликнулся он.

— Так это ты мне писал?

— Я, — сказал он, чуть покраснев, но продолжая глядеть мне прямо в глаза.

— Стало быть, ты и есть Амальгама?

Он кивнул головой:

— Я тоже. Но только вам Арсений Петрович про другого говорил. Вот тут все написано, — и он протянул мне большую папку, завязанную тесемочками. На ней красовался цветной герб синегорцев.

Я развязал папку, открыл ее и на первом листе прочел крупный заголовок:

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА ЗАТОНСКА
Составлено Валерием Черепашкиным, учеником 5-А класса средней школы г. Затонска

«В окрестностях нашего города было всегда полно неископаемых сокровищ», прочел я далее и перевернул страницу. Мне бросились в глаза строки:

«По-моему, кто не любит свой город, где сам родился и вырос, так города, где другие родились, он совсем уж не полюбит. Что же он тогда, спрашивается, любит на земле?»

Обратил я внимание еще на одно место, подчеркнутое внизу той же страницы:

«Великие люди из нашего города пока еще не выходили, но, может быть, они уже родились и живут в нем».

«Кажется, недаром приехал я сюда», подумалось мне. И не ошибся. Действительно, я провел в Затонске не один день, а целую неделю. Я выяснил не только, чем кончилась история Трех Мастеров, но узнал еще очень много интересного. Обо всем этом я написал в повести, которая и начнется, в сущности, лишь со следующей главы, называющейся:

Глава 5
УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

— Капка!

Капка не шевелился.

— Капка, время уже...

Он не отзывался. Ему было не до того. Он ничего не слышал. Лешка Дульков был перед ним, долговязый Лешка, по прозвищу Ходуля, и его следовало проучить раз и навсегда, чтобы знал, чтобы помнил. Да, раз и навсегда!

— Но, но, легче! Не имеешь права физически, — сказал Лешка отодвигаясь.

— А дело делать на шаляй-валяй у тебя есть право? Манкировать у тебя откуда право взялось? Я тебя отучу манкировать!

Манкировать — это было новое модное словечко у мальчиков Рыбачьего Затона.

— Я не манкирую, — сказал Лешка. — Сами брак даете, а Дульков отвечает. Тоже не разговор.

— Нет, ты скажи, совесть у тебя имеется? По твоей милости мы с самолета на паровоз перешли. А сейчас нас на велосипед пересаживают, на общий смех. Так и до улитки недалеко.

— Можешь словами высказываться, а насчет рук это оставь, говорю. Ну, слышь, Бутырев?..

Капка ударил левой. Он был левша, и это было его преимуществом в драке. Противник не ожидал удара с этой стороны. Ходуля покачнулся и сказал:

— Не имеешь полного права. Попробуй только еще раз!

Капка попробовал еще раз. Хорошо ударил, сильно ударил. Все видели: он маленький, а не боится длинного.

— Капка, время! — кричала ему в ухо сестра Рима и тормошила его.

Он не слышал, он ничего не слышал. Он расправлялся с Лешкой, этим лодырем Лешкой, этим всем надоевшим, все дело портившим Лешкой.

— Что, получил? На́ еще! Мало? На! Будешь? Прими за это! Сыт?

Он услышал, что сестра подсказывает что-то насчет времени. Да, такое время, а этот Лешка срамит всех ребят. И вот вчера они еще были на щите в первой графе, на самолете, а сегодня уже по вине Лешки еле держатся на паровозе, а того и гляди, их перенесут в пятую графу, под велосипед.

— Капитон, довольно тебе, хватит спать! Время уже.

— А ну тебя, Римка, вот пристала!.. Уйди. Мм... Вот как встану, да...

Все стало уплывать куда-то вбок, порвалось, как в кино, когда происходит обрыв ленты. Капка открыл один глаз. Над ним склонилась старшая сестра Рима.

— Уйди, Римка, уйди ты!.. Всегда ты доглядеть толком не даешь. Видишь, человеку снится чего-то, можешь обождать!

Капка со злостью посмотрел на сестру одним глазом и попробовал открыть второй. Но глаз не открывался. Вот еще неприятность! Это все вчерашняя история. Конечно, это он подстроил, Лешка. Парни со Свищевки сами бы не полезли. Да, дело было совсем не так, как сейчас приснилось. Еще бы: он был один, а их трое.

Капка отвернулся от сестры и украдкой пощупал глаз. Эге, вот так гуля! Здорово запух. Наверное, заметно будет. Глаз медленно приоткрывался, словно и на свет смотреть не хотел. И верно, мало хорошего на свете, товарищи, особенно если вас так стукнуть.

— Мойся, Капка, да садись поешь, я сейчас лепешек дам. С вечера тесто ставила

— Некогда мне твоих лепешек дожидаться, и так чуть не проспал. Говорил, во-время буди! — Капка старался не поворачиваться к сестре правой скулой.

Рима ушла в сени. Он вскочил с отцовской кровати, вытащил из-под матраца аккуратно сложенные, чтобы прогладились за ночь, брюки, пошел умылся. Глаз не то чтобы болел, но ныл легонько.

Проснулась маленькая Нюшка, села на кровати.

— Я уже поспала... Рима, а лепешки будешь печь? Мне сколько дашь?

— Иди умойся сперва! — крикнула из сеней сестра.

— А почему Капка не умывался?

— А я умылся.

— Ну да, а у самого под глазом черное совсем.

— Нюшка, битой будешь, предупреждаю, — пригрозил вполголоса Капка.

— Не мылся, не мылся!

— Да раз не отмывается, — проворчал Капка. — Это кислотой попало.

Вошла с чайником Рима.

— Капка, глаз-то, вот так да! Это как же?

— Сказал, кажется, ясно: кислота. Ну, мне итти время.

— Глаз-то смотрит? — озабоченно спросила Рима, заглядывая в лицо брату.

Капка прищурил здоровый глаз и посмотрел ушибленным.

— Глядит. Полная видимость.

— Ты хоть в зеркало взгляни, какая у тебя видимость.

— Некогда мне по зеркалам смотреть, это твое занятие главное.

— Да, а у самого вон что я вчера подобрала, из кармана выпало.

Капка увидел в руках у сестры маленькое зеркальце-книжку. Он подскочил к Риме:

— Дай сюда сейчас же и запомни на всю свою жизнь, что хватать его никто тебя не просит. Учти это для твоей же пользы.

— Ну, с левой ноги встал, — сказала Рима.

Капка промолчал. Он налил в кружку кипятку и стал сердито макать туда пригорелый сухарь. Маленькая Нюшка, торопясь, напяливала на себя платьице, путалась в рукавах, никак не могла выпростать голову и, зная, что брат спешит уйти, тыкаясь изнутри в материю, лезла с вопросами:

— Капка, а когда ты мне фырчалку, чтобы сама крутилась, починишь? Ты обещал.

— Ну, с левой ноги встал, — сказала Рима

— Ладно, сделаю. Погоди.

— Нюшка, — послышался из сеней голос Римы, — ты в тесте ковырялась? Кто же это у меня разворочал все тут?

— Рима, я правда не лазила, ей-правду не лазила, — заспешила Нюшка, выбравшаяся наконец головой из ворота.

— Это, может, я, — признался Капка, уткнувшись в кружку.

— Кто же тебя звал туда лазить?

— Это я ночью на глаз лепешки клал вроде примочки. Горело очень. Я клал сперва тряпку мокрую, а она больно быстро сохнет; а тесто хорошо, долго сырое. Я хотел обратно потом в квашню, да заснул.

— И не совестно тебе? Муки и так нет, а он...

— Чего ты привязываешься сегодня ко мне все утро! — рассердился Капка. Он был не в духе. — Уйду вот от вас в общежитие, и существуйте тут одни без меня. Не дадут человеку поесть толком! — Капка, нагнувшись, собрался было утереть рот углом скатерти, но Рима выдернула ее из-под рук. — Обойдусь без твоих лепешек, не помру.

Он встал и большими пальцами обеих рук заправил складки гимнастерки под пояс назад, поправил пряжку с буквами «РУ».

— Капка, — попросила Рима, — ты поколи дров мне, а я воды наношу. Постираться хочу сегодня. Да, еще тетя Глаша вчера примус принесла. Иголка застряла, а у тебя магнит есть. И от Маркеловых костыль притащили. К ним сын вернулся, перекладинка отскочила. Ты почини, Капа.

— Ладно, вечером, как с работы приду, сделаю. Ну, где дрова? Давай колун, да живей, а то опоздаю.

Рима разжигала чурки, сложенные на шестке под маленьким таганком. Она чиркнула зажигалкой, из-под

пальца метнулись остренькие искры, похожие на раскаленные гвоздочки. Щепки были сырые, не разгорались.

— Стой, дай-ка сюда, — сказал Капка, увидев зажигалку. — Это ты откуда взяла?

— Лешка дал, Дульков.

— Так, — промолвил Капка и положил зажигалку в карман.

— Капитон! Это, кажется, не тебе подарили.

— Ты-ы-ы, — с уничтожающим презрением проговорил Капка, — привадила долговязого! Надо иметь все-таки понятие, у кого берешь.

— Не знаю я всех ваших делов.

— «Делов»! Семилетку кончаешь, а говорить, как правильно, не знаешь.

— Ну дел, все равно.

— Нет, не все равно. Он в Затоне у нас медь ворует, на базаре чиркалками торгует. Гнус он, спекулянт вредный, а ты его приваживаешь.

— Ну, и не твоя забота.

Капка, который был уже в сенях, вернулся, медленно подошел к сестре. Маленький, плечистый, он смотрел на красивую, рослую сестру снизу.

— А чья же еще забота? Скажи! Ну? Отец что наказывал, когда уезжал? Ты это помни. А с сюрпризом этим простись.

Он вынул из кармана зажигалку, пальцем провернул колесико, зажег, плюнул на огонь, повертел перед лицом Римы и сердито сунул в карман.

Вскоре со двора послышались глухие удары. Это Капка колол дрова. Дрова попались сырые, горбыли, осина. Колун застревал, поленья разваливались нехотя, со скрипом. Но Капка, рассадив с размаху толстый чурбак, вогнав клин колуна по самую середину, по-мужичьи ухая, ловко разваливал самые кряжистые и упрямые поленья.

Но вот дрова переколоты. Нюшка подобрала приглянувшиеся ей щепочки.

— Рима, я пошел.

И Капка, надев фуражку и шинель, перепоясавшись поверх хлястика кушаком с латунной бляшкой, отправился в Затон на свой Судоремонтный.

Глава 6
«ИСПЫТАЙТЕ ВАШИ НЕРВЫ»

День был свежий, с Волги дул резкий ветер. Еще не подсохла весенняя грязь. На пустыре стояли большие лужи. В них отражались тягучие облака и синие просветы неба. Из одной лужи пила курица. Попив немного, она всякий раз закидывала вверх голову, словно каждый глоток заучивала наизусть. Капка присвистнул и вспугнул курицу. Она шарахнулась, растопыря крылья. Капка прошел через пустырь. В стороне остался школьный сад. Галочьи гнезда темнели в еще сквозной путанице недавно обзеленившихся ветвей. За кирпичной оградой сада, чем-то крайне обеспокоенные, галки то и дело срывались стаей с деревьев и, крича, носились над парком. В саду пропела какая-то незнакомая дудка.

«Что это, пионеры, что ли? — подумал Капка. — Не похоже что-то. Рань такая, и галки разорались...»

Потом ветер донес сдвоенные удары колокола. Звон был тоже незнакомый. Капка даже приостановился вслушиваясь. Будто склянки бьют, как на пароходе. А с пристаней сюда не слышно.

Но Капке было некогда разузнавать, что всё это значит. Ему надо было еще заглянуть на базар.

Капка свернул в переулок, а потом перешел на другую сторону, чтобы не проходить близко от сада, где жила презлющая старуха и не менее злопамятная собака.

Отношения с обеими у Капки были испорчены еще с давней поры.

Но собака и старуха уже заметили спешившего по другой стороне Капку. Пес сварливо залаял, гремя цепью, ходившей по проволоке. Пес бегал, проволока гудела, словно трамвай шел. А старуха, грозя колючим кулаком через палисад, кричала Капке издали:

— Иди, иди сторонкой! Знаем мы вас, так и зыркают глазами, чего бы такое схватить.

Капка шел, не глядя в эту сторону и как бы не слыша крика.

Соседка, выйдя из своей калитки, успокаивала старуху:

— Это ты, Митревна, напрасно. Что ты его костеришь? Они, ремесленники, ребята старательные.

— Уж я знаю, какие старательные, — не унималась старуха. — Вчера, скажи, глянуть не успела, а вот такой же «старательный» мигом полотенце с веревки и сдернул. А тоже при фуражке, и пуговицы казенные. Да сам здоровый такой, цельный мужик ростом, а как припустился!

(Проклятый Лешка! Верно, это он побывал тут!)

Вот и базар. Час был ранний, народ еще только собирался. Длинные тени тянулись от возов. Базар еще был чистым, не замусоренным. Ветер гнал пучки сена между пустовавшими пока рядами. Но уже сидел близ дороги рябой, коротко стриженный слепец, вперив свой незрячий взор в поднимавшееся солнце. Слепца окружали тихие бабы. Одна из них качала головой в такт словам слепого, который медленно водил пальцами по выпуклым знакам на странице гадальной книги.

— Ожидается ему вскоре подполнение жизни, — говорил певучим голосом слепец, — и выходят ему при большой награде благополучные обстоятельства.

— А сам-то живой, здоровый? — спрашивала баба.

— Книга на сие ответствует, что можете иметь надежду и судьба придает счастливое свидание, если не выйдет исход Фортуны...

И, слушая эти туманные предсказания, кивала бедная баба головой и крестилась:

— Ну, слава тебе, господи! Спасибо, дорогой.

Уже хлюпала где-то, пиликая и подтявкивая, шарманка. Эвакуированный из Ялты чистильщик сапог уже успел развернуть свой полотняный зонт с фестонами над высоким стулом красного бархата и присел на скамеечке подле ящика, на котором под деревянным следом был звонок, что было новинкой в Затонске. Мальчишки молчаливой толпой окружали чистильщика, который уже прошелся алой бархоткой по сапогам какого-то лейтенанта, хлопнул щеткой о щетку, перевернув, сложил их и, ударив по рычажку звонка, возвещая конец сеанса, небрежно бросил скомканную трешку в ящик, снова звякнув при этом.

Но Капке некогда было любоваться работой мастера, хотя только что на красный бархатный трон взошел человек в яркожелтых, совершенно желтых ботинках, и мальчишки замерли, предвкушая роскошное зрелище.

Встретился лотошник, веселый, разбитной, как всегда изумивший Капку своим красноречием. Удивительно легко и гладко получалось у него: «Имеется, граждане, курительная бумага на закурку для махорки, марки почтовые, заколки для женского персонала, годится бумажка на оберточку для пудры и для других надобных целей, марки кому угодно, художественные открытки с видами роз и цветов». Но не до цветов и видов было Капке. Не остановился он и у замечательного сооружения, около которого сидел интеллигентный старичок в соломенной шляпе. Полукруглый циферблат венчал высокую деревянную колонку, дрожала стрелка-егоза, вились зеленые провода, висели по бокам две ручки,

какие бывают на детских скакалках. И надпись гласила: «Испытайте ваши нервы». А снизу была прибита еще одна дощечка, и на ней значилось: «Аппарат изобретен Эдисоном, безвреден для здоровья. Только один рубль».

Конечно, это было очень соблазнительно. Всего лишь один рубль! Чистая выгода: всего лишь за один рубль узнать, какова у тебя выдержка и на что ты годишься. Но Капка не остановился и здесь. Ему предстояло в этот день более серьезное испытание нервов, чем на аппарате Эдисона, вполне безвредном для здоровья.

Капка отправился туда, где сбывали с рук всякие случайные вещи. Здесь какие-то темные личности в некогда военных стеганках и пилотках без звездочек торговали махоркой, пробками к электрическим счетчикам, примусными иголками, телеграфными фарфоровыми роликами. Здесь можно было купить случайно щипцы для завивки волос, старый велосипедный насос, ванночку для промывания негативов, спиральку для электрической плитки, старый пугач и всякий иной ржавый технический хлам.

Прежде Капка частенько заглядывал сюда в поисках нужной гайки или шурупа, которого недоставало в сложном Капкином хозяйстве. Руки у Капки были золотые, и он сам вечно мастерил то детекторный радиоприемник, то флюгер с вертушкой, то чинил звонок, исправлял керосинку «Грец» или какой-нибудь другой аппарат домашнего обихода. Но сегодня Капка зашел сюда не как покупатель. Долговязого Лешку, позор и несчастье всей бригады, Лешку Дулькова хотел поймать тут с поличным Капка Бутырев — вожак фронтовой бригады ремесленников, которая недавно еще значилась в графе под самолетом на доске соревнования, а сегодня из-за проклятого Лешки едва не оказалась под велосипедом.

Известно было, что Лешка Дульков в свободное вре-

мя слонялся здесь, на базаре, промышляя чем попало, от срезанного им где-то выключателя до зажигалок, которые он искусно мастерил из краденной на заводе меди.

Вчера, когда щит соревнования, выставленный на заводском дворе, окончательно обесславил Капкину бригаду, с Лешкой было крепко поговорено на собрании в самом высоком стиле и затем растолковано в более крепких выражениях за воротами завода. Лешка прикинулся больным: и так, мол, он пострадал на производстве — у него нарывает палец, поврежденный резцом. Он заявил, что уйдет на бюллетень. И действительно, палец у Лешки распух и потемнел, потому что он его чем-то искусно растравил. И вот теперь Капка был уверен, что встретит здесь своего нерадивого бригадника. Так и вышло. Капка сразу увидел в толпе долговязую фигуру не по годам вытянувшегося Лешки Дулькова. Но Лешка тоже сразу заметил своего бригадира и, выхватив из рук оторопевшего покупателя новенькую зажигалку, быстро упрятал ее под полу шинели и пытался скрыться в толпе. Капка бросился за ним и быстро настиг.

— Дульков, что так спешишь?

Дульков остановился, не оборачиваясь, посмотрел сверху через плечо на маленького Капку.

— А чего мне спешить, я на бюллетене. Палец, понимаешь, нарывает, всю ночь, понимаешь, дергало так, прямо терпежу нет.

— Да ну? — иронически протянул Капка.

— Вот тебе и «ну». Доктор говорит, придется, понимаешь, вскрытие делать.

— Вскрытие только покойникам делают, — мрачно сказал Капка, — а ты еще заметно живой. Я лично еще не замечал, чтобы покойники зажигалками торговали.

— А кто торговал? Ты видел? Докажи.

— Ох, и гнус же ты, Лешка! — медленно, негромко, но от всего сердца сказал Капка и пожалел, что дело происходит не во сне, где можно было бы дать волю рукам.

Он отвернулся, чтобы не глядеть на долговязую, нескладную фигуру Лешки, не видеть его маленьких нагловатых, а сейчас с деланной обидой моргающих глаз.

— Чего вы ко мне все прицепляетесь! — заговорил Лешка своим писклявым, очень не вяжущимся с высокой фигурой голосом. — У меня и так покоя нет, палец донимает, а тут еще ты привязался, как болячка! Ну вас, на самом деле! Отец, отец, оставь угрозы...

Лешка Дульков любил неожиданно щегольнуть литературным оборотом речи. Для этого применялись им ни к селу ни к городу подписи под иллюстрациями в собрании сочинений Лермонтова. Самой книги Лешка, конечно, не читал, но то, что было напечатано под картинками, запало ему в голову, и надо не надо он пускал в ход: «Вы странный человек!..», «Так вот все то, что я любил!..», «О други, это мой отец...», «Мне дурно, — проговорила она...», «Блеснула шашка, раз и два, и покатилась голова...» Ходуля вполне обходился этими познаниями.

— Слушай, Лешка, — произнес Капка, и голос у него был такой, что Лешка сразу замолк. — Слушай, Лешка, я не доктор, болячки твои под микроскоп класть не собираюсь, но только скажу тебе, чтобы ты сегодня же был у места, а не то жить тебе на свете будет очень даже тошно. Это я тебя честно предупреждаю.

— Не ты ли уж мне эту повесточку прислал? — сказал вдруг Лешка, вынимая из-за пазухи скомканную бумажку и расправляя ее.

Капка увидел в уголке бумажки радужный лук и стрелу. Он плотно сжал свой маленький крепкий рот.

— Какие-то еще синегорцы мне грозятся, про то да се пишут, корят, стыдят... Мне дурно, проговорила она... Нечего незнайку строить!.. Твоих рук дело, ваша брашка работает?

— Стану я на тебя бумагу тратить! — сказал Капка. — И ты мне зубы не заговаривай, Лешка. Чтоб был на заводе, и все! Да, погоди, — остановил он пошедшего было Лешку. — Ты вчера у сестры, видно, забыл, так возьми. — И он протянул ему зажигалку, взятую у Римы. — Твоя?

— Ну, моя, — пробормотал Лешка.

— На, забирай, — сказал Капка, — и не приваживайся.

Ходуля в нерешительности повертел в руках свою зажигалку, не зная, спрятать ли ее скорей в карман или еще поломаться немножко.

— Взял бы, — протянул он, — пригодится все-таки. Вы странный человек, — добавил Лешка напыщенно.

— Обойдемся, — ответил Капка.

Тут Лешка впервые за весь разговор рискнул посмотреть Капке в лицо, заметил с удовлетворением отек под глазом и не удержался.

— Висит скелет полуистлевший, из глаз посыпался песок, — сказал он насмешливо. — Зачем тебе зажигалка, когда свой фонарь под глазом! Где это тебе колотовка была? Аж закуривать можно.

Капка до хруста сжал кулаки. Эх, если бы он не был бригадиром...

— Давай, Дульков, про то не будем, — глухо проговорил он, — а то как бы на тебя самого не отсветило.

— А я тут при чем? Докажи.

— Я на тебя не доказываю, — спокойно сказал Капка. — Ты свое знаешь, и я свое знаю.

— Ну вот, оба знаем — и хорошо.

И они разошлись: Лешка в одну сторону, Капка — в

другую. Он не видел, как из толпы вынырнули трое парней и подошли к Ходуле.

— Чего он? — спросил один из них, с изрядно вспухшим носом.

— На завод велел итти.

— Так ты же на бюллетене.

— Мало ли что. Грозится чего-то, верно прознал.

— А чем докажет?

— Это верно. А здорово, видно, ему вчера вклеили! Глаз-то — как чугунка.

— Это его Бирюк так.

— Я, — скромно признался тот, кого назвали Бирюком.

Губа у него была рассечена. На лбу справа набрякла хорошая шишка: верно, Капке вышло вчера под левую...

Они не видели, как сторонкой за ларьками прошли два мальчугана в пионерских галстуках. Один был маленький, с нежным лицом и большими глазами. На нем были деревянные сандалии-стукалки и тюбетейка. Другой тяжеловесный, плечистый, очень рослый, с большим пухлым ртом. Пока шел разговор Капки с Ходулей, эти двое все время стояли в стороне, за ларьком, готовые вмешаться при первой же необходимости. Теперь, никем не замеченные, они продолжали издали следить за Капкой.

Глава 7

ТВЕРДАЯ РУКА

Вот он идет по берегу в черной фуражке, сверкая серебряными пуговицами на длинной, не по росту, шинели.

— Гей-тя-тьё-оу! — кричат ему из воды мальчишки. У них красные с синевой тела. Вода еще очень холодна, а купальщикам уже не терпится. — Капка, гляди!

И мальчишки ныряют, показав пятки. Капка, не глядя, спешит на работу.

День начался правильно. Все идет, как намечено. Вот уже протрубил первый гудок на Судоремонтном — надо прибавить шагу. Проехала длинная машина «ЗИС» — за товарищем Плотниковым, секретарем горкома. Разбрызгивая лужи, мелькнула за углом черная «эмка» с начальником Затона. Промчался военный комендант на зеленом «газике». Затарахтел по мостовой тарантас — это поехал директор Судоремонтного завода. Посыльный проскакал верхом. Бухгалтер из заводской конторы, степенно объезжая лужи, прокатил на своем велосипеде, держа портфель у руля. Сережа, знакомый паренек, пронесся вниз по взвозу на самодельном ролике. Верхом на хворостине, волоча ее через лужи, занося немного вбок и нахлестывая кнутиком, проскакал до бровей измазюканный в глине малыш, похожий на маленького кентавра из Риминой книжки. Он сам погонял себя, гикал, ржал и бил пятками по мутной воде.

И только Капка шел совсем пешком. Верхом на палочке он, ясное дело, уже давным-давно не ездил. На самокате прокатиться Капка был бы непрочь, но не к лицу бригадиру фронтовой бригады ремесленников скакать на одной ножке при всем честном народе. Вот если бы велосипед, когда-то обещанный отцом... Со звонком, фонариком, педальным тормозом, насосом и багажником... Но где уж в военное время думать о велосипеде, когда Риме скоро и пешком-то ходить будет не в чем!

Капка взялся за козырек и, сдвинув фуражку слева направо и обратно, несколько раз потер ею лоб, что было у него признаком глубочайшей и невеселой задумчивости.

Да, забот хватало. Много их легло ему на плечи. За все отвечал он, Капка, — и на заводе, в бригаде, и дома. Недаром соседки, носившие чинить ему ходики,

примусы и плитки, говаривали: «Все-таки, как-никак, мужские руки в доме».

А горе пришло в дом Бутыревых в первый же год войны. В мае сорок первого года мать уехала под Белосток проведать заболевшую сестру, которая там работала. И больше Капка не видел матери. Потом какие-то люди написали, что мать вместе с другими беженцами шла пешком по шоссе и на них в жаркий полдень среди поля спикировал немецкий самолет и сделал один заход, а потом второй и третий. И на третьем заходе пулеметной очередью в упор скосил мать. В семье уже давно подозревали, что с матерью что-то неладно, но когда пришло то страшное письмо от незнакомых людей, на руках у которых умерла мать, с горя словно заново содрали кожу, и оно зазияло всей своей безнадежной достоверностью. Когда отплакались, отец сказал хриплым, незнакомым голосом: «Ничего, злее будем». И вскоре уехал на фронт, хотя у него была броня на заводе и его сперва не хотели отпускать. Было непривычно видеть, как этот коренастый, прежде веселый, добродушный человек, внезапно осунувшись, твердил: «Нет, не уговаривайте, мою беду только ихней кровью оттереть можно, и вы мне не доказывайте...» И, наверное, беда долго не оттиралась, велика была обида и крепко томило горе этого славного человека, потому что уже через полгода был он награжден двумя орденами и медалью за неистовую отвагу в бою. Был он и у партизан, отличился под самой Москвой, потом сражался у Воронежа. Но вот уже четыре месяца не приходило писем, и Рима с Капкой старались не говорить про отца при маленькой Нюше.

В первую осень войны Капка пошел в ремесленное училище. Теперь ему уже дали четвертый разряд — он работал фрезеровщиком на Судоремонтном заводе в Рыбачьем Затоне. Тут чинились небольшие волжские

пароходы, нефтеналивные баржи, ледоколы, землечерпалки. Капка перенял страсть отца ко всякому техническому ремеслу. Руки у Капки были действительно золотые. Он и прежде мог мастерить всякую всячину. Мастер Корней Павлович Матунин сразу отметил старательного и ловкого в деле паренька.

— В отца идешь, в Василия Семеныча, — говорил мастер. — Соображение у тебя, Бутырев, имеется.

Капку никто не называл Капитоном Васильевичем, как иногда называют с полушутливым уважением хорошо работающих, авторитетных ребят. В этом всегда есть чуточку снисходительного умиления. А Капку в училище и на заводе уважали по-настоящему, всерьез, без лишних ахов.

«Работник!» говорили про него. Только ростом он был еще очень мал, да и годами еле-еле вышел для училища. Не в меру длинная шинель стегала его по пяткам. Издали казалось, что движется большая черная кадка, из которой торчит голова в фуражке. Но когда дразнили его, мастер Корней Павлович Матунин останавливал задир:

— Шинелка, конечно, маленько свободна, а насмешки ни к чему. У Бутырева все на рост покроено — и шинелка и работа сама. Все чуток не по годам, чтобы развитию простор был. Ничего, подрастет — догонит, войдет в размер. Обуживать такого нет расчета... А ты не слушай их, Бутырев, шагай себе.

И Капка шагал.

Он шел сейчас, искоса поглядывая на свою тень, которая стала короче, так как солнце уже довольно высоко поднялось над Затоном. Хозяйки шлепали бельем по воде у мостков. Рыбаки возвращались на исады после утреннего осмотра вентерей, и длинные остроносые лодки глубоко сидели в воде. Видно, богатый был улов. На берегу у клуба водников знакомые мальчишки играли

в городки. Капка невольно замедлил шаг. Когда-то он был непобедим по этой части. Мало кто в Затоне имел такой точный удар и мог с одной биты выбить бабушку в окошке, или покойника с попом, или паровоз со стрелочником, или пушку, не завалив при этом ни одной чурки. Но теперь ему было не до этого; время было серьезное. Некогда было бросаться палками, да и поотстала, верно, рука, отвык глаз, нет уже, должно быть, прежней точности.

Когда Капка поровнялся с площадкой, где ребята играли в городки, там как раз была выложена самая трудная фигура — письмо. Четыре чурки, называвшиеся марками, лежали по углам квадрата, а одна стояла посередине городка. Это была печать. Капка с насмешливым сожалением глядел на игрока, который прокинул даром уже третью палку и только одной чуточку зацепил левую переднюю марку, что, по правилам игры, не считалось, так как сперва надо было выбить задние марки.

Времени было уже в обрез, надо было спешить. Но тут Капка не выдержал.

— А ну-ка дай я распечатаю, живо только! — сказал он, подходя к играющим.

Мальчишки разом бросились собирать для него биты. Все знали, каким игроком был когда-то Капка Бутырев.

Капка расстегнул пояс, потом шинель. Пояс бросил на землю, чтобы замах был свободнее, шинель спустил с левого плеча, ибо был он, как вам известно, левшой.

Прикинул на руку несколько бит, одну за другой, выбрал сперва самую тяжелую, прицелился, держа палку двумя руками, как ружье. Потом, измерив расстояние до цели одним глазом, благо другой и закрывать особенно не приходилось сегодня, он резко отвел левое

плечо назад, занеся биту далеко за спину, отступил и, коротко шагнув вперед на черту, с силой метнул.

С порхающим свистом понеслась бита к городку, раздался звонкий, будто на ксилофоне, удар — клёк! — и одной марки как не бывало.

Не сходя с места, Капка нагнулся за второй битой, прицелился, отступил, шагнул. Мальчишки рты раскрыли от уважения.

Исчезла вторая задняя марка.

Клёк!.. Клёк!.. Одна за другой Капкины биты выхватили из углов городка две передние марки. Теперь оставалась одна лишь печатка. Но это было уже не трудное дело, и Капка, уверенный в успехе, решил блеснуть особым ударом. Он метнул биту с оттяжкой, так, что она полетела, вертясь на лету, как бумеранг. Искусство здесь состояло в том, чтобы рассчитать точно вращение биты, которая, казалось, сперва летела как бы с промашкой и вот уже словно миновала цель, но в самое последнее мгновенье, развернувшись в воздухе, задним концом своим выбивала чурку из городка. Причем трудность была еще в том, что если бы чурка выкатилась за переднюю черту, удар был бы недействительным. Но удар был наславу, и печатка далеко отлетела в сторону, так что мальчишки, стоявшие там поблизости, чтобы видеть своими глазами эту чудо-игру, присели: свистящая чурка едва не задела их по головам.

Капка обил ладонь о ладонь, сунул левую руку в рукав, застегнул шинель, стянул ее кушаком и зашагал к заводу, провожаемый восхищенными взорами мальчишек. Каждый из них видел, какая гуля была у чемпиона под глазом, но никто не спросил об этом у Капки, и только в душе ужасались мальчишки, какие же есть на свете силачи, если они осмелились поднять руку на такого парня, как Капка Бутырев.

Глава 8

ИСТОРИЯ ГОРОДА ЗАТОНСКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Когда Капка скрылся в проходных воротах завода, слева, из-за опрокинутого дощаника на берегу, и справа, из-за угла амбара, высунулись две головы. Они тотчас исчезли. Потом над дощаником заблестело и кинуло зайчика в сторону амбара маленькое зеркальце. Из-за угла амбара вышел высокий парень, толстый и круглоголовый, и, тяжело, по-медвежьему ступая, слегка переваливаясь, зашагал навстречу мальчугану в тюбетейке, который тут же перелез через дощаник. Они двинулись посередине улицы, ведшей к заводу.

— Видел, Тимка, как ему присадили под глазом? — спросил маленький.

— Есть будто, — буркнул большой. Вопрос был ему явно неприятен.

— Как же это ты вчера недосмотрел? А сказал, провожу. Эх ты, Тимсон!

— А если он мне не велел?

— Мало ли что! Надо было сторонкой итти, незаметно.

— Ладно, в следующий раз пусть только полезут еще.

— В следующий раз! — кипятился маленький, развязывая и завязывая тесемки над папкой, которую он прижимал локтем к боку. — Жди теперь. Что, они тебе каждый день будут, что ли?

— Ничего, еще попадутся мне, — проворчал большой, которого товарищ назвал Тимсоном.

Это и были Тимка-Тимсон с Валерием Черепашкиным, которого попросту звали Валерка. Валерий Черепашкин занимался в историческом кружке Затонского Дома пионеров. Он не расставался со своей папкой, в которой вечно таскал дневник для с о б с т в е н н о у м-

ных мыслей и общую тетрадь, куда заносилась «История города Затонска и его окрестностей», ибо Валерка Черепашкин был историком города Затонска и аккуратно записывал в свою памятку все выдающиеся события и явления и интересные случаи, которые были в городе. Впрочем, событий пока что было немного, и это очень удручало Валерку.

Отец у Валерки работал механиком на теплоходе, и всю навигацию его не было дома, а мать служила библиотекаршей в клубе водников. Маленький историк города Затонска был человеком начитанным, ибо хватал без разбору все книги, которые ему удавалось достать у матери. Был он из тех ребят, о которых отцы обычно говорят: «Вы об этом моего Ваську (или Петьку, или Гришку) поспрошайте. Он уж это в точности вам изложит». И действительно, у Валерки всегда можно было узнать, что сегодня сообщает Совинформбюро — какое новое направление появилось на фронте, и что за картина будет завтра в кино у водников, и какой пароход придет из Астрахани, и у кого выиграл Ботвинник, и каков размах крыльев у южноамериканского кондора.

Он был очень тщедушный и часто прихварывал. Его мучили приступы малярии, но это не мешало ему быть очень живым, подвижным, хотя в драке он мало чего стоил — слишком легко его сбивали с ног. Валерку обычно и не допускали до крепкого дела. Перед началом схватки ему обыкновенно сдавали на хранение карандаши, перочинные ножички, вставочки, чтобы не потерять или не повредить их в бою. Зато был Валерка невероятный фантазер и выдумщик. Ему вечно приходили в голову необыкновенные затеи, и если уж он над чем-нибудь задумывался, то непременно старался сам найти решение вопроса, а когда затевал что-нибудь, то обязательно упрямо и неукоснительно добивался своего.

Мальчик он был мечтательный и безобидно озорной. В школе и Доме пионеров его любили, так как он вечно всех забавлял своей выдумкой, неожиданными, часто странными суждениями и сказками своего собственного сочинения. Все, например, знали смешную сказку Валерки Черепашкина о том, как верный цепной пес поспорил с верными часами на цепочке: кто из них вернее? И часы нарочно стали ночью, так что хозяин утром проспал, как ни лаял пес, стараясь разбудить его. Мало того: веря часам, хозяин выдрал беспокойного пса. Тогда верный пес обиделся и на следующую ночь, когда воры влезли в дом, нарочно не залаял, и верные часы были украдены...

Раз, когда пионеры трудились на школьном огороде, Валерка после работы со всей серьезностью вырыл в грядке ямку и посеял туда пиджачную пуговицу, уверяя, что из посеянной пуговицы при хорошем уходе может вырасти пиджак. Все потешались над ним, а он аккуратно ухаживал за своей грядкой с пуговицей, поливал ее и даже огородил маленьким палисадом. Каково же было удивление ребят, когда, вернувшись из лагеря, они увидели, что на Валеркиной грядке взошло большое огородное пугало, которое размахивало обтрепанными рукавами рваного пиджака.

Валерка, как уже было сказано, вел, кроме исторических записей, дневник. Там записывались разные случаи из личной жизни Валерия, а также его суждения по различным поводам. Например, про одного из старожилов Затонска, своим возрастом поразившего воображение Валерки, написано было следующее: «Этот глубокий старик прожил ужасно громадную жизнь. Он родился так давно, что тогда еще было крепостное право и нигде еще не проводили никакого электричества. Авиация была только шарообразная. Пароходы не ходили паром, а баржи шли по Волге самобичеванием при

помощи бурлаков. Кино тоже еще не было, даже немого. А когда стало звуковое кино, то он уже совсем оглох».

Капку Бутырева Валерка считал человеком выдающимся, предназначенным судьбой для прославления города Затонска. О Капке то и дело упоминалось в истории города: «Он был сильно развитой и дал с размаху как следует, потому что мускулы делаются у человека, чтобы быть здоровым, хорошо пригодиться в жизни, все мочь делать и никого в жизни не бояться».

Сам Валерка не лишен был честолюбия, о чем свидетельствовали выписанные им на отдельной страничке знаменитые фамилии, которые, так же как и его собственная, начинались на букву «Ч». Здесь были и Чкалов, и Чапаев, и Чехов. Был тут и шахматист Чигорин, и монгольский маршал Чойбалсан, и композитор Чайковский, ну и, конечно, Чарли Чаплин, и пристанский силач Чухрай, и даже неизвестно как попавшая сюда чуингам — американская жевательная резинка, принятая, очевидно, по наслышке у проезжих интуристов за популярную фамилию.

Отца с матерью Валерка нежно любил, но дома держали его строго, и что говорить — были разные неприятности в семейной жизни Валерия Черепашкина. Это и отразилось в разноречивых записях:

«Родители мне попались очень хорошие, а могло ведь легко бы случиться так, что я бы родился, а папа с мамой совсем и не те — вот был бы номер...»

А другой раз, когда Валерке не позволили прокатиться с ребятами на лодке, так как мама боялась, что они будут качать лодку и опрокинутся, Валерка, видимо, здорово обиделся, но все же написал:

«Надо любить своих родителей, потому что без них еще хуже».

Были тут всякие иные заметки. Например:

«Это случилось тогда, когда я закалял свой характер и силу воли, совсем не держась руками, и опять упал с крыши сарая. Но ушибся не до крови, потому что был уже почти закаленный с этого боку».

«Будьте же сами благоразумны, дети, — так говорила нам сегодня Ангелина Никитична, — берите пример с природы. Видали ли вы, дети, как лошадка сама подставляет кузнецу свое копыто, чтобы ее подковали?.. Видали ли вы, как ветка дикой яблони послушно тянется к садовнику, чтобы он сделал ей прививку?» Нет, мы этого не видали, потому что так в жизни, по-моему, не бывает».

Встречались в дневнике и такие философские рассуждения:

«Людей на луне нет. А если бы они были, то смотрели бы вниз на землю и думали — есть на ней люди или нет? А мы-то как раз и есть!»

«Интересно, почему это, когда болеешь долго в постели, то очень вырастаешь. По-моему, это потому так бывает, что когда человек ходит, он может расти только в одну сторону — вверх, снизу ему пол мешает, а когда долго лежишь, то можно расти в обе стороны — и макушкой и пятками».

«Когда на земле еще не было людей, интересно, как же тогда называлось «дерево»?»

И, наконец, тут можно было встретить большие записи, которые говорили о принадлежности Валерия Черепашкина к таинственным синегорцам:

«Мы поклялись все быть, как родные братья, и постановили не расставаться на всю жизнь, во всем сговариваться вместе, никогда не становиться против друг дружки, и пусть будет Отвага, Труд, Верность и Победа! Каждый из нас сильно стремился дать свою помощь Красной Армии, а кто не очень стремился, таких мы не

принимали вовсе и довольно не уважали, потому что это были-таки порядочные типы».

Тут же был приведен первоначальный текст марша синегорцев:

Вперед, товарищи, вперед!
За Труд, за Верность, за Победу!
Вперед — нас Родина зовет —
Назло надменному соседу.

Досадное совпадение, необыкновенное сходство последней строки с, увы, известной, как оказалось, строкой из пушкинского «Медного всадника» послужило, очевидно, причиной тому, что текст марша был отвергнут...

Таков был Валерка Черепашкин — мыслитель и поэт, историк города Затонска и один из старейших синегорцев. Ему было двенадцать с половиной лет.

Глава 9

СЛОВО ИМЕЕТ ТИМСОН

Толстый Тимка Жохов, большеголовый увалень, прозванный Тимкой-Тимсоном, был верным спутником и телохранителем слабенького Валерки. Тимке недавно минуло четырнадцать лет. Больше всего любил он арбузы и дыни, слыл бахчеводом. Человек он был положительный, двигался и думал не спеша, не отличался многословием и обычно во всех случаях жизни предоставлял за себя слово речистому Валерке. Так было и на этот раз.

Увидев, как из-за угла, где стоял в дозоре один из приятелей Тимки, трижды блеснуло зеркальце, что было условным знаком, Валерка встрепенулся, поправил галстук и вопросительно посмотрел на товарища.

— Юрка сигналит. Ты сам подойдешь, Тимка, или я первый?

— Сам, — отвечал Тимсон.

Глистообразная фигура Ходули показалась из-за угла. Тимка заложил руки в карманы широких штанов и не спеша пошел навстречу. За ним неотступно следовал Валерка.

— А, обнявшись крепче двух друзей! Пионер — всем детям пример! В полной амбиции при всей амуниции, — заговорил своим писклявым голосом Ходуля. — Будь готов — всегда готов! Сколько зим, сколько лет, гутен таг, бонжур, привет!

Он паясничал, тараторил, но его нагловатые глазки с опаской посматривали на карманы Тимки, в которых грозно шевелились тяжелые кулаки. Тимсон молча напирал.

— Ну, вы чего? — забеспокоился Ходуля. — Вы не очень-то, а то как крикну наших ребят рядом тут, тогда узнаете. Что вы за мной ходите? Я еще на базаре вас заприметил. Думаешь, если палец больной, так я приложить не смогу? Знаешь! Блеснула шашка, раз и два, и покатилась голова...

— Тимка, дай я ему все скажу, ладно? — спросил Валерий у Тимки.

— Валяй! — сказал Тимсон.

— Лешка, имей в виду, — заторопился Валерка, бледнея от волнения, — имей в виду, что мы всё знаем, и тебе это так, даром, не пройдет. Тебя, кажется, предупреждали, чтобы ты Бутырева не трогал. Если добром не понимаешь...

— Чего такое? — завопил уже совсем фистулой Ходуля. — Ты видел, чтобы я Капку трогал? Нужен он мне, Капка ваш! Подумаешь, в песчаных степях Аравийской земли три гордые пальмы высоко росли... Охота была связываться! Ты видел, чтобы я его трогал?

— Тимка, сказать ему все? Пускай все знает.

— Пускай, — сказал Тимка.

— Так имей в виду, Лешка, — почти закричал Валерка, — мы всё знаем! Это ты подговорил Юрку Гундосова, Петьку Бирюка и Митьку с переправы, всех свищевских ваших, чтобы они Капку так... Нам все известно!

— Факт, — подтвердил Тимсон.

— Чем докажешь? — высокомерно сказал Ходуля.

— Гляди, — сказал Тимка, поднося к носу Ходули свой тяжеловесный кулак, — раздокажу. Вещественно.

— Тимсон, Тимсон, забыл уговор? — предупредил Валерка.

— Знаю, — пробормотал Тимка, вздохнул и вытер вспотевший лоб.

Он упарился от такого длинного разговора. Эх, если бы только не запрещение, он бы сейчас показал этому долгоногому!

Валерка взял приятеля за локоть. Тимка еще тяжело дышал.

— Можно, я разок ему? — умоляюще шепнул он Валерке.

— А Капка что говорил, забыл? Вчера бы действовал, а сегодня уж нечего после драки кулаками махать. Молчал бы уж лучше!

— Молчу, — сказал Тимсон.

А Ходуля, воспользовавшись тем, что они оставили его в покое, быстро пошел к воротам завода, но у самой табельной будки обернулся и вытащил из кармана бумажку. Он показал ее издали, оторвал угол, скрутил цыгарку, а остаток скомкал, бросил в траву и притопнул ногой. Валерка и Тимка успели заметить на клочке знакомый герб.

— На перчатку средь диких зверей он глядит и смелой рукой поднимает! — крикнул Ходуля и скрылся в проходной.

— Кажется, догадался, что от нас, — с испугом произнес Валерка.

— Похоже, — согласился Тимсон.

— Ну и пускай! — воскликнул Валерка.

— Пора, — сказал Тимсон.

Они были еще так захвачены только что состоявшимся разговором, что не заметили сигналов с угла, где стоял их дозорный. Напрасно бедняга сигналил им зеркальцем: они не видели. Тогда паренек подбежал к ним и сообщил что-то вполголоса.

— Ну да, ври, — не поверил Тимка.

— Честное слово, Отвага и Верность!.. Сережка прибежал, сам видел.

— Вот это новость, а?.. Тимсон, — возбужденно заговорил Валерка, — который сейчас час?

Как бы в ответ на это, высоко и заливчато затрубил гудок Судоремонтного. Валерка выхватил из папки тетрадку, послюнявил карандаш и вписал: «Сегодня в 7 часов 00 минут было обнаружено...»

Но что было обнаружено в 7 часов 00 минут этого исторического дня, об этом можно будет узнать лишь в следующей главе.

Глава 10

ЮНГИ С ОСТРОВА ВАЛААМА

«В истории нашего города это был очень исторический день».
(В. Черепашкин. «История гор. Затонска и его окрестностей».)

Новость, которую решил занести в летопись города Затонска Валерка Черепашкин, первыми узнали галки в школьном саду. Их всполошили резкие, непривычные звуки дудок, голосивших в пустых еще вчера коридорах школьного здания, и многолюдие на дворе школы.

И окончательно всполошил галок плотный узелок материи, который быстро взлетел по высокой мачте и с треском развернулся над деревьями, превратившись в большой флаг с синей полосой внизу и с красной звездой рядом с серпом-молотом на белом поле. Галки, проклиная все на свете, грозя страшными карами, кружились над потревоженным садом.

Потом эту новость узнала Рима Бутырева. Она поставила дома греть воду для стирки, отвела Нюшку в детский сад, а сама побежала в булочную за хлебом. Она быстро шла, размахивая пустой кошолкой, платок размотался и съехал с головы, ветер трепал ее красивые, с золотистым отливом волосы. Она переходила большие лужи, смотрясь в воду. Небо с облаками отражалось в лужах; казалось, что под ногами бездонная глубина, легонько кружилась голова, и боязно было ступить в зеркальную пустоту. Кроме того, калоши, оставшиеся от матери, были велики Риме, и ей всю дорогу приходилось воевать с ними, а шоссе было мокрое, раскисшее, и калоши вязли в грязи. Вот теперь левая калоша отстала.

«Стой ты! — сердилась про себя Рима. — Вот так... надевайся обратно. — Тут она спохватилась, что с правой ноги калоша исчезла. — Ой, миленькие, правую совсем потеряла!.. Опять надо возвращаться назад. Честное слово, целый час хожу!.. Как найду сейчас правую, так обе калоши в руки возьму и так пойду. Мимо школы буду итти — тогда обуюсь».

Она повернулась, чтобы итти назад за потерянной калошей, и сошла с середины улицы на тротуар. Как вдруг с подъезда школы раздался громкий оклик:

— Эй, на берегу, малость возьми курс левее! Слышишь, девочка или гражданка, как ты там... Я тебе, кажется, ясно семафорю.

Рима остановилась изумленная. На знакомом

— Может быть, и была ваша школа, — ответил флотский, — а теперь мы тут будем.

подъезде школы, в которой она сама еще училась этой зимой, стоял молоденький моряк; пояс туго перехватывал его аккуратную шинель, матросская шапка-бескозырка, приплюснутая блином, была надвинута на правую бровь, прямую и тонкую, ленточки вились за плечами у моряка.

«Ишь ты, флотский с винтовкой! Чего это он у нашей школы делает?» удивилась Рима и на всякий случай натянула платок на голову и поправила волосы.

— Чего стала? Сигналов, что ли, не видишь? Говорю, сворачивай, не подходи к трапу! Тут теперь нет хода, отверни в сторону.

— Да ну вас! — рассердилась Рима. — Я к вам вовсе не собираюсь. Раскричался тоже! Может быть, это наша школа как раз.

— Может быть, и была ваша, — ответил флотский, — а теперь мы тут будем.

— А что это за такие «мы»?

— Ты что это, с виду не различаешь? — наставительно произнес флотский. — Юнги мы Балтийского флота. Школа юнгов. Ясно, кажется.

— К нам, значит, эвакуированные? — спросила Рима. Любопытство ее преодолело обиду.

— Кто это эвакуированы? Соображать надо все-таки... Мы с острова Валаама, из Ладожского озера. Нас сперва под Ленинград, а теперь сюда перевели, на берег к вам. Вроде как морская пехота. И вообще я с тобой разговаривать не обязан, я вахтенный. Ясно, кажется, говорю. Ну, отваливай, отваливай на ту сторону, должна понимать, раз военный объект.

Рима совсем разобиделась и повернулась спиной к юнге.

— Ну и не больно нужно. Подумаешь, какой объект! Это наша школа, а не объект. Моряк с разбитого корабля! Вот я скажу нашим мальчишкам, так они

тебе покажут «объект». У наших форма-то почище вашей будет, с козырьком. У меня знаешь какой брат есть?

— Хватит разговорчиков! — отрезал флотский.

— А я, кажется, с вами не разговариваю. Не собираюсь даже. Вы сами же начали. Подумаешь, флотский! Надел фуражку набекрень и уж воображает.

— Первым делом, это не фуражка, а бескозырка, по-нашему — беска. Надо знать. Выросла уже порядочно, а различать не можешь. И вообще это не твое дело... Ты вот лучше скажи, куда у тебя с правой ноги калоша ушла? — спросил он неожиданно, бросив взгляд на ее ногу и улыбнувшись. А улыбка у него была славная, зубы так и блеснули.

— Ой, и правда! — вспомнила Рима. — Вы, случайно, мою калошу не видели?

— Только мне и занятие, что за твоими калошами смотреть! — Морячок уже внимательнее оглядел ее и вдруг перешел на «вы». — Стойте, у вас же на левой ноге обе калоши, надели одну на другую! Эх вы, сухопутные!..

— И правда! — обрадовалась Рима. — А я-то смотрю, что это у меня левая нога заплетается!

И оба они стали смеяться и смеялись долго и весело.

Потом Рима, сочтя неловким это уличное знакомство, резко оборвала смех, степенно поджала губы, вздернула кверху упрямый, как у брата, подбородок.

— Ну, спасибо вам, а то бы я искала, искала... Теперь пошла.

— Добро, — крикнул ей флотский, — счастливого плавания! Виноват, погодите, как позывные-то ваши?

— Какие это позывные? — не поняла Рима.

— Ну, как зовут это по-нашему значит.

Рима глянула на него через плечо.

— А как звать, не вам знать. Сперва наорал, а потом — как звать. Римма звать, а вас это и не касается.

— Рима? — переспросил флотский. — Интересное имя.

— По-моему, самое обыкновенное. А фамилия какая, не скажу. — Рима помолчала немножко, но флотский не просил сказать фамилию, она сама смилостивилась. — Ну ладно, скажу, так и быть. Бутырева фамилия. Капку Бутырева еще не знаете? Его все тут знают в Затоне. Он в ремесленном училище самый главный мальчишка, а я его родная сестра. Ну, всего вам.

— Рима, погодите, — остановил ее флотский. Голос у него был теперь совсем другой — вежливый, тихий. — Как тут у вас?.. Населенный пункт большой?

— Какой населенный пункт?

— Ну, этот самый... как его... Затонск, что ли, по-вашему.

— Так это же город.

— Для кого город, для нас — населенный пункт. Кино бывает?

— Бывает, конечно, в клубе водников.

— Водников? — насмешливо протянул флотский. — Откуда же у вас тут на сухом месте взялись во-одники?

— Да тут же у нас Волга! — искренне возмутилась Рима. — Вон, видать ее. Знаете, у нас пароходы какие ходят!

— Тоже река! Водники-мелководники. Вот у нас на Ладоге как рванет шторм да как двинет зыбайло, так это вот дает жизни!

— Это что там за разговорчики на трапе! — послышался густой, раскатистый бас, и в дверях показался пожилой седоусый моряк с четырьмя узкими нашивками на рукаве. Углом вниз шли широкие золотые шевроны.

«Это, наверно, самый главный у них, капитан», подумала Рима.

— Вахтенный! — гаркнул моряк с нашивками и перешел вдруг на зловещий шопот: — Ташу́к, галок считаешь, разговоры разговариваешь. Кажется, ясно сигнал играли. Кончай возиться!.. — загремел он опять. — Свистать всех на верхнюю палубу! Юнги, на занятия! Разболтались уже, подтянись! Живо-два, ходи веселей, моментом!

— Есть всех на верхнюю палубу! — И юнга, звонко щелкнув каблуками, скрылся в подъезде школы.

А Рима пошла в булочную и все оборачивалась. Над школой на большой мачте вился большой серебристо-белый флаг, синий снизу, с красной звездой и серпом-молотом.

Рима шла и заранее предвкушала, как она первая сообщит новость всем подругам — и Лиде Бельской, и Шуре Куличевой, и всем другим девочкам.

Юнга ей понравился. Росту высокого, собой хорош и совсем настоящий моряк. Задается немного, воображает из себя, но, видно, симпатичный. Наверное, придет вечером к водникам.

И, увидев в очереди за хлебом свою подругу Лиду Бельскую, черноглазую смуглянку, эвакуированную из Одессы, Рима кинулась к ней:

— Знаешь, Лида, в нашей школе теперь флотские жить станут. Их там много, мальчишек. Одеты на манер матросов, вот тут ленточки. Один там такой есть, Сташук, с винтовкой на крыльце стоит и на ту сторону всем велит сворачивать. А я все равно не свернула. Обещал к водникам притти. Выйдешь вечером?

— Хо! Новость тоже! — протянула Лида. — Моряков, что ли, я не видала? У нас их знаешь сколько...

Но все-таки пошла проводить Риму до дому, чтобы по дороге хоть одним глазком посмотреть на моряков.

Весть о том, что в затонскую школу приехали моряки, балтийские юнги, быстро облетела весь Затон, и мальчишки уже лезли на ограду, чтобы посмотреть, что там делается, на школьном дворе. Потом они наперебой рассказывали, как юнги стоят, выстроившись во дворе, а самый главный, с нашивками, — усищи во! — командует и распоряжается, и все перед ним в струнку. А у самых маленьких юнгов бескозырки без ленточек, но остальное все — как у настоящих флотских.

Галки, немного поуспокоившись, сидели на ветках у своих гнезд и внимательно поглядывали то одним, то другим глазом на снующих по двору, бегающих вниз и вверх по лестницам незнакомцев.

Глава 11

И СТАР И МЛАД

В пролете гудели вентиляторы, стучали дробно, цокали и жужжали работающие станки, трансмиссии, сверла. В слитный шум цеха врезáлся минутами звенящий, взвывающий визг электрической пилы со двора Капка в старой спецовке, замасленной и местами протравленной чем-то, стоял у своего станка, самого крупного в пролете. Под ним была небольшая скамеечка, которую в цехе называли *трибункой*. Капка был человек аккуратный; станок был ему велик, но подставлять себе, как это делали другие, пустой ящик он считал невозможным. Он сам сколотил себе трибунку, выкрасил ее кубовой краской, а по его образцу стали делать себе трибунки и другие ремесленники, если станок был им не по росту.

Вчерашняя обида прошла, глаз почти не беспокоил, налаженный с вечера самим мастером станок слушался руки, лилась, брызгала белая эмульсия, топорщилась

взрытая фрезом металлическая стружка. Настроение у Капки улучшилось после решительного разговора с Ходулей. Он был доволен, что Лешка не посмел ослушаться и явился-таки в цех. Вид у Ходули был жалкий, перевязанный палец он все время держал на виду. К станку Лешку ставить было нельзя, так как палец действительно раздуло, но подносить детали, убирать стружку и выполнять всякую подсобную работу он вполне мог.

Когда работа шла споро, станок не капризничал, внизу у левой станины быстро вырастали колонки готовых деталей и все в бригаде были заняты делом, как надо. Капка чувствовал сам, что в эти часы на своей кубовой трибунке он, как говорили товарищи, «силён парень». В такие минуты никто уже не посмел бы даже втихомолку назвать Капку шпинделем, как дразнили его на улице за маленький рост.

По пролету цеха шел мастер Корней Павлович Матунин, общий дядька ремесленников, воспитатель молодых производственников. На нем был аккуратный туальденоровый халат, из кармана которого торчали железная линейка с делениями, узенькая расческа и красный карандаш. Пощипывая коротенькие седые усики, он не спеша переходил от станка к станку, посматривая на своих учеников поверх узких железных очков.

Капка, с головой ушедший в работу, не видел приближавшегося мастера и орудовал на своем станке, легонько насвистывая сквозь зубы.

— Это что за соловьи в цехе заливаются? — услышал он над самым своим ухом.

Не прекращая работы, оглянулся на мгновение и увидел возле себя мастера.

— Это я сам себе подсвистываю, Корней Павлович, — смутился Капка, удивившись, как это мастер в таком гуле расслышал его свист.

— Ты бы уж в таком разе про себя свиристел, а то, как говорится, свистунов на мороз! — строго заметил мастер.

— Я сперва, Корней Павлович, пробовал про себя, в уме мотив держал, а потом слышу, кто-то свистит, а оказывается, я сам. Очень песня хорошая, вчера красноармейцы на пристанях пели. И военная песня и душевная.

— Ну, Капитоша, как дело-то двигается? — спросил мастер.

— Маленько подвигается, Корней Павлович. Вот, уже видите, сколько снял.

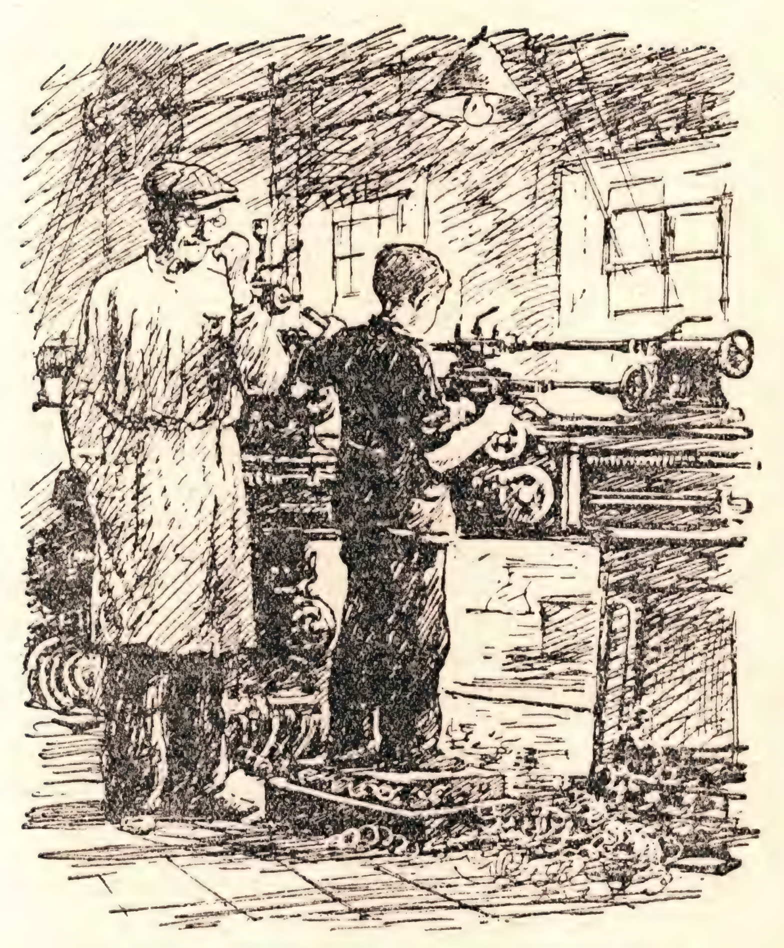
Мастер опытным глазом окинул столбик готовых деталей.

— Молодец, Бутырев, молодец, Капитон, с превышением идешь. Только работай ровненько, без дерганья. Станок не дурит? Дай-ка я тебе делительную головку проверю. Вот так... Васенин, Васенин! — закричал он в сторону белесоватому парню, который бросил на пол деталь. — Ты зачем на пол так несуразно швыряешь? Ты ложи деталь аккуратненько, а то будут у тебя заусеницы. Деталь этого не любит, чтобы ее швырком, ты с ней поласковее обращайся, тем более, я уже говорил, что сегодня почетный урок выполняем, спецзадание. Это дело на фронт пойдет. Ты гляди, Васенин, как Бутырев орудует, щепетильно работает. Даром что маленький, из-за станка макушку чуть видать, а занятие свое исполняет в полной аккуратности.

Тут взгляд мастера упал на зловещее украшение Капкиной скулы. Он поймал Капку за подбородок, сам пригнулся, поправил очки.

— Батеньки-матеньки! — сказал мастер. Это было его любимой поговоркой. — Батеньки-матеньки! Это кто же тебя так, а, Бутырев?

— Никто. Это я сам, Корней Павлович.

Корней Павлович постоял у станка, отошел было, опять вернулся.

— С чего же это ты сам на себя так осерчал? Батеньки-матеньки!

Капитон мотнул головой, высвободил подбородок и наклонился над станком, сам очень удивившись тому, что еще бы немножко — и у него выступили бы слезы на глазах.

Корней Павлович постоял у станка, отошел было, опять вернулся. Капка видел, что мастер хочет о чем-то поговорить с ним. Корней Павлович, действительно, откашлялся и сказал негромко:

— Я вчера разговор ваш с Дульковым слыхал ненароком, когда за воротами вы с ним схлестнулись. Знаешь, Капа, ты бы сказал ребятам, чтобы по-скверному-то не выражались. Иной хороших слов и не стоит, это верно, а язык-то свой марать не след. Мальчики вы еще молодые, разговор должен быть у вас аккуратный. Кто черным словом содит, у того язык, как помело, весь мусор в душу-то и сгребает. Не надо так...

А потом огромный, все заглушающий рев заполнил пролеты цеха и двор. Это был гудок на обед.

Повалили в столовку. За обедом ребята говорили, как всегда, о военных орденах, о самолетах и о кино. Во всем этом они хорошо разбирались. И каждый успел высказаться с полным знанием дела.

После перерыва мастер собрал всех в пролете и опять сообщил, что урок они получили очень серьезный и особого задания. Тут же он объяснил на образце и по чертежу, какова будет работа.

— Значит, тут так: двойная бороздка пойдет, продольная, будем проходить фрезом с торца четыре миллиметра. А отсюда, значит, нарезная пойдет, на образец втулочки. Гляди сюда... Вот таким манером. А с этого боку получается наподобие уже, как мы делали. Всем ясно?

— Корней Павлович, а Корней Павлович! — Капка

просунулся под самый локоть мастера, заглянул ему под очки: — Эта деталь на что пойдет?

— А ты не любопытничай. Раз сказал — специальное задание, так лишние вопросы тут уж ни к чему. Понятно?

— Понятно, — протянул Капка, — только очень охота бы узнать, интересно ведь!

— А мне, может быть, тоже охота вам сказать, да нельзя. Понятно? Сказано раз — нельзя, и шабаш. Боевой секрет, военная тайна. Доверили нашему заводу, сверх задания делать будем, и молчок. Придется, конечно, лишний часик-другой понатужиться.

— Может, на танки пойдет? — не унимался Капка.

— Вполне допустимо, — согласился мастер.

— Или на катюшу?

— Возможное дело.

— А не к самолету, Корней Павлович?

— Мыслимо и так...

А ближе к вечеру пришла на завод не совсем обыкновенная экскурсия. В Затоне узнали каким-то образом, что Судоремонтному заводу поручено особое задание сверх обычной работы. Явились местные старожилы, пенсионеры, ветераны труда, старая затонская гвардия, волгари. Пришли сказать, что они готовы, если надо, подсобить народу. Пришли из Свищевки Егор Данилыч Швырев и Макар Макарович Расшивин. С пристаней заявились Парфенов Маврикий Кузьмич, престарелый Бусыга Михайло Власьевич, Устин Ермолаевич Скоков и сам Иван Терентьевич Яшкин, тот самый, о котором в дневнике Валерия Черепашкина было сказано, что он жил еще при крепостном праве и оглох к моменту изобретения звукового кино. Лет им всем вместе было с полтысячи верных. Это были кряжистые, могучие старики, ходившие в свое время по всей Волге бурлаками, плотогонами, крючниками и

водоливами. Некоторые, например Швырев и Бусыга, плавали кочегарами и механиками, а потом работали по судоремонту или доживали свой век бакенщиками. Затонских стариков сопровождал сам директор Леонтий Семенович Гордеев, за ним, немного отступя, шел Корней Павлович Матунин. Ребята видели, как волнуется мастер. Он то и дело пощипывал коротенькие свои усики, оправлял халат, вынимал клетчатый платок и вытирал вспотевший лоб. Ведь когда-то сам он был учеником ремесленных мастерских Затона, и Михайло Власьевич Бусыга с Егором Данилычем Швыревым были его наставниками.

Старики не спеша, опираясь на палки, шли по цеху. Они останавливались у станков, заглядывали под низок, брали готовые детали, щупали их взыскательными пальцами, близко подносили к подслеповатым глазам, покряхтывали строго.

— В этом пролете мои работают, — застенчиво сообщил мастер.

— Ничего ребятишки подобрались у тебя, Матунин, — признал старик Швырев, — толк будет. Поддерживай, затонские! Вот и нашему делу управка!

Подошли к станку, из-за которого была видна макушка Капки Бутырева.

— А это Бутырев, Василия Семеновича сынок, — представил Капку мастер, — отличается. Видали? На трехшпиндельном уже поставлен!

— Нукоси, прогони разок, — сказал Бусыга.

Мастер Корней Павлович даже заранее вспотел от волнения.

— Давай, Бутырев! Показывай, чему Матунин обучил.

Капка весь покраснел, в ушах стало жарко. Капка вспомнил, как давно уже, когда был он еще маленьким, заходил к ним в воскресенье попить чайку Михайло

Власьевич Бусыга. Стол накрывали во дворе, под деревом. Мать наливала почтенному гостю чашку за чашкой — Бусыга один мог выпить полсамовара. А к вечеру отец звал уже сонного Капку, ставил его на стул и, придерживая рукой, чтобы не свалился, приказывал сказать стишок, желая похвастаться перед гостем талантами сына. «Нукоси», грубым голосом просил гость. И пятилетний Капка, поглядывая то на сладкий кухен, стоявший посреди стола, то на огромного и страшного гостя, читал: «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?.. Римка, не нашептывай, без тебя знаю... Ездок запоздалый, с ним сын молодой...»

Глаза у Капки слипались, рот тоже: он уже успел попробовать варенья. Стул шатался под ногами, и в сумерках лохматый, зеленобородый Бусыга сам становился похожим на Лесного царя, о котором говорилось в стихотворении. Потому у Капки очень искренне выходило: «К отцу, весь издрогнув, малютка приник...» И он тесно прижимался к прочному и теплому плечу отца. «Ну, хватит с него, молодец!» говаривал Бусыга. «Я дальше тоже знаю», обижался Капка и, уже спущенный на землю, торопился дочитать стишок до самого конца...

Но сейчас предстояло испытание посерьезнее...

Одной левой рукой он быстро, не глядя, взял деталь, вставил в заправку, проверил шпиндели, правой пустил станок вручную и включил самоходную подачу так мягко, что старики одобрительно крякнули. Потом Капка снял готовую деталь, обтер ветошью и подал мастеру.

Деталь пошла по рукам.

— Ну как, Василич, отец пишет чего? — спросил старый Бусыга у Капки, поковыривая деталь зелено-фиолетовым ногтем, толстым, как у носорога.

Капка глотнул комок, внезапно возникший в горле,

и собирался было что-то ответить, но директор опередил его:

— Напишет еще, напишет. Знаете, теперь как почта идет... Ну, пошли дальше, товарищи.

Старики проследовали к другому станку, а Корней Павлович, чуточку поотстав, оглянулся и подмигнул своему питомцу: молодец, мол, Бутырев, не подкачал.

С этого же дня решили работать по два лишних часа вечером. День этот с непривычки казался нескончаемым. Освоить новый урок было не так-то легко. Детали заедало на станках. Мастер-наладчик сбился с ног. У ремесленников были усталые лица, посеревшие от металла, глубоко въевшегося в поры кожи.

Глава 12

МОРЕЙ АЛЬБАТРОСЫ И ВОЛЖСКИЕ ЧАЙКИ

Уже темнело, когда шли с Судоремонтного ремесленники. Бледны были плохо отмытые, словно задымленные лица. Ремесленники шли молча, и огромными казались глаза, подведенные темным налетом копоти и металла.

А у «Сада водников» толпился народ перед афишей кино. В парке играла музыка, и по аллеям, метя песок дорожек широкими отутюженными клёшами, в чистеньких бушлатах, сдвинув бескозырки на правую бровь, по четыре в ряд прохаживались затонские новоселы — юнги с острова Валаама. И когда проходили они мимо не затемненного еще входа в кино, выделялись на бескозырках буквы темного золота: «Краснознаменный Балтийский флот». Девчонки с пристаней Затона и Свищевки, сидевшие в ряд на скамьях, перешептывались, провожая любопытными взорами молодых балтийцев.

Мальчишки с уважением, без особой приязни, но

зато не без зависти смотрели, как, покачиваясь по-морскому, шли аллеей юнги. И общее мнение было уже таково, что «ремесленникам нашим теперь крышка. Морячки верх возьмут по всем статьям».

Пронырливый Лешка Ходуля был уже тут как тут. Он так ныл в цеху, что всем осточертел и добился своего: мастер отпустил его из-за больного пальца раньше других. Сам Ходуля никогда на море не бывал и по Волге ниже Ахтубы не плавал. Но он любил уснащать свою речь морскими словечками, хвастался, что непременно будет служить во флоте, и на руке у него был грубо вытатуирован якорь. Поэтому сегодня он смело подошел к юнгам, присевшим отдохнуть на длинной садовой скамье.

— Разрешите пришвартоваться? С благополучным прибытием. Надолго бросили якорь у нас, в песчаных степях Аравийской земли?..

— Там видно будет, — сдержанно ответил худощавый юнга с длинными и тонкими бровями. Это был Виктор Сташук, с которым утром познакомилась Рима. — А вы местный?

— Тутошный, как говорится, — отвечал Ходуля. — Здесь родился, и это все, что я любил...

— Ну, как у вас тут ребята, ничего?

— Ребята, конечно, имеются, — заискивающе поспешил сообщить Ходуля. — Всякие, конечно, есть. Есть чересчур кляузные, к начальству подъезжают. Вообще, конечно, вы тут всем этим шпинделям сто очков дадите. Одно слово — моряки, флотские, морей альбатросы. Сам давно имею мечту. Курите?

Юнги покосились на предложенные им Ходулей папиросы, потом посмотрели на Сташука. Он, очевидно, был у них вожаком. Сташук чуть заметно сделал головой знак: ни боже мой. Юнги вздохнули и отвернулись.

— Некурящие, — жестко отрезал Сташук.

— Могу зажигалочку предложить, собственной работы, — сказал Ходуля, вынимая зажигалку, которую ему вернул утром Капка. — Пожалуйста, для приезжего человека, тем более морякам, без всякого возмездия. Насчет расходов не беспокойтесь, сочтемся как-нибудь. Вы — альбатросы, мы — волжские чайки. Одно к одному, и все в порядочке.

Сташук смутился было, не хотел брать, но Ходуля насильно вложил ему в руку зажигалку, прихлопнул ладонью сверху и сказал при этом: «Шито-крыто, взято-бито и с кона долой». Но Сташук уже не смотрел на Лешку. Машинально опустив зажигалку в карман бушлата, он привстал, завидя появившуюся в аллее Риму Бутыреву с подружкой.

— А, по синим волнам океана, лишь звезды блеснут в небесах, — задекламировал Ходуля, — уж Римочка наша несется, несется на всех парусах...

Сташук не слушал его. Он во все глаза смотрел на Риму, с трудом узнавая в этой красивой приодевшейся девушке простенькую девчонку, с которой он так небрежно разговаривал утром.

— Что? Познакомить? — заторопился Ходуля.

— А мы уже с ней немного знакомые, — ответил Сташук и четко откозырял Риме.

— Здравствуйте, — сказала она. — А это подруга моя... Здравствуйте, Леша.

Ходуля так удивился, что даже не сразу ответил, и только через минуту спохватился:

— Здравствуй, Римочка, здравствуй, Лидочка. Добрый вечер, честь имею. А мы тут, знаете, с морячками то да се, обнявшись крепче всех друзей...

— Кино будем смотреть? — спросил Сташук у Римы.

— Так билеты, наверное, уже все.

— А у меня и у одного моего товарища уже имеется как раз четыре, случайно рядом, вон дожидается

стоит, — сказал Сташук, и они пошли в кино, оставив в аллее оторопевшего Лешку Ходулю, который все же пробормотал:

— Мне дурно, проговорила она...

Сташук познакомил девочек со своим товарищем Сережей Палихиным. Вчетвером они направились к кино. Рима и Лида шли под руку и посередке, а юнги по краям и чуточку на отлете. Причем оба так отчаянно вышучивали друг друга, что девочки то и дело покатывались со смеху, не замечая, как ловко товарищи помогают один другому сострить и показать себя с наилучшей стороны.

— О, он у нас рыбак известный, — говорил Сташук про Палихина. — Вы его спросите, как, он на Ладоге камбалу ловил, а сам немецкую мину выудил...

— Нет уж, — отвечал Палихин, — пускай сам расскажет лучше, как он трубочистом сделался, когда в Ленинграде на крышу зажигалка упала в трубу, а он за ней туда полез... Красивый фасон после имел!

Потом Палихин и Лида ушли немного вперед. Рима и Сташук поотстали.

— Да, Рима, — сказал вдруг Сташук, — вы, кстати, местная?

— Да, родилась тут.

— Тогда вы, может быть, мне скажете, кто это такие тут у вас синегорцы? Я тут никого не знаю, а не успел приехать, уже письмо получил. И написано что-то не разбери поймешь. Стою на вахте, а какой-то мальчонка подбежал, сунул мне письмо, а сам драла. — Он протянул Риме письмо. — Вот видите? «Синегорцы Рыбачьего Затона приветствуют вас на своем берегу. Да скрепит верность вашу боевую дружбу и закалит отвага ваши сердца, и пусть будет сладок плод ваших трудов, и да взойдет над вами радуга победы. Синегорцы Затонска надеются, что балтийские юнги послужат делу

процветания и славы города. По поручению штаба синегорцев — Амальгама».

Сбоку был нарисован знак — радуга со стрелой.

— Вот уж ничего не пойму! — сказала Рима.

— Да и я не знаю, что это такое. Может быть, командованию показать?

— А это который выходил, усатый такой, нашито много вот здесь... Он у вас главный командир? Капитан?

— Не капитан, а мичман. Пора разбираться, Римочка. Антон Федорович Пашков. Известно: четыре узкие нашивки — это значит мичман, а шевроны углом на рукаве — это за сверхсрочную службу. Он еще в ту войну кондукто́ром был.

— На поезде?

— При чем тут, извиняюсь, на поезде? На корабле. На поезде конду́ктор, а на флоте кондукто́р. Надо понимать.

А ремесленники шли усталые и злые. Юнги казались им бездельниками и щеголями. Не знали ремесленники Рыбачьего Затона, что эти аккуратно подобранные парни в бушлатах и в бескозырках хлебнули такого, что и не снилось затонским. Под огнем и бомбами финских самолетов ушли юнги с острова Валаама в Ладожском озере. Лютуют, голодную зиму провели они под осажденным Ленинградом. И немало их еще прошлой осенью пало в славном деле у Невской Дубровки, когда юнги, сами совсем еще мальчишки, задержали немецких десантников и отстояли важнейший рубеж до прибытия частей Красной Армии. Не знали затонские, что у самого Вити Сташука с голоду умерла в ту зиму близ Нарвской заставы мать. Не подозревали затонские, что худенький Сережа Палихин в ледяной воде Ладоги своими руками отвел мину, на которую едва не наскочила шлюпка с балтийцами. Многого не знали ребята и

с пренебрежительным как будто, а на самом деле с завистливым высокомерием посматривали на приезжих.

Но юнги словно и внимания на них не обращали.

Глава 13
ВЕЧЕР КОМАНДОРА

Валерка и Тимсон ждали Капку у сада. Они встретились, как встречаются обычно мальчики, хорошо знающие друг друга, то-есть без приветствий, рукопожатий и других церемониальных проволо́чек.

— Слыхал новость? — спросил Валерка, подстраиваясь на ходу, спотыкаясь и никак не попадая в ногу с шагающим Капкой. — Девчонки-то наши с этими флотскими ну прямо с ума тронулись.

— И пусть их, — буркнул Тимсон.

— Вы когда про них узнали? — не останавливаясь, спросил у Черепашкина Капка.

— Еще утром.

— Ну, и как?

— Все в порядке. Послал приветствие. В восемь ноль-ноль. Колька отнес, Венькин брат.

— Исполнение проверил?

— Ну ясно. Доставил в срок. Дежурному сдал. Я сам видел с дерева.

— А чего написал?

— Ну, как Арсений Петрович нам говорил. Приветствие прибывшим. Как всем эвакуированным писали.

— Это хвалю.

— Только имей в виду, Капка, — Валерка сделал небольшую пробежку вперед, чтобы в темноте заглянуть в лицо Капке, — имей в виду — этот самый дежурный уже сестре твоей бумажку показывал. А она смеется. Ты ей ничего про нас не говорил?

— Нехватало еще! — возмутился Капка.

— Чего же она смешного нашла?.. И в кого только она у вас такая!

Валерка был возмущен до глубины души, что у Капки Бутырева может быть такая сестра. Некоторое время шли молча. Потом Черепашкин несколько раз толкнул локтем в бок Тимку и переглянулся с ним. Тимсон кивнул головой, и Валерка решился.

— Собраться бы вообще надо, Капа! А то как-то дело у нас вянет. Правда, у меня все тут записано. Показать?

— Покажешь потом как-нибудь.

Валерка опять переглянулся с Тимсоном.

— Капка, можно тебе от меня вот лично и вот от Тимки тоже — от нас обоих, то-есть — замечание сказать?.. Верно, Тимсон?

Тимка моргнул, качнув головой сверху вниз.

— Давай говори, — ответил Капка

— Ты, Капа, последнее время манкируешь.

— Вот так так! Здравствуйте! Это я манкирую?

Капка даже приостановился

— Да, да, манкируешь, спроси вот Тимсона... Да, Тимка?

— Точно, — отозвался Тимсон

— Да ведь некогда мне, — начал Капка. — Знаешь, какая у нас работа. Особый заказ делаем. Вы бы как-нибудь пока без меня.

— Ты что же... — Валерка даже задохнулся на минуточку. — Ты что же, отрекаешься? Эх ты, а еще синегорец! Кто зарок давал, клятву говорил? Знаешь, Капка, это уж... это уж просто... Правда, Тимсон?

— Чего уж..

— Арсений Петрович когда уезжал, как нам говорил? Кого назначил?

— Ну раз если так получилось... — виновато загово-

рил Капка. — Я же не отказываюсь навовсе, только командором сейчас мне нечего быть. Во-первых, я от пионеров уже отстал. Занятый, во-вторых, с утра до ночи. Теперь и выходные, говорят, у нас не будут целый месяц. Какой от меня толк вам? И потом еще как-то уж я... ну, это самое... ну, неловко получается. Мое такое дело теперь, что я уж из своих лет вышел. Опять-таки бригадир на производстве. Ребята узнают, так проходу мне не будет. Засмеют. Мне уже как-то не идет вроде. Деточка какой!

— Значит, мы деточки? Спасибо! — Валерка раскланялся. — Мерси. Ну, уж это, Капка, знаешь... Я считаю лично... Правда, Тимсон?

— Уж да, — изрек Тимсон.

— Эх, узнал бы Арсений Петрович! Вот, как назло, писем от него нет.

— Да я сам уже написал ему... — сказал Капка. — Адрес-то... ВМПС 3756-Ф? Правильно? Не отвечает чего-то!

— Плохо без него, — заметил расстроенный вконец Валерка.

Тимка только рукой махнул. Они шли теперь по берегу. Волга, темная и молчаливая, дышала сыростью из черной глухой дали. Ни огонька не было вокруг. Темен и дремуч был весь этот огромный, сейчас казавшийся безбрежным волжский простор. А когда-то там, куда уходила, повернув от затона, Волга, небо по ночам всегда было словно приподнято, высоко расплывалось серебряное зарево. Это с правого берега отсвечивал в ночное небо тысячами своих бессонных огней большой город, город степной и волжской славы, гордый своим именем. Город был столицей этого края. Все в Затонске и вокруг тяготело к нему, все жило его славой, подобно тому как по ночам на всем лежали отсветы далеких огней великого города. Затонские редко называли его

полным именем, но когда кто-нибудь говорил: «Я вчера в городе был», все и так знали, о чем идет речь.

Мальчики шли молча, и все трое были удручены. Молчание было так томительно, что даже Тимка не выдержал.

— А Ходуле еще будет! — вдруг сказал он грозно. — Поймаю.

— Верно, Капа, — обрадовался Валерка, — ты позволь Ходуле и всем свищевским за тебя колотовку дать.

— Сказал, кажется, нет! — отрезал Капка.

— Ну, пока ты командор, так мы обязанные, а уйдешь, так уж как сами знаем... Я так считаю, Тимка.

— И дам! — заключил Тимсон.

Ребята проводили Капку до самого дома. Маленькая Нюшка была одна. Она уже давно вернулась из детского сада; Рима, уходя, уложила ее спать, но Нюшке было страшно и скучно спать одной. Не успел Капка зажечь коптилку, как Нюшка закричала:

— А я еще вовсе не сплю! — и, живенько перевернувшись на живот, сползла тотчас с высокой постели на пол. — Капка, а отгадай, чего я сегодня ела.

Капка, стянув гимнастерку через голову, плескался под рукомойником.

— У нас в саду сегодня баранки давали, с маком. Целую дали и еще откусочек вот такой, — и Нюшка показала из сложенной щепотки кончик грязного указательного пальца. — Капа, чур, я полотенце буду держать, можно?

Держать полотенце, когда брат умывается, придя домой с работы, было почетной обязанностью и священным правом Нюшки. Она стояла чуточку в стороне у лоханки, над которой согнулся умывающийся Капка. А мылся он совсем как отец: шумно отплевывался, дул, фыркал и яростно тер шею.

— Ой, только не брызни смотри! Ты только смотри не брызгайся! — сказала Нюшка, ежась и замирая.

Она знала, что сейчас Капка сполоснет руки и непременно обдаст ее холодными, щекотными брызгами. И, конечно, Капка брызнул, и Нюша, деланно визжа, бросив на руки брату полотенце, стала размазывать воду по лицу, заботливо вытирать рубашонку.

— Ну тебя... Всю избрызгал. Какой ты, Капка, баловной!

Потом Капка вынул из кармана тщательно завернутые в газету две черносливины.

— На, Нюша, это у нас в столовке компот давали. Одна моя, а другая Шурки Васенина — он чернослив все равно не ест, дурной такой.

— А Рима мне сегодня колобушечку медовую купила. И тебе одну оставила.

Колобушки из очищенных семечек подсолнуха, зажаренных на меду, были любимейшим лакомством затонских ребят. У Капки даже глаза разгорелись.

— А Рима-то ела сама? — спросил он, глотая набежавшую слюну.

— Ела, ела, правда ела! — заторопилась Нюшка, помня, что старшая сестра наказывала ей именно так ответить Капке.

А сама она глаз не сводила с зернистого шарика, который лежал на блюдечке, отливая медовым золотом.

— Капа... дай куснуть разочек...

— Нюшка, мне чего-то неохота, ешь все, — сказал Капка.

Нюша зажала рот обеими руками и замотала головой.

— М!.. М!.. Ешь сам, — промычала она в ладошку, отталкивая другой руку брата.

Сошлись на том, что разделили колобушку пополам. Капка сел за стол, где Рима оставила для него хлеб,

несколько запеченных в мундире картофелин, половину селедки. Все это было заботливо укрыто обрывком газеты «Ударник Затонска».

— Почта сегодня не приходила? — спросил Капка, глядя в сторону.

— Нет, не приходила.

Капка незаметно вздохнул. Пятый месяц нет писем от отца. Плохо дело. Усталость, которую Капка прежде не ощущал, теперь вдруг разом легла на плечи, пригнула голову к столу.

— Капа, а мама скоро наша приедет?

— Скоро.

— А отчего она все не едет и не едет?

— Нюшка, ты бы спать легла лучше, чем человеку мешать. Видишь, кажется, человек кушает, а ты «тыр-тыр-тыр»...

Нюшка, положив локти на стол, прижавшись щекой к руке, смотрела боком и снизу, как он ест, крепкими пальцами облупливая картошку и тыкая ее в солонку. Нюша любила смотреть, как брат колет дрова, как он умывается, как ест. Она могла часами глядеть вот так. Все это было очень интересно. Капка ел молча, старательно разжевывая, собирая крошки со стола в ладонь и отправляя их в рот. Так едят тяжело наработавшиеся за день люди, хорошо знающие, как достается человеку хлеб.

Усталость понемножку отваливалась. И Капке уже хотелось рассказать об училище, о работе в Затоне, о мастере Корнее Павловиче, о дураке Ходуле. Нужно же поделиться с кем-нибудь тем, что заполняло целый день и от чего никак не выпростать головы. Рассказать старшей сестре — эта не поймет, как надо. Валерке и Тимсону следует говорить не так. С ними приходится говорить кратко и как о самом обыкновенном — подумаешь, мол, всё пустяки, — чтобы они чувствовали, ка-

ков человек Капка Бутырев. А ведь хочется иногда по душам и все как есть выложить. Вот был бы отец дома или Арсений Петрович, эти бы всё поняли, как надо. А Нюшка хоть и мало что смыслила, но очень уж хорошо слушала, а главное, всему верила сразу и за все была благодарна.

— Вот у нас сегодня в инструментальном номер был! Есть один, Терентьев фамилия. Мишка. Двадцать седьмого года рождения.

— Ой, двадцать уже седьмого? — восторгалась Нюшка.

— Да... Шестнадцатый год пошел. И вот он вчера, понимаешь, четыре с половиной нормы выгнал.

— А!.. с половиной! — умилялась маленькая.

— Ну что, я тебе врать буду?

— А откуда он выгнал? — осмелев, решилась наконец спросить ничего не понимавшая, но жадно слушавшая брата Нюшка.

— Э, рассказывай тебе! — махнул рукой Капка. — Иди спать лучше.

Нюшка уже зевала во-всю и терла глаза. Капка уложил ее на кровать, где она обычно спала с Римой, прикрыл стеганым одеялом. Нюшка уцепилась за брата обеими руками:

— Ты только не уходи. Как буду спать, тогда только иди, ладно?

— Ладно, ты спи скорей. А то мне еще надо тети Глашин примус починить.

Капка, сам зевая, сел на краю постели.

— Капка, а правда, если змею разрубить, то половинки опять сползутся? Мне Маруська сказала. Наврала, наверное, да?

— Слушай больше!

— А ты можешь в руки змею взять?

— А с какой радости ее брать?

— Ну нет, ты только, Капка, скажи: возьмешь или сбоишься?

— Надо будет, так и возьму. Спи ты!

Нюшке стало ужасно хорошо от безграничного уважения к брату. С ним, когда и темно, не страшно. Вот он, рядом, всех сильнее и самый смелый. Он ничего не боится. Он прямо руками может схватить змею. Нюшка открыла один глаз, убедилась, что Капка еще сидит на краю постели, и, успокоенная, заснула.

Капка еще с полчасика повозился над примусом тети Глаши, а потом задул коптилку и улегся на своей койке. Нюшка сквозь сон почувствовала, что брата уже нет рядом. Она села, прислушалась. В комнате было темно, и жутко громко стучали ходики на стене. Нюшка легла плашмя поперек постели, свесила ноги, поболтала ими в темноте, пока не нащупала пол, и, осторожно ступая босыми пятками, добралась до Капки. Она вскарабкалась на его койку, подвалилась тихонько, пристроилась под бочок. Капка громко и мерно дышал. Она тоже стала громко вбирать в себя воздух, тогда же, когда и он, чтобы дышать вместе. Сперва у нее это не вышло, она не дотянула, сорвалась, захлебнулась воздухом, а потом приноровилась, задышала громко и старательно в один лад со старшим братом и вскоре уснула.

Через час вернулась из кино Рима. Витя Сташук проводил ее до угла их улицы. На первый раз этого было вполне достаточно, да кроме того, увольнительная дана была юнгам только до десяти часов. Расставаясь, Сташук заботливо спросил:

— А вы, Рима, тут с курса не собьетесь? Смотрите, местность ведь у вас сильно пересеченная, можно и ноги поломать. Вы вот возьмите зажигалку, в случае чего посветить можно.

И как ни отнекивалась Рима, бравый юнга поймал ее

за руку, почти насильно разжал пальцы и втиснул в ладонь теплую, согревшуюся в его руке зажигалку — подарок назойливого Ходули.

«Господи, и что это за привычка у них у всех зажигалки дарить?» подумала про себя Рима.

Придя домой, она наскоро поела и осторожно перенесла Нюшу на свою кровать. Капка не проснулся. Он спал, свесив с койки руку. Рима подняла ее и переложила поверх одеяла. Рука у Капки была грубая, залубеневшая от работы, не по-мальчишьему большая, короткопалая, совсем как у отца. Капка спал в майке-безрукавке, и у локтя, над самым сгибом, Рима заметила крохотный, нанесенный не то кислотой, не то краской значок: лук и стрела, чем-то обвитая... Больше ничего не смогла рассмотреть Рима при слабом свете коптилки. Но она стала припоминать, что видела нечто похожее совсем недавно. Ну конечно, этот же значок был нарисован на том смешном и непонятном письме, которое какие-то мальчишки прислали юнгам! Неужели это Капкиных рук дело? Рима почувствовала себя взрослой, куда старше, чем брат, который воображает себя дома хозяином, а сам еще дурит с мальчишками. Она наклонилась над братом. Спит. Устал, наверное. Им здорово сейчас достается. Он ничего парень, только уж больно научился командовать. А так ничего, другие мальчишки хуже. Хулиганят. А он ничего. Тяжело ему, верно, работать. Вон не отмылся даже как следует. И дышит трудно. Устал. Рима села на свою постель, уронила голову. Трудно без отца. Может быть, еще напишет. У Лиды Бельской отец полтора года пропадал, а потом отыскался. А вот мать уж никогда не вернется. Плохо, пусто, ох, как худо без мамы! Сейчас бы спросила: «Ну, Римочка, что в кино показывали? Из какой жизни? Домой одна шла? Небось, провожал кто. Ах, красавица ты моя!..» И она бы рассказала маме, что картина была

из жизни летчиков, очень видовая, а провожал ее до угла их улицы молодой военный моряк, юнга из-под Ленинграда, вежливый и ловкий... А сейчас и рассказать некому. Она сердито посмотрела на Капку. Завалился спозаранок! Дождаться не мог. Ей вдруг сделалось очень грустно, одиноко и стало жалко себя. Она зарылась головой в подушку. Нюшка открыла один глаз и сказала ей шопотом, тепло дыша в самое ухо:

— Рима, ты пришла! А я уже сплю.

А вожак затонских синегорцев, бригадир с Судоремонтного, спал, уткнувшись подбитым глазом в подушку, отбросив в сторону крепкую, плохо отмытую руку, где у локтя над самым сгибом темнел таинственный знак

Глава 14
ВСТРЕЧА НА ПЕРЕЕЗДЕ

Утром, когда Капка уходил в Затон, он увидел, что Рима растапливает печь знакомой зажигалкой.

— Римка, опять!

— Чего ты?.. Это мне флотский подарил. Юнга. Эх, вот ребята так ребята! Сто очков вам! А вы им всякие записочки подсылаете... Он мне показал. Уж мы с ним смеялись-смеялись! Я думала сперва, это девчонки какие-нибудь набиваются, а оказывается, ты. Еще бригадир. «Я... я»! А сам как маленький.

— Римма, — сказал Капка так, как будто в имени сестры было по крайней мере пять «м», — Рим-м-ма, смотри у меня! Я этому флотскому твоему ленточки пообрываю, так и знай!

Он схватил с шестка зажигалку и сунул ее в карман.

Пошел он сегодня в Затон не обычной дорогой, а сделал небольшой крюк, чтобы пройти мимо школы.

Хотелось посмотреть на этих флотских. У школьного двора, несмотря на ранний час, уже толпились ребята. Припав к прозорам в ограде, они любовались диковинным зрелищем. На школьном дворе были уже устроены какие-то странные помосты с продольными углублениями. В них на маленьких не то тележках, не то салазках сидели юнги — друг другу в затылок. В руках у юнгов было по длинному веслу, положенному на высокие кочетки. Седой длинноусый моряк с нашивками и орденами ходил вдоль помоста и командовал, а юнги, занося назад весла, плавно и враз наклонялись вперед (причем тележки под ними скользили по рельсам), а потом резко откидывались спиной.

— Ррраз! — отсчитывал седоусый. — Навались! Ровно! Палихин, загребной, не части!.. Ррраз!.. Дружно! От банки не отдирайся, хвостом не плюхай, сядь плотненько! Ррраз!

И юнги гребли, гребли посуху.

— Ай моряки! — кричали сквозь ограду зеваки. — Этак к вечеру до Астрахани уедете.

— Эй, флотские, гляди, на мель не сядьте!

— Далеко ли плывете? А, моряки?

Юнги мрачно косились на ограду, но продолжали дружно работать веслами.

Как ни был гостеприимно настроен Капка, все же он остался в душе доволен, что флотским немножко посбивали спеси.

Встретив у табельной Ходулю, Капка подошел к нему и молча вручил зажигалку.

Ходуля был так ошарашен, что долго не знал, как ответить, и невпопад выпалил несколько лермонтовских строк, все сразу:

— О други, это... Коль не ошибся я... Блеснула шашка, раз и два... — Он, не веря своим глазам, разглядывал заколдованную зажигалку, снова вернувшуюся к

нему. — Ах, флотский, флотский, ну погоди! Теперь мы с ней от всех удалены...

В этот же день на переезде произошла памятная встреча. Ремесленники направлялись по случаю субботнего дня в баню. Они шли под присмотром Корнея Павловича Матунина. На них были шинели и на форменных фуражках буквы Р и У. Капка Бутырев шагал в самом заднем ряду — рост подвел бригадира. И у самого переезда, там, где шоссе пересекало заводскую железнодорожную ветку, ремесленников нагнали юнги, перешедшие пустырь. Их вел мичман сверхсрочной службы Антон Федорович Пашков. Юнги также шли в баню. Они были в черных морских шинелях, туго перехваченных кушаками, в бескозырках, пришлепнутых блином и сдвинутых на правую бровь. Подмышкой у каждого был аккуратный сверточек с бельем. И в первом ряду, звучно печатая шаг, шел юнга Виктор Сташук. Шедший с ним Сережа Палихин, с лицом бледным, тонким, как у девушки, запевал высоким, чистым голосом:

Ты, моряк, хороший сам собою,
Тебе, моряк, всего лишь двадцать лет...
Не уезжай, побудь еще со мною...
Ну, и каков же твой ответ?

И дружно, как один человек, откликалась вся колонна юнгов:

По морям, по волнам!
Нынче здесь, завтра там...
По морям, морям-морям-морям!
Эх, нынче здесь, а завтра там!

Завидя еще издали флотских, Корней Павлович приосанился и прошелся пальцами по пуговицам своего драпового демисезона.

— А ну, заводские, затонские! — прикрикнул он. — А ну, волгари, ремесленнички! Подтянись! Кадровые,

ходи поаккуратнее, чтоб перед моряками по всей форме пройти. Дульков! Тебя что, это не касается?

Юнги также заметили идущих с пустыря затонских ремесленников. Мичман Пашков строго оглядел ряды своего войска.

— Твердо ногу, держи равнение! Разговорчики кончай! Ать-два! Ать-два! Пускай видят мелководные, как балтийцы ходят.

Оба отряда прибавили ходу. Ремесленники не хотели пропустить юнгов к бане первыми. Но крупно шагающие морячки вскоре настигли затонских.

Когда колонны поровнялись одна с другой, юнги узнали во многих ремесленниках утренних обидчиков., которые дразнили их через ограду во время занятий по академической гребле.

— Ребята, — сообщил своим Виктор Сташук, — гляди, ручок какой в самом заднем ряду топает. Вот смех! Словно кадушка, честное слово... Эй, замыкающий, подбери корму, на мель сядешь!

И пошло, посыпалось:

— Ручок! Держись за шинель, а то выпадешь!

— Полы подбери, малый! Чего улицы метешь! В дворники записался, что ли? Шпиндель!..

А Сергей Палихин, запевала и озорник, громким своим голосом пропел:

Рано, рано поутру
Пастушок...

И все юнги подхватили, рявкая «в ногу»:

Ру! ру! ру! ру!..

Капка не стерпел.

— Молчи, закройсь! — огрызнулся он, не поворачивая головы. — Моряки! Поперек борща на ложке плавали!

Ходуля, обозленный на всех моряков после коварства Римы, заметил, что у шагающих в последних рядах младших юнгов нет ленточек на бескозырках.

— Эй, стриженые моряки, тесемки-то еще не пришили?

— Что такое? — ответил за младших Сташук. — Я тебе вот сейчас пришью!

Мичман Пашков, который вначале ограничивался лишь замечаниями вроде: «Разговорчики, разговорчики слышу в строю, разговорчики», окончательно рассердился:

— Это что за базар такой? Слушай мою команду! Рота, стой!

У бани пришлось стать и дожидаться, когда кончат мыться военные курсанты. Мичман скомандовал своим «вольно».

— Стой, ребята! Повернись! — скомандовал своим и мастер Корней Павлович.

Обойдя голову колонны, он приблизился к Пашкову.

— Доброго здоровья. В нашей местности, значит, обучаться приехали, — заговорил он первым, как полагалось местному человеку при встрече с приезжим. — Очень приятно: Матунин, мастер.

Моряк козырнул:

— Пашков, мичман. Сверхсрочной службы. Будем знакомы. Нас сюда из-под Питера перевели. А вы, значит, на заводе тут, так получается?

— Именно. Молодые кадры готовлю. Помаленьку работают ребята. Дело свое делают. И довольно-таки неплохо, могу сказать. Так что я, извиняюсь, считаю, дразнить их неуместно со стороны флотских. Как по-вашему?

Мастер строгим взглядом окинул ряды юнгов.

— Точно! — сказал мичман. — Недопустимый факт. Форменная ерунда. Не сознают положение. Какие тут

могут быть дразнилки! Что вы, что мы — в одну точку долбим.

— Вы разрешите, я им по-своему два слова скажу?

— Очень хорошо будет, — согласился мичман. — В самый раз уместно. Рота, смирно, слушай!

Мастер подошел к морякам.

— Вот вы, ребята, как истинные, доподлинные сыны коренных моряков нашего Балтийского флота, должны сами понять, какое есть у нас теперь общее положение. Не в том суть, кто на воде, кто на тверди земной, а в том суть, что немца надо побить, шут его дери, паразита, совсем! И тут уж, конечно, никаких таких дразнилок у нас с вами допустить невозможно. Вот ребятки затонские, заводские наши, они есть, так сказать, поколение нового кадрового рабочего класса и приставлены к делу, каковое я вместе с их батьками достигал тут же, на Судоремонтном. Понятно? Понятно. В девятнадцатом году тут с Красной Армией Царицын отстаивать ходили со всей, конечно, нашей, затонской, Красной гвардией. Понятно? Понятно. А вы ныне моих же, выходит, воспитомцев в смехотворный оборот ставите. Это никак невозможно. Вот вам и ваш командир то же самое скажет.

Мичман Пашков поправил фуражку, одернул рукава с нашивками и шевронами, откашлялся и начал, обращаясь, впрочем, скорее к ремесленникам, чем к юнгам:

— Правильно говорит вам товарищ руководитель. Но хочу коснуться, по ходу действия, одного вопроса. Чтобы вышла полная ясность. Кто в исторический момент, в Октябре семнадцатого года, своим выстрелом дело решил? На это ответ имеется: крейсер «Аврора». На весь мир известный. И кто был на том славном крейсере «Аврора» в этот исторический момент? Кондуктóр Пашков был тогда на крейсере «Аврора» и не забу-

дет вовек этой ночи и до деревянного бушлата, до гроба своего, будет гордиться ей. Выходит, мы с вашим товарищем руководителем с двух сторон на одну дорогу вместе пришли, одним курсом идем, и всякие, конечно, эти дразнения давно кончать надо.

Дул ветер с Волги. Гитарным строем гудели провода над линией. Ветер был теплый, но сильный. Он отворачивал полы шинелей у ремесленников и теребил ленточки юнгов.

Все было уже хорошо, но мичман сам неосторожно чуть было не испортил дело подконец.

— Да, — промолвил он после паузы и расправил усы, — наше дело морское, конечно, тонкое, с ним, конечно, равнять что-либо трудно. У нас боевая флотская выучка строго поставлена... Между прочим, рота, можете стоять вольно... Ну, я говорю, вот, например, компас: ведь ежели спросить ваших ребят, то они и насчет азимута, секстанта или, скажем, к примеру, девияции вряд ли что соображают. Сташук!

Сташук сделал два шага вперед.

— Есть, товарищ мичман!

— Скажите мне, Сташук, что есть такое девияция?

— Девиация, товарищ мичман, есть отклонение оси магнитной стрелки компаса от меридиана под влиянием каких-либо явлений, как, например, может быть...

— Гм, гм!.. — перебил его нахмурившийся Корней Павлович. — Ну, ежели насчет синус-косинуса, то у меня ребятки тоже, слава тебе господи, разбираются. Бутырев Капитон! — вызвал он.

— Тут!

И Капка выскочил из строя.

— Ну-ка, Бутырев, скажи ты товарищам флотским, какие, допустим, на свете бывают фреза?

Капка оглядел юнгов, бросил мельком взгляд на

своих, замерших в заметном волнении, и, набрав в грудь воздуху, так что шинель вздулась пузырем, начал:

— Фреза бывают и употребляются: радиусные, цилиндрические, спиральные, конические, угловые, торцевые, хвостовые, фасонные, ступенчатые... И еще также прочие.

— Ну, хватит с тебя, Бутырев, — заметил мастер. — Зайди обратно в ряд и стой покуда. М-да... А еще могу сказать, хотя лишь частично, чтобы не нарушать военного секрета, что вот эти мои ребятки хорошо ли, худо ли, а выполняют сейчас с превышением специальное задание. Да-с! Кое-какие деликатные вещицы соображают.

Мичман приподнял мохнатые брови.

— А я так полагал, что вы по части ремонта судов там и всего хозяйства прочего.

— Числимся по этой статье рубрики, но... — Корней Павлович лукаво прищурился, оглянулся и, снизив голос, продолжал: — Но ведь теперь знаете какое время. Военный момент. Вот, разрешите вам к случаю привесть, рассказ такой ходит. Работал один человек на эдаком заводе вполне мирного обихода и домашнего назначения, ну, словом, детские кровати они выпускали. И вот, стало быть, как война началась, взяли его в армию, пошел он на фронт. Ну, повоевал маленько, но вскорости ранение получил. И через это его откомандировали обратно по излечении на тот же завод. И тут просит его один знакомый, дружок-приятель: «Никак, говорит, я ордера на кроватку получить не добьюсь, а сынишка из люльки вырос так, что пятки поверх торчмя торчат. Удружи, говорит, сообрази мне как-нибудь, по личному свойству, как мы есть с тобой старые знакомые и кумовья...» Ну, тот, значит, ему обещает похлопотать: «Поговорю, мол, с кем надо на заводе, а уж тебе по дружбе кровать сам соберу — первый сорт!»

А работал он как раз, заметьте, в сборочном: по номерам, по деталям, готовые кровати собирал. Ну, стало быть, взялся он за дело. Номер к номеру ставит согласно инструкции, приворачивает... Что, понимаешь, за притча? Как ни ладит, как ни собирает, а все вместо кроватки пулемет получается!.. Вот какая, значит, история. Суть смысла понятна вам?

Мичман смеялся, слегка согнувшись, собрав усы в кулак.

— Это вместо кроватки-то?.. Пулемет! Ах ты...

Корней Павлович похохатывал, довольный успехом своего рассказа, но вдруг оборвал смех, сурово кашлянул, одернул рукава и чуточку сконфуженно глянул на своих воспитанников: не сказал ли он чего-нибудь лишнего?

— Вот, стало быть, будем знакомы. М-да...

— Очень приятно, — откозырял мичман и рявкнул на своих: — Понятен разговор? То-то же!

Обе стороны были довольны, что не подкачали, каждый свое доказал.

А Волга вдали текла огромная и полноводная, конца-краю не видно... По самые верхние ветви ушли в речку зазеленевшие деревья на затопленных островах, далеко на луговой берег, в поймы и займища, ушла разлившаяся громада воды, и мир, омытый этой щедрой и неистощимой влагой, был так свеж и неоглядим, так просторен, что всем тут хватало места — и своим и приезжим, и затонским и балтийским...

И, глядя на могучий покой, плывущий к морю, не верилось, что есть где-то всем этим краям чужеродные существа, которые замыслили притти сюда, чтобы все наше железо вмять в землю, а самим жадно хозяйничать на этих вольных берегах и владеть широкими водами.

Глава 15

СИНЕГОРЦЫ РЫБАЧЬЕГО ЗАТОНА

Прошло пять дней. Валерка видел Капку лишь мельком. Маленький бригадир почти не появлялся дома. В Затоне гнали срочное задание, и были дни, когда Капка даже ночевать не приходил домой и, сморившись, засыпал где-нибудь под опрокинутым дощаником прямо на заводской площадке. Он осунулся и словно бы вырос за эти несколько дней. И деликатный Валерка при молчаливом согласии Тимсона решил, что следует обождать и не тревожить командора.

Но на шестой день на трубе домика, где жили Бутыревы, неожиданно появился флюгер. Дул низовый ветер; вертушка, к радости Нюши, долго ждавшей обещанную фырчалку, звонко гремела. Валерка сразу заметил этот условный сигнал и помчался к своему командору. Капки он не застал, командор уже ушел в Затон. Рима передала Черепашкину записку. Она была заклеена смолой, что, правда, не помешало Риме раскрыть ее и полюбопытствовать, о чем там говорится. Рима ничего не поняла. В записке без единой запятой было сказано: «Амальгама зажигай большой костер где всегда в 9 Изобар».

Но Валерка все понял. Примчавшись домой, он сейчас же забрался на чердак, вылез оттуда через слуховое окно на крышу мезонина и, услышав, что на каланче у базара пробило восемь (это был час, когда синегорцы должны были наблюдать, не появится ли на горизонте условный сигнал), вынул карманное зеркальце и засверкал им. Проще было бы, конечно, сбегать к товарищам и оповестить их. Но Валерка свято берег сложные обычаи синегорцев и, пользуясь ясной погодой, решил прибегнуть к помощи солнечного телеграфа. Он недолго вертел зеркальцем, сидя на коньке крыши. Вот

на другом конце улицы что-то блеснуло в ответ. Замигало, вспыхнуло зеркальце еще у одной трубы. И Валерка Черепашкин передал соседям, а те с крыши на крышу при помощи световой азбуки Морзе, что сегодня в девять назначен Большой Костер.

Все понимали, что произошло что-то крайне важное. Капка редко созывал синегорцев на Большой Костер. После того как он пошел в училище и стал работать на заводе, командор как будто сторонился пионеров и тяготился своими обязанностями. Вообще вся затея как будто угасала после ухода в армию Арсения Петровича Гая. Ведь он и придумал все это, — собственно он, Валерий Черепашкин, Капка и Тимсон — все они вместе. Они тогда целыми вечерами пропадали в Доме пионеров. Там Гаю и пришла в голову мысль о синегорцах. В отряд синегорцев принимали лишь самых верных и искуснейших. Только лучшие из лучших пионеров, храбрейшие из храбрых могли стать синегорцами. Звание это давалось нелегко. Его надо было заработать.

Но недостаточно было придумать загадочное и звучное наименование. Следовало придать ему новый, собственный смысл. Так составилась легенда о происхождении синегорцев. Синегорию открыл Валерка Черепашкин, а населил ее Великими Мастерами сам Арсений Петрович.

Пионер, принятый в синегорцы, посвящался у костра в тайны увлекательной игры и сам становился ее участником. Каждому синегорцу соответственно его вкусам и наклонностям отводилось место в Синегории. То, что делал пионер в жизни, по-своему определяло его положение у Лазоревых Гор. Новую биографию его придумывали сообща у костра. Мальчик, разводивший в Рыбачьем Затоне почтовых голубей, превратился в волшебника Подоблачных Гнезд. Пионер, вышедший победителем на школьном шахматном турнире, принял у синегорцев звание рыцаря Клетчатых Лат. Под его

началом войска Синегории выгнали из ущелий Лазоревых Гор полчища Черных Коней. Лучший среди затонских пионеров собиратель металлического лома был в Синегории Будильником Вулканов и мог вернуть к бурной жизни самый заброшенный кратер. Трудолюбивый и спорый во всяком ремесле Капка стал оружейником Изобаром. Большеглазый фантазер, летописец синегорцев Валерка превратился в Мастера Зеркал Амальгаму. Бахчевод Тимка принял имя Джона Садовая Голова.

В какие только приключения не пускались синегорцы! Они подымались на горы, ныряли в пучины океанов, совершали путешествия в недра земли. И всегда в этих приключениях побеждали отвага, верность и труд. Это стало девизом синегорцев. А на гербе Синегории появились: радуга, стрела и вьюнок — знаки, тайный смысл которых станет вам ясным, если вы дочитаете эту книгу до конца и узнаете о судьбе Мастера Амальгамы и его возлюбленной.

Продавец в базарном ларьке, где торговали галантереей, был весьма озадачен, когда в один прекрасный день у него раскупили разом все карманные зеркальца. Он недоумевал, почему это затонских мальчишек обуяло вдруг такое повальное кокетство.

Ребята ценили прелесть тайны, и Арсений Петрович отлично понимал это. Синегорцы из Затонского Дома пионеров собирались или в саду, или на маленьком островке за узким рукавом Волги. Гай говорил, что дела важнее славы, а слава придет с делами. После его отъезда на фронт дела, однако, не ладились, а теперь мальчишки уже прослышали от Черепашкина, что назначенный Гаем командор, Капка, намеревается уйти. Это всех очень тревожило. Потому мальчики с нетерпением ожидали вечера.

Островок, отрезанный от города рукавом Волги,

который все звали прораной, и почти весь залитый половодьем, носил у синегорцев прекрасное имя: остров Товарищества. Остров был песчаный, весь заросший ивняком, но посередине его вздымалась возвышенность. Выветрившийся известняк образовал здесь гряду утесов. Ветер выдул в них пещеры. В одной из них и собирались синегорцы.

К назначенному часу меж полузатопленных кустов и деревьев, обмакнувших свои ветви в струи Волги, стали пробираться лодки. Прорана была тут узкой, на лодке ее можно было переплыть минут за пять. Но нелегко было пробраться через затопленный ивняк до места, где находилась пещера. Лодки терлись бортами о тугие ветви, приходилось руками раздвигать кусты и, цепляясь за них, упершись ногами в днище шлюпки, подтягивать ее за собой. Шурша о плоские камешки, шлюпки вылезали носами на бережок, твердый и пористый.

День был свежий, солнечный с утра. А теперь небо было закрыто низкими тучами, и тьма сгустилась раньше времени. На берегу, у пещеры, Валерий Черепашкин проверял прибывших и принимал рапорты. В сумраке тускло поблескивали зеркальца, которые каждый вынимал из кармана, сойдя на берег.

У всех мальчиков на рубашках темнели пионерские галстуки.

— Отвага и Верность! — тихо говорил прибывший.

— Труд и Победа! — отзывался Черепашкин. — Сдай рапорт.

— Лому всякого, железок — сто двадцать кило, шурупчиков и гаек там разных — полторы кошолки, да еще рельса старая, не очень сильно ржавая, даже со шпалой... Сколько весит, не знаю: больно тяжелая.

— Проходи, — говорил Валерка. — А ты с чем? — обращался он к другому.

— Был в госпитале, провел громкое чтение вслух, да еще две книжки про себя, сочинения писателя Марка Твена, очень интересные... Отвага и Верность!

— Труд и Победа! Проходи. Следующий.

— А я накрасил плакат в клубе против Ходули и прочих подобных срывщиков... Ходуля меня стукнул два раза...

— Проходи.

Вот уже прибыл Будильник Вулканов — Степушкин Кира, лучший в городе сборщик металлолома. Соскочил с лодки Коля Кудряшов, носящий в Синегории имя Дымочага и прославившийся в Затоне своей тимуровской заботой о малышах, желанный гость в каждом доме, откуда отец ушел воевать. Явился главный барабанщик, тамбурмажор Синегории Павлуша Марченко — этот отличился как неутомимый песенник в госпиталях, где он вместе с другими пионерами развлекал раненых. Уже сдали рапорты Начальник Охоты Лазоревых Гор юннат Веня Кунц, рыцарь Клетчатых Лат шахматист Юра Плотников и другие славные синегорцы Рыбачьего Затона, не было только самого Капки да Тимсона, который должен был сопровождать командора и ждал его на лодке у Рыбной пристани.

Долго не было Капки. А тьма все сгущалась, ветер порывами проносился в кустах, и деревья полоскали свои мокрые ветви в воде. Мальчики стали уже беспокоиться. Но вот заскрипели уключины, раздвинулись кусты, и длинный острый нос рыбачьей лодки вылез, шурша о камни, на берег. Тимка соскочил с носа на землю и вытянулся. В левой руке он держал лодочную цепь, правой отдавал салют. Капка, балансируя, чтобы не упасть, перепрыгивая со скамьи на скамью, сошел на берег. Валерка шагнул ему навстречу и отсалютовал:

— Товарищ Командор и Мастер Большого Костра! Синегорцы Рыбачьего Затона собрались по вашему

сигналу. Рапорты приняты и занесены в книгу. Зеркала проверены. Костер зажжен.

Капка поднял было руку для ответного салюта, но, не донеся ее до головы, тяжело махнул.

— Да ладно уж... — тихо произнес он.

Валерку покоробило это пренебрежение к обычаям. Совсем по-другому, не так, не таким голосом, не теми словами должен был ответить командор.

Все молча прошли к пещере. У входа ее Кира Степушкин, почетный Хранитель Огня, уже разжег костер Он еле заметно тлел под ржавым листом жести, потому что время было военное и нельзя было палить огни — в районе проводилось затемнение, даже бакенов не зажигали на ходовом русле Волги. Ветер загонял дым костра в пещеру, ело глаза, но закон есть закон, обычай свят, и мальчики молча расселись вокруг небольшого возвышения, которое громко называлось Круглым Столом. Тимка стал у выхода на-часах.

— Ребята... — начал тяжелым, осипшим голосом Капка.

«Плохо дело! Сейчас откажется», подумал Валерка.

— Ребята, я сейчас вам... — Капка запнулся.

«Решил, все кончено», догадался Черепашкин.

— Ну... мне приходится, — продолжал еле слышно Капка, — мне вышло сказать вам плохое...

Все замерли. Капка опустил голову.

— Арсения Петровича убили, — проговорил он быстро, и горло у него перехватило

— А-а-а! — глухим стоном прошло по кругу.

И стало ужасно тихо. Каждому казалось, что сердце его во мраке колотится о стены пещеры. Потом кто-то, еще словно надеясь, спросил осторожно:

— Капка, ты правду говоришь?.. Ты верно это знаешь?.. Может, неизвестно еще... А, Капа? Может, это не так...

— Ребята, я сейчас вам... — Капка запнулся.

Но Капка замотал низко опущенной головой.

— Мне его мать из Саратова письмо написала. Ей похоронную уже прислали, — сказал он.

Было темно, и дым очень ел глаза, и некоторые всё откашливались.

— Ребята, — заговорил опять Капка, — конечно, горе. И даже очень большое. Хуже уж некуда Таких, как Арсений Петрович, мало где сыщешь А коли найдется, так для нас все равно лучше Арсения Петровича никто на свете не будет.

Он помолчал некоторое время. Было тихо в пещере. Костер у входа угасал. Кто-то опять коротко и тяжело ахнул в темноте.

— Ребята, — голос Капки зазвучал вдруг твердо и громко, — только давайте мы дела не бросим. Сами уж как-нибудь. Одни... Я тут намедни отказываться думал. То забыть. Глупости это. Раз и навсегда. Если когда манкировал чего, пусть каждый скажет прямиком: так, мол, и так. Коли в чем виноват — то же самое. Буду знать и сделаю, как надо. Как следует. Но дело бросать — это хуже еще, чем память Арсения Петровича позабыть. Значит, надо дело делать. Вот, по-моему, как.

Капка тяжело перевел дух и затем продолжал уже решительнее:

— Арсений Петрович что говорил? Что мы прежде всего пионеры и даже всех других пионеров попионеристее. Мы и есть пионеры своего города, пионеры военного времени.

— А если дразнятся вот юнги эти? — спросил кто-то в темноте.

— За словом в карман не лазить, резать с ходу, брить начисто, — ответил Капка.

— И вот! — Тимсон для наглядности поднес к костру свой объемистый кулак.

— Ты только и знаешь, что «вот»... А они эвакуиро-

ванные. Знаешь, как им в Ленинграде досталось! Какое у них было переживание! Надо считаться и соображать. И помочь, если что. Ведь наш город, мы хозяева. Ну и, конечно, если уж сами полезут, не давать им очень-то...

Костер гас, вот-вот совсем потухнет.

— Степушкин, ты Хранитель Костра, за огонь отвечаешь, почему жар не поддерживаешь? Костер должен все равно гореть.

Да, костер должен гореть все равно. Что бы там ни было. Он должен гореть. Капка очень устал за день. Много пришлось ему передумать сегодня. Тяжелая весть напомнила об отце... Вот как принесут такое же письмо... Но костер должен гореть. Он должен гореть все равно.

Под ржавым громыхнувшим листом жести Степушкин чиркал спичками. Но хворост попался сырой и никак не разжигался.

— В общем, так, — проговорил Капка: — если ребята не против, то я согласный, как прежде. Давайте решать. Ставлю на голосование. Приготовьте зеркала! Ну, кто «за»?

Он вынул свой заветный карманный фонарь. Батарейка уже иссякала, но лампочка еще давала слабый свет. И бледным желтеющим лучом Капка обвел в пещере вокруг себя. Каждый синегорец подставлял под луч свое зеркальце, оно вспыхивало в темноте, и Капка считал голоса.

— Против?

Полная тьма, единодушная тьма была ответом. Капка еще раз обвел всех товарищей лучом: не блеснет ли кто против? Нет. Он погасил фонарик.

— И предлагаю... В общем, ребята, давайте споем нашу песню, которую Арсений Петрович для нас сложил. Только... пускай кто-нибудь запевает. У меня сегодня горло чего-то простыло.

Синегорцы встали темным кругом, обняв друг друга

за плечи. В темноте запел своим ясным, зеркальным альтом Валерка:

Отца заменит сын, и внук заменит деда.
Мы — дети Синих Гор. Нас Родина зовет!
Отвага — наш девиз, — Труд, Верность и Победа!
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

Мальчики пели негромко, ломкими, еще не устоявшимися голосами, чуточку севшими от волнения. Они пели, почти невидимые в темноте, но каждый чувствовал плечом плечо товарища.

И если даже нам порой придется туго,
Никто из нас, друзья, не струсит, не соврет.
Товарищ не предаст ни Родины, ни друга.
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

А снаружи над островком, над Волгой спустилась ночь без огней и звуков. Только ветер шумел в затопленных кустах да, журча в ветвях, вились струи полой воды. Кира Степушкин наконец разжег костер, укрыл его жестью, поднялся, отдуваясь, и присоединился к поющим. Горячие красноватые отблески огня заиграли на лицах. Черты отяжелели, резкие тени легли у всех над бровями, на крыльях носа, на губах. Лица казались теперь суровыми, крепко, по-мужски отвердевшими. И мальчики пели:

Пусть ветер нам в лицо и нет дороги круче,
Но мы дойдем туда, где радуга цветет!
Окончится гроза, и разойдутся тучи.
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

Глава 16

ГРАНАТОМЕТЧИКИ, НА ЛИНИЮ!

С каждым днем все тревожнее становились вести с фронта. И утром, когда на заборе у затона наклеивали свежее сообщение от Советского Информбюро, люди, сгрудившись, заглядывая друг другу через плечо,

молча вчитывались в строки сводки, а потом медленно расходились с замкнутыми лицами, покачивали головами. Иногда кто-нибудь говорил:

— Гляди, как прет, окаянный...

Люди смотрели на Волгу. Вода еще в ней не спа́ла, река была бескрайной, плыла всей ширью мимо городка, отражая безоблачное летнее небо.

А уже полетывали иногда над Волгой немецкие разведчики, цыкали на них где-то за горизонтом резкие на язык зенитки, и небо вдали подергивалось частыми пляшущими звездочками разрывов. В Затоне спешно ремонтировали суда и делали сверх положенного еще кое-что по особому заданию, приезжали военные инженеры, долго в ночь засиживались у директора. Юнги усиленно проходили строевые занятия, упражнялись в стрельбе и гребле, одолевали военное дело. И однажды юнги решили показать местным свою выучку и вызвали на соревнование затонских. Объявили, что в воскресенье на площадке Дома пионеров будет военизированный бег с препятствиями, футбольный матч и состязание по гранате на меткость броска.

В Затонске любили всякие спортивные зрелища и гордились своими футболистами. Юношеская команда Затона целую неделю тренировалась перед встречей с юнгами. Ходулю, игравшего вратарем, мастер ради такого дела безропотно отпускал на два часа раньше других. Несмотря на военное время, народу в воскресенье собралось много. На дощатых трибунах уселись в ряд все знаменитые старики Затона — и Егор Данилыч Швырев, и Макар Макарович Расшивин, и Маврикий Кузьмич Парфенов, и Михайло Власьевич Бусыга, и Иван Терентьевич Яшкин. Старики были заядлыми болельщиками своей затонской команды. Они были твердо убеждены, что только благодаря проискам неведомых завистников юношеская команда Затона не

взяла первого места в области. А по справедливости-то, конечно, она и в самой Москве бы не уронила своей волжской чести — дали бы только сыграть да чтоб дело решал праведный судья, который не подсвистывал бы противнику.

К состязаниям по военизированному бегу старики отнеслись сравнительно равнодушно. Правда, когда по всем статьям — и по бегу в противогазе, и в состязании на бревне, в штыковом примерном бою, и в проползании через препятствия — юнги начисто обставили затонских, старики стали беспокоиться. Честь Затона была задета. Но совсем загорюнились затонские патриархи, когда начался футбольный матч.

Легкие, худощавые, быстроногие фигуры юнгов в черных трусах и полосатых сине-белых тельняшках стремительно неслись по зеленой площадке, тесня, обводя и сбивая с толку затонских, которые играли в оранжевых футболках. И, как всегда бывает, если какая-нибудь команда явно сильнее, зрителям стало казаться, что оранжевых на поле меньше, чем сине-белых. Затонских сразу прижали к воротам. Старики привставали, стучали палками о доски трибуны, хватались за седые свои головы, всердцах швыряли шапки оземь и кричали игрокам затонской команды сперва еще ласково: «Сережа, голуба, шибче, милуша, давай, давай!..» Потом стали подбадривать крепче: «Ну, ну, не сдавай, Петька, рви с ходу, дай ему!» И наконец, махнув на все рукой, уже отпускали во всеуслышание совсем обидные замечания: «Эх, мазилы-мученики!.. Куды ты, к шуту, подаешь? Раззява-кукла! Балда окаянный! Забыл, где ворота? Дурила!..» Ничего не помогало. Затонские проигрывали. Беки легко и точно передавали друг другу в ноги мяч, и половина поля от ворот юнгов до центра почти все время пустовала, зато у ворот, где стоял голкипером долговязый Ходуля, все время клубился песок, молние-

носно перемещались сине-белые тельняшки и суетились бестолку оранжевые футболки. Лешке Дулькову пришлось туго. «Господи ты боже мой, и откуда только этого длинночортого выискали!» возмущался старик Швырев.

— Дубина стоеросовая! Чтоб ему пусто было! — честили старики злосчастного Ходулю, который только и успевал вынимать мячи из своей сетки.

Разгром был полнейший. В центральной ложе начальник школы юнгов капитан первого ранга Иванов-Тарпанов, положив на барьер руки, поблескивая на солнце широкими золотыми нашивками у обшлагов, легонько усмехался, довольный, и поглядывал на соседей. Рядом с ним, то и дело снимая кепку и вытирая платком вспотевший лоб, страдал директор Судоремонтного Леонтий Семенович Гордеев. И при каждом забитом мяче на директора искоса и сердито поглядывал секретарь городского комитета партии товарищ Плотников.

К перерыву счет достиг цифры, для футбола почти астрономической — 9 : 0 в пользу юнгов. А впереди был еще один тайм. И в нем сорок пять минут и бог еще знает сколько голов...

Синегорцы сидели внизу все рядом на одной скамье и пребывали в полнейшем отчаянии. Игроки ушли в раздевалку. Мальчишки свистели затонским и с недоброжелательным уважением смотрели на юнгов.

В перерыве проводили соревнования по гранате. Позади футбольных ворот был вырыт небольшой и узкий окопчик. В отдалении мелом по траве была наведена черта, с которой участники должны были метать гранаты в ров.

— Гранатометчики, на линию! — вызвал судья.

К белой черте вышли двое затонских парней и двое юнгов: Палихин и Сташук. Перед каждым участником

положили по десятку учебных гранат. Это были небольшие деревянные булавы, смахивающие на бутылки.

Первым метал Сережа Палихин. Он уверенно подошел к черте и — раз, раз, раз — быстро одну за другой метнул все десять гранат. Шесть из них попали точно в окоп. Седьмая ударилась о край и случайно не скатилась, отскочила в сторону. Тремя гранатами Палихин промахнулся.

Место его на черте занял Белянин, лучший гранатометчик Затона. Медленно нагнулся он, не спеша перебрал гранаты, выложил их аккуратненько в рядки, взял одну, крайнюю, размахнулся и метнул. Граната упала точно в окоп, даже краешка рва не задев. Так же уверенно бросил Белянин и вторую гранату. А за ней третью. На трибунах ожили.

— Ну, ну, Белянин, сажай, доказывай дальше!

Белянин только головой повел — дескать, не сомневайтесь, все будет в порядочке. Метнул четвертую — и промазал. Он досадливо покачал головой, долго прицеливался, метнул... граната упала на край рва, подумала немножко и скатилась в окопчик. На трибунах, где сидели затонские, облегченно вздохнули. Четыре есть! Белянин удачно бросил еще две гранаты. Синегорцы на своей скамье ерзали и чуть ли не подпрыгивали от возбуждения. Белянин, сильно размахнувшись, метнул еще одну гранату, но он, видимо, волновался, и граната легла далеко за рвом. На трибуне затихли. Белянин прокинул еще гранату даром. Оставалась последняя. Долго целился Белянин, наконец решился и пустил гранату. Она упала прямо в ров. Итак, результат Палихина был побит. Белянин уложил семь штук из десяти.

Теперь настала очередь бросать Сташуку. Своей танцующей походкой, чуточку вперевалку, вышел он на линию, быстро прикинул расстояние от черты до рва,

взял гранату, примерился и бросил. Граната упала, не долетев до рва. В рядах затонских злорадно зашумели. Начальник школы юнгов с беспокойством задвигался на своем стуле. Но Сташук не смутился. Он расправил выпуклую грудь, плотно обтянутую матросской фуфайкой, помахал рукой, словно разминал ее, цепко ухватил новую гранату и, качнувшись вперед всем телом, метнул ее. Она упала точно в ров. Сташук нагнулся, взял в правую руку гранату, прихватил левой еще две и стал метать, перекладывая из одной руки в другую. И граната за гранатой падали в ров. Восемь гранат подряд положил на место Сташук и только на последней срезался: бросил слишком близко.

Результат его был восемь из десяти.

Теперь бросал Фомин, один из лучших физкультурников Затона. Но то ли волновался он, то ли уже устал сегодня, так как участвовал в военизированном беге, и был расстроен неудачей, но только первые три гранаты он перебросил, четвертая упала, не долетев до рва, и только остальные шесть попали в окопчик. И выходило снова так, что юнги и здесь побили затонских. Директор Судоремонтного сконфуженно тер затылок, избегая смотреть на товарища Плотникова.

И вдруг внизу, там, где сидели затонские ребята, раздался низковатый мальчишеский голос:

— А можно я кину?

На трибунах зашумели, зрители вставали. Кто это там? И все увидели, как с нижней скамьи трибуны поднялся паренек в фуражке, с буквами «РУ» на пряжке пояса, маленький, коренастый. Он твердой походкой прошагал к красному столу у футбольных ворот, где сидели судьи.

— А я можно кину?

— Вы же не записаны в число участников. Вас никто не выставлял.

— Мы, мы выставляем! Пускай кидает! — закричали со скамьи, где сидели синегорцы.

Затонские старики приподняли позором пригнутые головы:

— Этот еще чего вылез? Срамиться только. И так уж утерлись.

Но на трибунах сотни голосов закричали:

— Разрешить!.. Пускай бросает! Допустить!..

Судья пожал плечами, посоветовался с другими людьми, одетыми во все белое, потом скомандовал:

— На линию!

И Капка вышел на линию. Он стоял, маленький, плотный, упрямо вобрав подбородок в шею, чуточку избычившись. Десять гранат валялись перед ним в траве, белая черта протянулась около его ног.

— Ру! Ру! Ру! — хором кричали со своих мест юнги. — Подрасти маленько, а то не видать.

— Давай, давай, Капка, не слушай! — подбадривали свои.

Капка засучил рукав гимнастерки на левой руке. Гранаты он аккуратно сложил влево от себя рядком. Поплевал на руку, наклонился. Долго выбирая гранату, взял одну, прикинул ее на руку, отложил; взял вторую, и эта ему не понравилась. Наконец Капка остановился на гранате, которую он и поднял для первого броска. На трибуне затихли. Товарищ Плотников с веселым интересом разглядывал маленькую фигурку Капки. Начальник школы недоумевал, директор Судоремонтного хмурился, беспокоясь, как бы не вышло конфуза.

Капка взял гранату не совсем по правилам и прицелился ею так, словно держал биту, играя в городки. Потом он отступил на шаг, откинулся всем телом, резко шагнул вперед и метнул гранату левой рукой. Граната ударилась о самый краешек окопа, легонько качнулась и... медленно откатилась в сторону. Валерка припал го-

ловой к плечу Тимсона и закрыл глаза, чтобы ничего на свете больше не видеть. Тимка что-то промычал с ожесточением. Директор Судоремонтного пересел на другой стул, так как прежний треснул под ним. Капитан первого ранга Иванов-Тарпанов легонько усмехнулся уголком губ. Товарищ Плотников покачал головой.

— Шпиндель! Городошник! — кричали юнги в восторге. — Это тебе не бабушка в окошке! Рюха!..

Капка стоял на линии, закусив губу, упрямо опустив подбородок.

— Давайте же следующую, — сказал ему судья.

— Орут больно, не слыхать ничего, — пожаловался Капка, метнув сердитый взгляд в сторону тех мест на трибуне, где сидели юнги.

— Не тяните время. Или бросайте, или уходите, — строго повторил судья.

Капка взял новую, прицелился, отступил, сделал рывок к самой черте и швырнул гранату так, как бросал он биту, когда распечатывал заднюю «марку» в фигуре «письмо». Над самой землей пронеслась граната и сразу исчезла, провалившись в окоп. Капка нагнулся и тотчас же послал третью гранату. Она описала правильную дугу и канула в темноте рва. Капка бросил четвертую. Бросок был опять удачен. Он прихватил правой рукой и сунул подмышку две гранаты, чтобы не нагибаться каждый раз, размахнулся левой, качнулся вперед, пустил пятую. Взметнувшись слегка вверх, она снизилась в самую середину окопа. Капка метнул шестую гранату. Она летела, как бумеранг, вращаясь, и казалось, что вот-вот перемахнет через ров, но какая-то непостижимая расчетливость была в броске метателя, и над самым рвом граната круто опустилась вниз, в цель. На трибунах начали аплодировать. Капка швырнул седьмую. Есть! Капка швырнул восьмую. В ров! Все встали. Капка метнул девятую. Там! На трибунах неистовствовали.

Капка сравнял свой счет с результатом Сташука. Он взял десятую. Эта была решающей. На трибунах притихли. Капка медлил. Он опять поплевал на руку, тяжело перевел дыхание, снял фуражку, аккуратно положил ее донышком вверх на траву, рукавом отер лоб, взял гранату, слегка подкинул гранату на ладони. Долго целился он, прищурив глаз, и тихо было на трибунах. Но вот Капка откинулся, отшагнул, потом словно прыгнул вперед и взмахнул левой. Звонко на дне рва стукнула граната о те, что уже лежали там. И стадион заревел, загудел, затопал. Десятки людей бросились на поле. Над головами взлетели ноги Капки, посыпались на землю какие-то гайки, шурупы, и выпало заветное зеркальце. Но верный Валерка Черепашкин был тут как тут и подхватил зеркальце командора. А мастер Корней Павлович Матунин протискивался к рядам, где сидели заводские старики.

— Видали? — твердил он. — Ведь Василия Семеновича сын, Бутырев. Ах ты батеньки-матеньки, ну золотой же парень! Ну честное даю слово!

— Василь Семеныча сын? Бутырева? — переспрашивали старики и, щурясь от солнца, слепившего им глаза, из-под ладони рассматривали Капку.

Глава 17

КОМАНДОР ДЕРЖИТ ОТВЕТ

«Кто вы?» — «Мы синегорцы», отвечали мы, потому что мы и были синегорцы

(В. Черепашкин. «История гор. Затонска и его окрестностей».)

Между тем почетных гостей пригласили выпить пивца и квасу в буфете. Буфет сегодня устроили для гостей в одной из комнат Дома пионеров. Товарищ

Плотников вместе с директором Судоремонтного и начальником школы юнгов пошли туда. Через минуту туда же явилась одна из руководительниц Дома пионеров, Ангелина Никитична. Она чувствовала себя хозяйкой, да к тому же еще решила, что начальство приезжает не каждый день и надо воспользоваться случаем, чтобы поговорить о разных нуждах дома. Товарищ Плотников, высокий, бритоголовый, в чесучовой косоворотке, которую распирали его тяжелые плечи, принялся сам расспрашивать Ангелину Никитичну, как дела идут у пионеров.

— Вы знаете, — сказала Ангелина Никитична и понизила голос, — я к вам, Иван Акимович, собиралась уже обратиться. Нехорошо у нас. Неладно. Нездоровое настроение у некоторой части ребят.

— Что такое? — удивился Плотников.

Ангелина Никитична открыла клеенчатый побуревший портфельчик, долго копалась в нем, наконец вытащила оттуда какую-то бумажку и карманное зеркальце.

— Вот, Иван Акимович, не вполне, мне кажется, здоровое явление. Я должна сигнализировать. Какие-то странные записки с неведомым гербом. Я вот сочла нужным изъять. И смотрите, тот же значок на зеркале. И зеркала наблюдаются у целого ряда ребят, вернее у известной части.

Плотников пожал своими широкими плечами.

— Ребята-то как, хорошие?

— Пожаловаться не могу, Иван Акимович. Активные дети.

— Ну и пусть себе тогда смотрятся в зеркало, по крайней мере носы чище будут.

— Нет, Иван Акимович, я вас уверяю, что целая организация. Я должна сигнализировать.

— Да чего тут сигнализировать! Надо поговорить с ребятами по душам, порасспросить, а потом уже сигна-

лизировать да изымать. Экие, право, вы все тут прыткие!

— Иван Акимович, — Ангелина Никитична прижала обе руки к груди, — я здесь человек новый, до меня тут товарищ Гай работал, видимо большой фантазер, я теперь вынуждена многое искоренять.

— А нелегкая у вас, видимо, работа. Изымать, искоренять... Сигнализировать... Да вы не обижайтесь. Давайте-ка вот сейчас позовем кого-нибудь из ребят. Вы у кого эту бумажку изымали?

— Главные коноводы — это Черепашкин и Жохов. Они заправилы и очень скрытные ребята. Вы все равно от них ничего не добьетесь. Я уж пробовала.

— Ну-ну, уж как-нибудь! Авось мне больше повезет. Тут они сейчас?

— Тут.

— Ну, давайте их сюда.

И вот в кабинет привели Валерку Черепашкина и Тимку-Тимсона. Плотников широким, гостеприимным жестом пригласил их сесть.

— Ну-с, — сказал он, весело всматриваясь в смущенные лица Черепашкина и Тимки, — так, значит, синегорцы?

Валерка и Тимсон в ужасе переглянулись, раскрыли рты от неожиданности и густо залились краской.

Плотников продолжал, как будто не замечая их смущения:

— Ну что ж, синегорцы так синегорцы, в чем дело! Но, может быть, вы нам все-таки, ребятки, расскажете, что вы за такие синегорцы, и с чем вас кушают, и за что вас поедом есть собираются некоторые воспитатели, от которых вы таиться решили.

Синегорцы молчали, глядя в пол.

— Ну, не хотите — не надо, — подождав немного, продолжал Плотников и подчеркнуто сухо сказал: —

я ведь вас не допрашиваю. Очевидно, значит, не заслуживаю доверия... Так, что ли, выходит? Руковожу городом, партия мне доверяет, а вот пионеры некоторые, именующие себя этими самыми... как их... синегорцами, не желают оказать доверие. Плохо твое дело, товарищ Плотников. Печальная, брат, картина. Ну, извините, что побеспокоил. Идите себе...

Мальчики встали, переглянулись, вздохнули.

— Я считаю, надо сказать, — шепнул Валерка. — А? Тимка?

Тимсон только рукой махнул: чего уж тут, мол!

— Товарищ Плотников, — начал Валерка, — мы вам все скажем. Только нам надо спросить у нашего командора разрешение.

Они и не подозревали, что́ переживал в эти минуты сам их командор. Дело в том, что Капка, едва лишь Ангелина Никитична увела с собой в кабинет Валерку и Тимсона, сразу понял, о чем пойдет речь.

— Если что, блесни! — крикнул он вдогонку.

Не дождавшись сигнала, он сам незаметно подошел к дверям кабинета, приоткрыл их и слышал весь разговор. В душе у Капки долго шла борьба. Он знал, что Валерка и Тимсон сами никогда не выдадут, не назовут его. Но прятаться за спиной товарищей он не хотел. А войти и самому все рассказать не решался. Пожалуй, на смех подымут, да еще директор тут, как назло. Однако положение Валерки и Тимсона было столь затруднительным, что Капка решил выручить их, что бы потом ни было...

Заскрипела тяжелая дверь, и в комнату остановившись на пороге, просунулся сам Капка.

— А, победитель! — приветствовал Капку товарищ Плотников. — Честь города отстоял. Спасибо! — Он крепко пожал своей огромной рукой Капкину ладонь. — Так ты еще и с и н е г о р е ц ко всему?!

Капка кивнул головой, теребя пряжку пояса.

— У меня на заводе работает, — вмешался директор Судоремонтного, — у Матунина, мастера, одним из первых, бригадир!

— Так это ты, значит, самый главный у них? — Плотников мотнул головой в сторону мальчиков.

— Командор, — чуть слышно признался Капка, густо покраснев.

— Ну, командор, вот ты нам и изложи все как есть. А мы послушаем. Нам же тоже хочется знать. А то живем в одном городе с такими ребятами и даже не догадываемся, что есть у нас какие-то синегорцы.

Он с дружелюбным любопытством разглядывал Капку и его адъютантов.

— Только уж условие — не смеяться, — предупредил Капка и, как мог, рассказал товарищу Плотникову о синегорцах, об Арсении Петровиче Гае, которого Плотников тоже, как видно, считал хорошим человеком, потому что сочувственно закивал, когда Капка назвал имя Гая.

Капка рассказывал, с жадным доверием вглядываясь в лицо Плотникова и стараясь уловить, понимает ли он их затею, их мечту, сочувствует ли он ей или смеется в душе, а быть может, считает дурной блажью. Он рассказывал, а Валерка от волнения тоже шевелил губами беззвучно, не решаясь подсказать командору, когда тот останавливался, подыскивая нужные слова. Тимсон же слушал Капку и удивлялся, как это может такой сравнительно еще молодой парень говорить столь длинно и складно. Но вот Капка кончил свой рассказ. Плотников молчал. Потом вынул коробку папирос, достал одну, закурил. Мальчики смотрели на него, ожидая ответа.

— Ну, в общем, мы играем так, — попробовал дополнить Валерка.

Капка резко осадил его:

— Это, может быть, ты играешь, а я, например, лично не играю, а действую так.

Плотников вдруг тепло и загадочно улыбнулся.

— Интересно задумано. Свежая голова у Гая была. Почему же вы только тайну такую храните?

— А чего зря раззванивать! — уклончиво отвечал Капка.

— Погоди. Скромность — это одно, а скрытность — совсем уж другое дело. И ни к чему, мне кажется, тут такую таинственность напускать. Ну, вначале попробовали про себя, а дело получилось. Хватит в прятки играть. А тебе, Бутырев, в комсомол надо. Не комсомолец еще? Правда, парень ты еще очень молодой, да тебя примут, раз ты производственник хороший и организатор, видимо, неплохой.

— А чего я буду делать там?

— Ну вот, здорово живешь! То же самое и будешь делать, но только лучше будешь делать. Увереннее. Яснее. И помогут тебе, когда надо. И поправят вовремя.

Директор Судоремонтного и начальник школы юнгов с интересом следили за этой беседой.

— Синегорцы... синегорцы... — повторил Плотников. — Вон какое имечко приняли!

— Конечно, Иван Акимыч, — вмешалась Ангелина Никитична, — уж играли бы...

— Мы не играем, — повторил Капка.

— Ну, я не знаю, как у вас там называется...

— Дело не в названии, а в делах хороших, — возразил Плотников. — А что это все-таки за герб такой? — проговорил Плотников, разглядывая бумажку, на которой был нарисован знак синегорцев. — Погодите, погодите, где это я уже видел его?.. Стоп!.. Да я же у Юрки, у сынишки моего, в тетрадке это видел! Он что-то там вычерчивал схожее, помнится мне...

Плотников вскинул голову и посмотрел на мальчиков.

— А он тоже давно у нас, — сказал Капка.

— Да ну! — обрадовался Плотников, но спохватился и осторожно взглянул на Ангелину Никитичну.

— Его, как лучшего шахматиста, приняли, и он кружок у нас вел. И вообще подходит.

— Да, только... — начал было Тимсон, впервые подав голос за все это время, но тут же замолчал и покачал головой.

— Тимка! — прошипел Валерка.

— Молчу, — сказал Тимка.

— Ну, в чем же дело? — заметно обеспокоился Плотников.

— Дома его больно уж строго держат, — пояснил Тимсон: — чуть на лодке — уже сразу не пускают. Боятся. Что мы его, топить собираемся, что ли?

Плотников от всей души расхохотался. Засмеялись и все другие.

— Ну, а все-таки откуда же затонские синегорцы имя приняли и почему у них герб такой? Кто скажет?

— Это пускай Валерий расскажет, он вместе с Арсением Петровичем целую историю написал.

— Рассказать? — Валерка вопросительно посмотрел на всех.

— Очень интересно. Послушаем.

И Валерий Черепашкин рассказал товарищу Плотникову, начальнику школы юнгов и директору Судоремонтного историю Трех Мастеров.

Глаза его блестели, нежные щеки покрыл лихорадочный румянец, он вскакивал, размахивал руками и рассказывал о Синегории, о людях с Лазоревых Гор, о страшном нашествии Ветров, о короле Фанфароне Без-Четверти-Двенадцатом, о злом Ветрочете Жилдабыле. Голос Валерки задрожал, когда он описывал, как

Амальгаму, прекрасного Мастера Зеркал и Хрусталя, бросили в темницу.

Он прервал дыхание и замолк.

— Ну, ну! И как же дальше было? — спросил с интересом Плотников.

— Сейчас, — сказал, переводя дух, Валерка. — Сейчас расскажу дальше.

И он рассказал дальше историю Трех Мастеров.

Глава 18
ИЗБАВЛЕНИЕ АМАЛЬГАМЫ

...Прекрасная Мельхиора прибежала к оружейнику Изобару и бросилась перед ним на колени, умоляя спасти Мастера. Но где было узнать, в какой башне заключен Амальгама, и как можно освободить его, если все башни замка были прямые и гладкие, как свечи!

Когда истерзанный Амальгама очнулся после пыток, которым подвергли его ветродуи, он ощупал себя и нашел кусок стекла в своем кармане. То был осколок зеркала, которое в ярости разбил Фанфарон. Амальгама успел спрятать его.

Мастер забрался в узкую бойницу башни, поймал осколком луч солнца. Радужный зайчик прыгнул на крышу башни и стены дворца. И вот в каморку, где рыдала, ломая нежные руки, Мельхиора и могучий Изобар в бессилии сжимал свои тяжелые кулаки, вскочил зайчик, посланец Мастера. Мельхиора сразу догадалась, что это вестник Амальгамы.

Она подбежала к окну и увидела радужный луч в бойнице одной из башен.

И тут отец ее, мудрый Джон Садовая Голова, хлопнул себя по лбу:

— О, я голова садовая! У меня же есть семена

вьюнка. Я выращивал его пятьдесят пять лет подряд! Я ухаживал за ним днем и ночью пока не добился своего Этот вьюнок растет с такой быстротой, что если протянуть нить между вершиной Квипрокво и его подошвой, а внизу бросить семена вьюнка, то мгновенно побеги его обовьются вокруг нити, оплетут ее, и не успеешь сказать: раз-два-три, как на самой вершине горы уже распустятся вьюнки. Но слушайте дальше!.. Однажды я попробовал посеять мой вьюнок во время ливня... Можете себе представить, он мигом обвил струю дождя и, прежде чем она достигла земли, уже взбежал по ней на небо. Эх, дочка, я припасал эти семена для хорошего дня, чтобы сплести венок вокруг дома, в который бы ты вошла со своим любимым, но, видно, теперь пришла пора пустить в ход семена. Не плачь. Мы спасем Амальгаму. Я посею мой вьюнок под окном башни, где сидит Мастер.

— Но башня высока, бойница на самом верху. Как протянуть на такую высоту нить или вызвать дождь? — усомнился Изобар.

— О, мой вьюнок так силен и быстр в своем росте, что для него достаточно и прямого солнечного луча — он взберется и по нему!

— Но днем этого нельзя делать — заметит стража, а ночью нет солнца.

— Да, но сейчас полнолуние.

— Король поставил у башни самых верных своих ветродуев, — предупредила Мельхиора, — они ночью не смыкают глаз.

— Ну, это я беру на себя, — успокоил ее Изобар. — Я в этот час перепорчу все флюгера на дворце, Ветры перессорятся, вот будет переполох!

Так они и сделали. Ветры к ночи увидели, что стрелки дворцовых флюгеров показывают разное направление, и тотчас забушевали.

— Сейчас моя очередь дуть, — вопил Норд-Ост, — а флюгер показывает Зюйд-Вест! Вызвать стражу, исправить флюгера!

Началась беготня во дворце. Ветродуи кинулись искать Изобара, но его и след простыл.

Тем временем вышла луна. Поймав ее жемчужный свет осколком зеркала, Амальгама послал вниз тонкий, дрожащий и прозрачный луч. И там, где упал на землю этот луч, Джон Садовая Голова бросил горсть своих волшебных семян. В тот же миг могучие ростки, переплетаясь, туго обвили лучи и побежали наверх, к вышке башни. Их было много, этих зеленых побегов. Зелень свилась в толстый, прочный канат, и Амальгама легко спустился по нему на землю. А когда один из часовых, услышав шум, бросился на Амальгаму, Мастер ослепил его, кольнув в глаза лучом из зеркала. Так они бежали из дворца: Мастер Амальгама и Джон Садовая Голова. Условлено было, что Мельхиора будет ждать их на берегу, где Изобар уже снарядил небольшой корабль с верными людьми. Но когда беглецы достигли берега, Джон Садовая Голова не нашел там своей дочери, Мастер Амальгама не встретил здесь своей возлюбленной. Не знали они, что хитрый Жилдабыл ночью запер красавицу в один из подвалов замка.

Амальгама хотел тотчас же вернуться во дворец, чтобы освободить Мельхиору, но Джон Садовая Голова и оружейник Изобар не пустили его, найдя, что такой поступок был бы безрассудным и Амальгама лишь погубил бы себя и Мельхиору, а ее еще можно спасти, раз три таких Мастера на воле возьмутся за это дело.

Они нашли приют у добрых и смелых людей, которые звались Синегорцами. Это были надежные ребята, трудолюбивые и бесстрашные, искусные мастера и храбрые воины. «Отвага, Верность, Труд, Победа!» — таков был их девиз. Не было работы, с которой бы они не

справились. Не встречалась еще опасность, которая испугала бы их. Они уже давно замышляли освободить страну от Фанфарона и злых Ветров. «Кто посеял ветер, тот сам пожнет бурю», говорили Синегорцы. Они почтительно и радостно приветствовали Трех славных Мастеров и предложили им вступить в семью Синегорцев.

— Отвага! — сказал Изобар.

— Верность! — подхватил Амальгама.

— Труд! — произнес Джон Садовая Голова.

— Победа! — заключили все трое, повторяя клятву Синегорцев.

И оружейник Изобар сказал при этом:

— Я знаю, что́ надо делать мне. До сих пор я мастерил флюгера, по которым распознавалось направление ветра. Но теперь задача состоит в том, чтобы повернуть ветер туда, куда нам нужно. Джон Садовая Голова всю душу свою вложил в семена вьюнка, и растение получило волшебную силу роста. Я добьюсь чуда с флюгерами, и мы покорим ветер.

И он, не медля ни минуты, схватил в свои сильные руки молот и взялся за работу.

— Ты прав! — откликнулся Амальгама. — А я займусь своим делом. Чему до сих пор служили мои зеркала? Послушно отражали в себе красоту и показывали людям их недостатки. Но красота и безобразие существуют и помимо моих зеркал. Нет, я напрягу ум, буду работать с утра до вечера и с вечера до утра, но добьюсь, чтобы мои зеркала сами делали мир прекраснее. Я хочу, чтобы в людях отражалось все, что я вдохну в зеркало своим трудом, своей любовью. Ибо на свете нет, говорят, силы, которая не уступила бы труду, если человек избрал свое дело по любви и вложил в него душу.

И Мастера принялись за работу. Они трудились днем и ночью, не чувствуя усталости, не зная отдыха и сна.

Великий Гнев вдохновлял Оружейника и раздувал огонь под его горном.

Великая Любовь поддерживала силы Мастера Зеркал и светилась в его хрустале.

Шло время, ибо для труда и совершенства требуется время...

Черепашкин прервал рассказ и прислушался. На поле давно уже бухал мяч и раздавались трели судейского свистка.

Кто-то пришел в кабинет и напомнил товарищу Плотникову, что матч продолжается. Вторая половина игры уже началась, надо итти на места. Плотников с сожалением встал.

— Ах ты беда! — проговорил он. — На самом интересном месте. А надо итти. Ну, когда-нибудь доскажешь. Непременно. Очень хочется знать, как это все там у вас в Синегории в конце концов получается. Спасибо, товарищи... Так Юрка мой, говорите, тоже? Синегорец? Да? Скрывал, свиненок... Ну что ж, если сыну такое доверие оказываете, то, надеюсь, и отца не обидите. Идет?

Он крепко пожал руки всем троим синегорцам, задержал руку Капки, хотел что-то сказать, должно быть, но передумал, похлопал Капку по плечу, шумно вздохнул и пошел к выходу.

Гости последовали за ним. Когда мальчики убежали вперед, чтобы скорее попасть на места, Плотников сказал задумчиво:

— Славный народ растет! Ведь этот вот, командор их, как его... Бутырев, что ли?

— Бутырев Капитон, — подтвердил директор.

— Ведь представить себе только, сколько на его плечи легло! Мать убита, отец на фронте, тоже неизвестно, жив ли еще, на руках две сестренки... Не по годам забота. Работа в Затоне, чего говорить, товари-

щи, нелегкая. А он еще с этими синегорцами возится. З а б о т н и к. Великий з а б о т н и к!

— Дерутся они, дьяволята, с вашими этими юнгами, — пожаловался неожиданно директор начальнику школы. — Задирают ваши.

— Ну, ваши тоже в долгу не остаются, — сказал тот. — А у меня, кстати, к вам просьбишка была как раз. Баркасик я один там видел в затоне. Вот если бы там немножко двигатель перебрать да кое-что подправить, была бы у моих юнгов посудина. А то совсем осухопутились. Не могли бы вы нам помочь?

— Вот и дело! — воодушевился Плотников. — Споются. Тут вам и польза и мораль. И дракам конец. Только уж придется вам, товарищи моряки, покланяться нашим. Там у них свои законы, мальчишьи. Своя порука. Пусть уж и договариваются сами.

Он, видно, все еще был под впечатлением разговора с ребятами.

— Золотой народ. З а б о т н и к и. А фантазии-то сколько! Ах, мальчишки мои хорошие!

Глава 19

ПОГОВОРИМ, КАК МУЖЧИНА С МУЖЧИНОЙ

— Здесь проживает товарищ Бутырев Капитон?

— Входите, отперто! — крикнул Капка.

Стукнула щеколда, дверь в сени растворилась. Вошел Виктор Сташук. Увидев его, Капка поднялся. Он был озадачен и готов ко всему. Сташук, разглядев при свете коптилки Капку, тоже замер от неожиданности и сделал поворот к двери, готовый уйти.

— Мне товарища Бутырева, — сказал он нерешительно.

— Я Бутырев.

— Нет, мне нужно самого Капитона Бутырева.

— Я это!

Сташук смотрел на него с недоверием. Вот так дело! Неужели этот шпиндель и есть тот самый Капитон Бутырев, к которому его направили из школы? Но отступать уже было поздно, и, кроме того, комсомольцы, пославшие Сташука, строго-настрого наказали договориться с ремесленниками. Ничего не поделаешь. Дисциплина. Сташук чинно откозырял и щелкнул сдвинутыми каблуками. Но в эту минуту вбежала Рима. Увидев Сташука, она на мгновение смутилась, потом быстрым взглядом окинула юнгу и брата, заметила неловкость и замешательство.

— Здравствуйте! Капа, ты познакомился? Это тот флотский самый.

— Вижу, — сказал Капка, глядя в сторону.

— Помнишь, Капа, про которого я тебе рассказывала? Помнишь теперь?

— Мало о каких флотских ты мне уши прожужжала!

Сташук сделал шаг вперед, свел каблуки, еще раз козырнул:

— Разрешите? Юнга школы Балтийского флота Сташук Виктор. Прибыл по заданию.

— Бутырев, — сухо представился Капка. — Присаживайтесь... Ты что, Римка, опять собралась в кино?

— Нет, в кино нынче не получится, — сказал Сташук, присаживаясь на край табурета. Он снял двумя руками бескозырку и аккуратно положил ее на колени. — Увольнительную мне дали только до восьми. У нас к вам будет дело одного такого свойства, ребята-комсомольцы через меня к вам обращаются...

Он замолчал, надеясь, что Капка полюбопытствует и спросит, за каким делом послали Сташука комсомольцы. Но Капка не любопытствовал. Вид у него был очень

официальный. Сташуку опять очень захотелось плюнуть на все и уйти. Он чувствовал себя уязвленным. Однако надо было выполнять поручение Сташук метнул на Капку из-под бровей хитрый взгляд, решил переменить тактику

— Мы вроде ведь уже встречались с вами!

— Возможная вещь, — сказал Капка совершенно так, как произносил это мастер Корней Павлович. — Допустимо вполне. Не помню только. Так насчет чего будет дело?

— Значит, вопрос такой стоит — дело оборонного значения... — начал Сташук и коротко изложил свое дело

Юнги обращались к ремесленникам с просьбой помочь им отремонтировать старый баркас, без дела лежащий на заводской площадке.

— Прошпаклюем, покрасим это уж мы сами, — говорил Сташук, — и такелаж весь и рангоут поставим. — Он посмотрел краешком глаза на Капку — какое впечатление произвели на этого сухопутного сложные морские слова, но Капку, казалось, не проняли корабельные термины. — А вот вы бы нам насчет движка помогли, перебрать бы надо, цилиндр расточить, ну и тому подобное.

Капка солидно поджал губы. Он сидел, уставившись в стол, соображал что-то.

— Рима, налей товарищу чаю.

— Спасибо, не беспокойтесь, — вскинулся Сташук, — я ведь по делу. На минуточку.

— Дело-то не минутное, — строго пояснил Капка. — М-да... Эта работа не так простая. Я тот баркас знаю. С ним возни будет. Работа своего времени требует. Тут надобно каждый момент наперед учесть. Это ведь не «ать-два, ать-два» или там на сухом месте веслами водить. Главное, ребята чересчур перегрузку имеют. Дает

себя знать. Достается ребятам. А это уж сверх того будет.

Разговор получался теперь уже деловой, и оба были довольны, что все идет так всерьез.

— Уж прямо не знаю, что и сказать, — говорил Капка, дуя на блюдечко, которое он держал в растопыренных пальцах. — Пейте еще... Рима, налей.

Рима налила Сташуку еще одну чашку и села в сторонке молча. Она понимала, что разговор идет мужской и ей вмешиваться не к лицу.

— Ты уж будь друг, окажи, — сказал Сташук, ожесточенно дуя на горячее блюдечко, которым только что обжег себе губы.

— А что я, директор? Или кто?

— Ну все ж таки... У тебя авторитет есть, говорят.

— Говорят... Выходит, значит, «ручок-малек» тоже сгодился? — Капка поставил на стол пустое блюдечко и утер рот уголком скатерти. Рима бросила на него негодующий взгляд, но он грозно двинул в ее сторону локтем. — Ладно, сообразим что-нибудь.

— Ну, счастливо, я пошел. — Сташук встал и надел бескозырку. — Благодарствуй!

— Погоди, чего спешишь? Сиди.

Они не заметили оба, что уже несколько минут говорят на «ты».

— Чего спешите, отдохните, — сказала Рима, хотя она и Лида уж давно были с Виктором на «ты».

Сташук сел с явным удовольствием.

— Страшно было в Ленинграде-то? — неожиданно и с азартом спросил Капка, и в глазах его загорелся такой жадный огонек и так разом слетела с него вся солидная деловитость, что Виктор, собравшийся было ответить, как требовал морской фасон, что ничего, мол, особенного не было, сказал просто:

— Еще бы не страшно! Знаешь, как нам там прихо-

дилось? Это жуткое дело просто. А народу сколько легло...

И он стал рассказывать о Ленинграде, как жили они в смертельном кольце блокады, как пришлось им участвовать в бою у Невской Дубровки, когда немцы чуть было не прорвались к городу и юнги несколько часов сдерживали напор врага. Капка слушал его почти не дыша, изредка лишь громко глотая, чтоб отошло пересохшее от волнения горло.

— Я и к медали представлен за отвагу. Только еще очередь не дошла, а как дойдет, так, говорят, пришлют непременно. Я такой, знаешь: не боюсь.

— Вот и я тоже такой!

Потом говорили о кино. Тут уж разговор пошел совсем легко. Все болтали наперебой. Только и слышалось: «А Чарли Чаплин, помнишь... Как он свисток проглотил?! А сам пошел...»

— Ой, чудак этот Игорь... Помнишь, как он: «Меня мама уронила с шестого этажа»...

— А это еще помнишь?.. Это уж в другой картине. Его полицейские забирают, а он так, пальцем: «Но, но, без хамства!»

— Капка, покажи, как Игорь Ильинский глазами делает, — просила Рима. — Ох, он здорово у нас показывает, ну прямо в точности!

Капка послушно встал, прошелся по комнате семенящей походкой, по-петушиному отставив зад, страшно скосил глаза и наморщил нос.

— Здорово! Ну прямо Игорь Ильинский, честное слово! — восхитился Сташук.

Тут от шума проснулась Нюшка. Сперва из-под одеяла показался ее один глаз, потом другой, а затем высунулся любопытствующий носишко; вскоре Нюшка осторожно высвободила подбородок, окончательно осмелела, села на постели, прибила руками вокруг себя одеяло.

— Рима, это кто? — громким шопотом спросила она.

— Ты чего? Спи! — И Рима уложила ее, подоткнув со всех сторон одеяло.

Но Нюшка глаз не сводила с гостя и с его странной фуражки без козырька.

— А почему у тебя шапка назадом вперед надета? — спросила она и заглянула, вытянув шею, за затылок Сташуку. — Ой, и сзади козырька нет!

— Дядя — моряк, — поспешила объяснить Рима. — Видишь, у него ленточки сзади.

— Она у нас какая-то отсталая, оттого что без матери... — пожаловался Капка Сташуку. — Другие в ее возрасте уже все ордена знают, а наша до сих пор ромбик от шпалы различить не может. Ну ее! Спи, Нюшка.

— А чего это на ленточке написано спереду? — спросила Нюшка, залюбовавшись золотой надписью на бескозырке Сташука.

Сташук протянул ей ленточки:

— Вот, гляди, здесь якоря, а тут написано: «Краснознаменный Балтийский флот». Ясно? Чтобы видно было, откуда мы.

— Это если потеряетесь, да?

— Ну тебя, Нюшка, спи! — прикрикнул на нее Капка и повернулся к гостю: — Знаешь что? Давай-ка, пока время еще есть, сходим к Корнею Павловичу, мастеру нашему. Надо с ним дотолковаться сперва.

Когда они выходили, какая-то тень метнулась от калитки. Капка и Сташук не обратили на это внимания.

Они шли по улице. Чернели силуэты домов. Ни огонька не было вокруг — затемнение в последнее время соблюдали очень строго.

— А у нас в затоне сомы здоровые есть, — хвастался Капка. — Один раз человека утащил совсем.

— А камбала у вас есть? — спросил Сташук.

— Нет, камбалы нет.

— Ну то-то!..

Они перешли через улицу, свернули в проулочек, спускавшийся прямо к Волге. И сразу им дохнуло в лицо тепловатой сыростью. Волга была рядом, совсем близко, и черная, почти невидимая гладь ее кое-где была продернута поблескивающими нитями плесов.

Глава 20

ВЫСОКИЕ ДОГОВАРИВАЮЩИЕСЯ СТОРОНЫ

Они подошли к домику Матунина. Он был окружен палисадничком, за которым росли высокие цветы «золотые шары». Сквозь щели ставня пробивался свет.

— Затемнение-то аховое, — критически заметил Сташук.

— Ты слушай, — предупредил Капка: — я сперва войду и скажу, а потом уж ты. А то он, знаешь, строгий, наорать может. Как начнет: «Что же это вы, батеньки-матеньки, полунощники...» Тогда с ним и говорить нечего.

Капка открыл калитку, взошел на крыльцо и постучался в дверь. Сташук, оставшийся у калитки, слышал, как женский голос окликнул Капку, он что-то сказал в ответ, щелкнула задвижка, упала цепочка, Капку впустили. Не прошло двух минут, как Сташук услышал голос Капки: «Сташук, иди сюда. Осторожно, тут приступочка». Виктор прошел через сени и очутился в чистенькой, просто, но хорошо убранной комнате. У окон стояли аквариумы. Корней Павлович был большой любитель по этой части. За стеклами одного аквариума сновали полосатые красные макроподы. В другом стеклянном ящике медленно проплывали вуалехвосты и телескопы, золотистые рыбины, похожие на хвостатые бинокли. Короткими толчками перемещались большие

серебристо-полосатые месяцеобразные скаляры. Водоросли, похожие на зеленый стеклярус, слегка шевелились в прозрачной воде. И позади большого аквариума, стоявшего посреди комнаты, за столом, на котором горел начищенной медью толстощекий самовар, стояли бутылки и лежала всякая закуска, Сташук с удивлением заметил мичмана Антона Федоровича Пашкова. Блестели его шевроны на рукавах.

— Заходите, заходите, деточки, — приветствовала смущенных ребят Наталья Евлампиевна, аккуратная, чистенькая старушка, супруга мастера.

— О-о, батеньки-матеньки, — заговорил Корней Павлович, — сдружились уже, видать! А мы-то тут сидим толкуем, как бы это дело сладить, чтоб друг дружке взаимно помощь давать по надобности. А они уж, видать, Антон Федорович, наперед нас обскакали... Ну, садитесь. Капа, бери стуло. Вот возьми огурчика малосольного. И вы, пожалуйста.

На столе стояла керосиновая лампа, и в чисто вымытом стекле пламя, легонько постреливая, пускало тонкие золотые стрелки. Пар кудрявился и таял над самоваром. Наталья Евлампиевна налила ребятам по чашке, пододвинула варенье.

— Угощайтесь, деточки, это крыжовное Самая польза от него. Еще до войны варила. Осталось чуточек. Кушайте.

— Ну, а мы, извиняюсь, еще по одной перепустим, — сказал мастер, наливая из бутылки гостю и себе.

Он поднял стопочку, наставительно поглядел через нее на свет, чокнулся с мичманом, опрокинул стопку в рот, зажмурился, нащупал корочку на столе, понюхал сперва одной ноздрей, потом другой, открыл изумленные глаза, наколол вилкой ломтик огурца и с хрустом закусил. Мичман тоже выпил и глазом не моргнул,

9*

только большим пальцем распушил усы. Потом моряк свернул цыгарку, вынул кресало, кремень и фитиль, стал высекать огонь.

— Что вы, что вы! — остановил его мастер. — Чай, у нас зажигалка своего, местного изготовления имеется... Наташа, где тут моя давеча лежала?

— Эта вещь неверная: то камешек сточится, то бензин вышел, — сказал мичман. — Сказочку слышали про русский огонек?

— Не приходилось.

— Ну так вот, теперь вы послушайте, — сказал мичман, закурил и, отодвинув в сторону стакан, начал:

Поймал раз один наш боец немца в плен. Ну, немец сперва было упирался, потом видит — дело капут. Оружие кинул и ручки задрал. Повел его наш боец к себе в часть. Идут они, идут, охота стала закурить. Немец цыгаретку в зубы и нашему коробок сует, угощает: «На, кури, русс!» А наш не берет у него и свертывает себе сам свою дымогарную в два колена, толщиной в полено.

Теперь вынул немец свою заграничную блиц-зажигалку. Трык! — загорелась. «На, русс, прикури!» А наш боец от ихнего немецкого огня отказывается, брезгует как бы вроде. Вынимает он походное свое кресало, огниво, шнур, фитиль, и пошла искру выколачивать: чирк-чирк!.. Ну ясно, с одного-то разу редко чтоб взяло. А немец уже насмешку строит, похваляется. «Ну где, — говорит, — тебе, русс, против нашей заграничной техники воевать! Гляди сам». Боец наш огонек себе высек, запалил свою дымогарку, да и говорит тому немцу: «А ну, немец, дай-ка сюда поближе твою заграничную чиркалку. Крутани еще разок». Немец это подносит к нему зажигалку свою, трык пальцем колесико — пожалуйте, битте, горит! А боец как дунет на зажигалку, так

сразу у немца и загасло. Немец трык-трык — не берет больше. Кончилось его дело, бензин весь вышел...

«Ну, — говорит наш боец, — а теперь на-ка, немец, попробуй мою задуй». И подносит ему фитилек свой. Стал немец дуть — не тухнет русский фитилек. Немец кряхтит, тужится, пыжится, щеки накачал с арбуз целый... чем больше ни дует, тем пуще огонь раздувает. Тут боец наш ему и говорит, немцу этому: «Эх, — говорит, — вы, фрицы! Все у вас скроено с виду на испуг, а дела-то на один фук. Глядеть, так вроде огонь, а подул — одна вонь. Ну, а мы не сразу полымем, сперва искоркой. Но уж коли разгорелись, занялся наш русский огонек, так уж тут дуй не дуй, только пуще распалишь. А чиркалки эти заграничные мы почище ваших делать можем. Будь покоен, только руки не доходят. Погоди, вот управимся с вами, не такие еще сообразим». Немец, однако, попался характерный, упрямый: дул, дул... да так с перенатуги и лопнул! Вот и вся сказка.

— Ай да сказка! — заметила Наталья Евлампиевна. — Значит, доказал ему русский огонек.

— Выходит, так.

— Ну-ка, и мы огоньку холодного еще хватим по седьмому кону, — сказал мастер и налил из бутылки гостю и себе.

Капка понял, что делать ему тут нечего. Ясно было, что мичман уже обо всем договорился с Корнеем Павловичем. Но в комнате было так уютно, так хорошо сиделось под большими лапчатыми листьями рододендронов, растущих в кадке у окна и протянувших ветви свои над столом, и так вкусно и радушно угощала Наталья Евлампиевна, что уходить не хотелось.

— А вы бы, ребятки, рыбок посмотрели моих поближе, — сказал мастер. — Вон гляди, макроподиусы, а те маленькие — пецильки будут. А это вот красота плывет, скаляриус называется. Меченосцы еще имеются. Да ко

мне из области приезжают за экземплярами. Честное даю слово. Рыбка у меня ученая. Вот постучу, они сразу и собираются.

Мастер постучал ложкой по краю стекла, и действительно, тотчас к этому месту со всех сторон кинулись пестрые и жадные рыбки.

Но в это время за окном послышался уже знакомый затонским пронзительный вой, от которого сразу начинало щемить сердце. Все выше и выше становился звук, дошел до какой-то исступленной ноты, сбежал вниз и снова пошел забирать наверх.

— Батюшки, опять тревога! — всполошилась Наталья Евлампиевна и стала собирать чашки со стола.

Мичман встал.

— Мне по тревоге на месте быть полагается, по своему заведованию.

Где-то далеко застучали зенитки. Заголосили пароходные гудки на Волге. Зенитки ударили ближе. Затрещали пулеметы у пристани.

Капка вскочил и потянул за собой Виктора.

— Мне тоже надо... Дома-то девчонки одни. Перепугаются.

Мичман, быстро застегнув китель, уже надел фуражку и торопливо двинулся к выходу.

Но вот сквозь треск, сквозь разнобойный стук зениток проступил какой-то чужой, враждебный, ноющий гул.

— Летит, — сказал мичман, прислушиваясь, и посмотрел на потолок.

Шершавый вой пронесся над крышей, что-то со страшной силой грохнуло поблизости, домик тряхнуло, пол сместился под ногами, раздался звон стекла и плеск воды, сорвало ставни на одном окне. Когда все пришли в себя, на полу, прыгая среди осколков стекла, бились золотистые аквариумные рыбки. У Корнея Павловича

было порезано стеклами лицо, текла кровь, но он, не обращая внимания на это, дрожащими руками осторожно, как берут бабочек, прикрывал ладонью бьющееся тельце рыбки и переносил ее в уцелевший аквариум.

Глава 21

ТАК БУДЕТ ЗВАТЬСЯ КОРАБЛЬ

Капка и Виктор бежали по улицам. Трескучая сумятица ночной тревоги царила в черном небе. Над головой, в недоброй выси, гудели моторы самолетов. Прожектора толклись в облаках. Огненные паучки зенитных разрывов бегали в небе над Волгой. Где-то на окраине уже занималось зарево.

— Зажигалками садит, — сказал опытный в таких делах Сташук.

У Капки стучали зубы. Его всего трясло. Первый раз он попал в такую переделку. До этого дня тревоги были лишь предупредительными и скоро давали отбой.

— Ну, чего ты? — сказал Сташук и крепко взял Капку за локоть. — Это ничего. Вот только бы он фугасками не стал опять...

Он не договорил. Снова над ними, свирепо распарывая воздух, что-то завыло, просвистело... Виктор повалил Капку на землю и прикрыл его сверху своим телом.

— Лежи, лежи смирно, макушку заслони, рот раскрой.

— А зачем рот раскрывать? — почему-то шопотом спросил Капка.

— Физику не знаешь? Чтобы звуку легче было, а то оглохнешь.

Огромная вспышка зло разодрала тьму. Тяжело грохнуло. Земля заходила ходуном вокруг.

— За переездом трахнуло, — сказал Сташук. — Лежи, лежи, еще летит, рот раскрой. А глаза, если страшно, лучше зажмурь.

— А ты?

— Я уж на все глядеть привык. Лежи.

Опять полыхнуло, и сразу затем ударило: где-то, значит, совсем близко. Потом наступила неверная тишина. Казалось, что все прислушивается и только ждет момента, чтобы снова загрохотать. Зенитки не стреляли. Прожектора молча ощупывали небо.

— Побежали! — скомандовал Сташук и, подхватив Капку подмышку, поднял его.

Запыхавшись, прибежали они домой. Дома было темно и пусто. Капка догадался, что Рима унесла Нюшку в щель, которая была отрыта во дворе. И действительно, там они и нашли девочек. Рима сидела на дне небольшого рва, держа на коленях закутанную в пуховую шаль Нюшку. Снова рвануло где-то. Нюшка молчала и лишь смотрела на страшное небо широко раскрытыми, перепуганными глазищами. Она не плакала, только когда где-нибудь близко падала бомба, еще теснее прижималась к сестре.

— Одни вы тут? — спросил Капка, чувствуя себя виноватым перед сестрами.

— Зачем одни? — раздался голос из темноты, и Капка разглядел верного Валерку Черепашкина.

— Ты здесь откуда?

— А я видел, что ты к мастеру пошел, значит, думаю, дома девчонки совсем одни. Ну и все!..

— Ясно! — отозвался голос, густой, как тьма, из которой он шел. Это был Тимсон. — За мной Валерка еще давеча прибежал, когда к тебе флотский этот приперся. Мало ли что... отбрил ты его?

— Тихо ты... Вот, познакомьтесь, — пробормотал Капка.

— Сташук! — сказал юнга, наугад протягивая в темноте руку...

Тут какая-то вспышка на минуту ослепила всех. И потом Валерка и Тимсон долго трясли друг другу руки в кромешной тьме: каждый был убежден, что он жмет руку юнге Сташуку...

Тревога уходила на юг, за Волгу, как уходит гроза, не сразу угомонившись, еще погромыхивая вдалеке, напоминая о себе вздрагивающими зарницами. Отбоя не давали. И пока тянулись эти ночные часы и над всем продолжала царить воздушная тревога, в маленькой щели под нависшим сухим бурьяном обо всем договорились.

Виктор Сташук обещал завтра же узнать у своего командования, какие должны быть у баркаса, сообразно возможностям, ходовые качества, оснастка, вместимость, а может быть, даже и вооружение. Капка решил, не теряя времени, наутро же переговорить со своими ребятами в Затоне и в случае чего нажать на их сознательность и местную гордость: пусть ребята чувствуют, что балтийцы обратились к ним за подмогой. «Кроме того, — сказал Капка, — будут у нас еще работники... Ну, уж это моя забота». И он незаметно толкнул локтем в бок Тимку. Тимсон, уже задремавший, воспрянул, промычал что-то несообразное, но потом вспомнил, о чем идет речь, и, будучи человеком практичным, осведомился, сколько пассажиров может влезть на баркас за один раз, а также как будет насчет коек и кухни, если, например, случится итти в далекий поход. Сташук не преминул на это заметить, что на судах бывает не кухня, а камбуз, по койкам же судят о госпиталях, а не о кораблях, и приличные люди в плавании спят на рундуках. Что касается пассажиров, то они вообще тут не предвидятся, а вот каков будет экипаж судна, это он выяснит у начальства.

Валерка — тот сразу погрузился в мечты. Корабль, настоящий корабль, собственный корабль будет теперь у них! Уж раз тут дело не обошлось без Капки, значит может пригодиться и он, Валерка Черепашкин. Первым делом он стал прикидывать в своем воображении, как будет выглядеть корабль, в какой цвет его лучше бы окрасить. Потом фантазия бедного Валерки забушевала, готовая разорваться на части. Ему хотелось, чтобы маленький корабль мог итти под парусами. Белогрудый и молчаливый, будет выплывать он из-за острова на стрежень, на простор речной волны... Но, с другой стороны, на паруснике нельзя командовать машине: «Ти-ха-ай!» и «Вперед до полного!..» Поэтому следовало бы сделать корабль и с машиной и с парусами, ведь были же такие... Ну хорошо, а как же будет называться корабль?

Все задумались. Действительно, какое же имя дать кораблю?

И тогда Капка сказал:

— Знаешь, как пусть называется?.. «Арсений Гай». Можно так?

— Ну, это уж как начальник наш решит, — отозвался Сташук.

— Нет, пусть так и зовется: «Арсений Гай», — упрямо и решительно повторил Капка, сам вслушиваясь в звучание этого имени, которое ему показалось в эту минуту особенно прекрасным и значительным.

— А кто это такой Арсений Гай? — поинтересовался юнга.

— Это... — Капка остановился, подыскивая слова.

Валерка горестно покачал головой, Тимсон вздохнул в темноте.

— Он наш руководитель был в Доме пионеров... Мы ему всем обязаны, мы ему клятву дали, когда он уезжал, — проговорил Капка. — Эх, Виктор, вот хороший был!.. Его на фронте убили...

— Он вместе с нами сам и синегорцев надумал, — выпалил вдруг Валерка, решив, что скрывать больше уже нечего. — Ой, ты! Тимка, чего ты меня дергаешь?

— Ничего.

Но было уже поздно.

— Так это вы и есть те самые, что записочку мне на первый день писали? — догадался Сташук.

— А кто же еще?

И Валерка, пересев на всякий случай подальше от Тимки, стал рассказывать Сташуку об Арсении Петровиче, и как они с ним начали играть в синегорцев и придумали Синегорию, и какой он был веселый, и как на рыбалке он поймал сома прямо в руки, и как, спасая ребят в бурю, не испугался, а выгреб против течения на самом быстряке, сколько он знал книжек, и что за дивные песни складывал сам, и какие сочинял смешные слова.

— Эх, Арсений Петрович!

— Этому бывало уж не соврешь, — заметил Тимка.

— Ему и врать незачем было, — сказал Капка, — он был свой... Сам все понимал. Ты еще придумать только собрался, а он уже наперед знает.

— И почему это так, что людей, как Арсений Петрович был, раньше всех убивают?.. Эх! — вслух подумал Валерка.

И замолкли мальчишки, вспоминая своего воспитателя, его веселую мудрость, душевную дружбу с ним. Нет его больше на свете, пусть тогда хоть имя ходит по Волге, чтобы отмахивали ему встречные пароходы, чтобы читали с берега надпись на борту и спрашивали, что за человек такой был на свете — Арсений Гай...

Потом потолковали о войне: «Говорят, немцы двинулись на Дон и Волгу... Сколько же везде народу мучается и не спит сейчас, ночью!»

Мальчики снова смолкли в суровом раздумье. Уже

часа три, как не стреляли. Хотелось спать. Кругом было очень тихо. Даже собаки притаились по дворам и не лаяли. Начинало светать. Потянуло сыроватым холодком. Ползучий туман заплывал в окопчик. А когда он растаял, зазябший Капка встал, чтобы размяться, и увидел, что Рима, держа на руках давно уже спавшую Нюшку, сама прикорнула на плече у Сташука. Юнга сидел в одной холщевой матросской рубашке. Фланелькой его была укрыта Рима. Сташук сидел неестественно прямо и напряженно. Не поворачивая головы, поглядывал он одним глазом на Римину макушку с гребенкой, готовой выпасть из спутанных волос, и старался дышать в другую сторону. Капка ревниво нахмурился.

— Ты бы отсел, а я на твое место, — великодушно предложил он. — Чай, уморился так?

— Ничего, пускай... спит она... разбудишь еще, — шопотом ответил Сташук. — Гребешок вот как бы не потерялся, — добавил он еще тише, не решаясь сам тронуть гребешок у спящей.

Капка подобрался к ним и тихонько поправил на голове сестры гребенку.

Вскоре колокола на пристанях ударили отбой. В затоне громко, во весь дух, с шумным облегчением взревел гудок. И сразу стало как будто светлее, словно и солнце дожидалось отбоя, а теперь быстро вылезло из своего укрытия за горизонтом. Пески на Волге стали розовыми, как пастила. На траве, у щели, в которой сидели ребята, радужными искрами загорелись капельки росы. Захлопали калитки. Послышались везде голоса.

— Васька-а-а! — звал кто-то. — Васька-а-а! Вылазь, отбой был!..

Где-то заводили грузовик. Мотор нехотя затарахтел натужно, постреливая — видно, остыл за ночь. Громогласко перекликались петухи. Отбой, отбой!.. Все кругом бурно ожило, светлело, переговаривалось, кукарекало.

Утренний ветер прошелся по реке, ероша сонную гладь воды. Дым над загашенным пожаром в Свищевке был уже не розовым, а бурым.

Валерка, спавший спиной к спине с Тимкой, проснулся:

— Ой, будет мне дома от мамы! — И принялся ожесточенно трясти Тимсона.

Тот вскочил, испуганно оглядываясь вокруг:

— Что? Бомбят? А?.. Отбой?

Рима тоже проснулась, одернула платье, зябко повела плечами и только тут заметила, что укрыта краснофлотской фланелькой. Она подозрительно взглянула на быстро отодвинувшегося Сташука.

— Ну, и я пошел, — сказал юнга, — счастливо вам. Ох, будет мне надрайка от мичмана! Уж пять дневальств — это в лучшем случае.

— Что ж ты раньше не ушел? Побоялся в тревогу итти? — Рима хитренько прищурилась и, сняв с плеч фланельку, протянула ее Сташуку.

Юнга посмотрел на нее со снисходительной укоризной:

— Вот именно что боялся. Оно и заметно.

Он почти вырвал из ее рук фланельку. Натянул на себя, выпустил поверх синий воротник и пошел не оглядываясь.

— Дура ты, Римка, — заметил Капка, — ей-богу, хуже Нюшки! Навязалась сама на плечо к нему, так что и пошевельнуться нельзя, а сама же дразнишься. Вот ему за тебя будет теперь в школе... Знаешь, как он меня тащил сюда, когда бомбить начали!

Рима удивленно глянула на брата, быстро передала ему на руки спящую Нюшку, выбралась из окопчика и побежала через пустырь за Виктором. Юнга шел, крупно шагая, так что разлетались в обе стороны клёши и вились от ветра ленточки за упрямым затылком. По

сухой траве пустыря, отброшенная наискось, неслась за моряком утренняя тень, длинная и узкая, как вымпел. Рима нагнала его и, запыхавшись, окликнула негромко:

— Витя, ты что, обиделся?.. Не серчай!

Он остановился:

— Эх, Рима...

Только рукой махнул.

Глава 22

«АРСЕНИЙ ГАЙ»

Неудачный день выбрал Капка для первого разговора с затонскими ребятами о баркасе. Ремесленники пришли невыспавшиеся, но возбужденные событиями минувшей ночи. Только и разговору было, что о фугасках, зажигалках, зенитках... Все же Капка решил не откладывать дело и потолковал с кем надо в своем цехе, а в обеденный перерыв успел перекинуться словечком с ребятами, работавшими в других цехах. Тут опять едва не вышло столкновение с Ходулей. Он влез в кружок ребят, обступивших Капку на заводском дворе:

— Это еще вопрос, обязанный ли я на этих морячков работать, если, тем более, хорошего от них мало. Только и знают, что насмешничать над нашим же братом.

— Тебя, Дульков, кстати, никто и не просит, — отбрил его Капка. — Участвуют кто желающие добровольно.

— А ты спрашивал меня когда-нибудь, желающий я или не желающий? Ты бы взял да спросил: Дульков, ты имеешь в себе желание за это дело браться? Тогда бы и знал. А то у вас Дульков заранее уже выходит какой-то вроде печальный демон, дух изгнанья.

И он обиженно отошел в сторону.

— Брось ты, Лешка, в самом деле!

— Мне бросать нечего. Ты вот, гляди, Бутырев, сам не прокидайся, если такими подобными ребятами бросаться начнешь. После не подымешь.

Вообще прав был поэт, сказавший: «Тяп да ляп — не построишь корабль». Тысячу раз прав! Не столь уж хитрое дело было сговориться с ребятами и убедить ремесленников, что надо помочь юнгам. Не так уж трудно, в конце концов, было уломать разобиженного Лешку Но когда решительно все, казалось, было обдумано, сотни непредусмотренных трудностей, мелочей и помех стали мешать делу. Простая, скажем, вещь гвоздь, но если нужно, чтобы на обшивке он был медный, а время такое, что и простых, железных нехватает, то за каждым гвоздем набегаешься, со всяким напросишься...

Старый баркас очистили от песка, ракушек и засохшей тины. Крепкий дубовый набор судна был еще хоть куда, только два ребра-шпангоута оказались сломанными. С обшивкой дело было хуже, она сильно пострадала. Надо было местами перешить борт. Тес для этого выхлопотал на лесной пристани сам Виктор Сташук. Много хлопот было с нефтяным двигателем. Он заржавел, в выхлопной трубе застрял дохлый рак, чугунный маховик был расколот, бачок проела окалина. Тут дела было много. Кое-что пришлось отливать заново, отдельные части перетачивать. Работы хватало.

Синегорцы решили сами собрать все навигационное хозяйство для баркаса. Набор сигнальных флагов коллективно, и не без содействия товарища Плотникова, выпросили у клуба водников — флажки висели там без дела, на террасе читальни, ведомственно изображавшей палубный балкон. Посуду для камбуза ребята собрали сами. Правда, с этим были неприятности, и пришлось вернуть в заводскую столовую оловянные ложки, вольно

заимствованные оттуда. Ходуля на этот раз переусердствовал... Зато все кружки и тарелки были честно добыты синегорцами у матерей путем длительных уговоров. Сервиз подобрался несколько пестрый, но под донышком каждой кружки и тарелки был герб синегорцев: над этим потрудились немало Тимсон и Валерка. Кира Степушкин, бывший, как известно, лучшим искателем металлолома, подобрал где-то маховичок, как раз такой, какой требовался баркасу. Кроме того, он притащил старый, охрипший клаксон от грузовика. Коля Марченко принес пластинки «Раскинулось море широко» и «Прощай, любимый город». Хотя патефоном еще не обзавелись, но начало делу было положено. Веня Кунц выхлопотал у отца в больнице маленькую походную аптечку. Юра Плотников оснастил корабль шахматами. Каждый старался участвовать, как мог, в строительстве корабля. А когда потребовались занавески на четыре окна в маленькой каютке баркаса, пришлось обратиться к помощи Римы, и она сшила премилые гардинки.

Валерка был немножко разочарован в своих цветистых мечтах: начальник школы, последнее время очень торопивший ребят, приказал, чтобы окраску баркаса дали защитную, как того требовало военное время.

Борт и каюту баркаса юнги замалевали сизой шаровой краской — так теперь красили все пароходы на Волге: этот цвет помогал судам оставаться незамеченными с воздуха.

Дело подвигалось очень медленно. Уже давно перестали годиться на свистки пожухшие, ставшие ломкими, словно испеченные солнцем, стручки акации. Уже привезли на дощаниках из близкой Дубовки тяжелые дыни-скороспелки с зеленой сетчатой кожей, похожей на крокодилову. Плоты пришли с далеких верховьев Волги — огромные пловучие поля из душистых бревен, связанных цепями в четыре яруса, с домиками и мост-

ками. Плотогоны рассказывали, как отбивались они от самолетов, как горели плоты, попавшие в пылающие струи Волги, когда на поверхности воды растекался и плыл горящий мазут из взорванной нефтянки. Близилась осень. Дул горячий суховей из прикаспийских пустынь, а с Дона дымный ветер войны гнал все ближе к Волге неслыханное и грозное бедствие: на пристанях и на базаре поговаривали, что, пожалуй, немца до Волги не остановить.

И в эти уже тревожные дни ремесленники и юнги приготовили баркас к спуску. Накладными буквами из латуни вывели название на обоих бортах: «Арсений Гай». И на скулах носа прибили по маленькому гербу синегорцев. Не всем был понятен этот знак, но так хорошо поработали друзья Капки Бутырева, что строгие балтийские юнги не стали спорить: штучка медная, красивая, пусть блестит себе.

Наконец все было готово. Начальник школы, теперь ежедневно бывавший на заводском дворе, где стоял на стапелечках и салазках баркас, разрешил спускать корабль на воду.

В маленькой каютке на стенке около барометра повесили портрет Арсения Петровича Гая в военной форме.

На спуск обещал приехать сам товарищ Плотников. Но что-то задержало его. Начальник решил не ждать и приказал готовиться к спуску. Гирлянда разноцветных, пестрых, как на елке, сигнальных флажков протянулась от носа и кормы баркаса к высокой мачте. На гафеле мачты подняли флаг военно-морских сил Советского Союза.

Баркас покоился на катках, выложенных по отлогому склону берега. Все, что могло блестеть на баркасе, было начищено и яростно сверкало на солнце. Ветер пробегал по флажкам, как по клавишам. На мостках у берега усердствовал духовой оркестр школы юнгов.

Рьяно рявкал огромный басистый геликон, едва не удавивший в своих медных кольцах коротышку-трубача, красного от натуги. На медных тарелках барабана, вспыхнув, лязгали расплюснутые солнечные блики. Других инструментов слышно уже не было

На палубе баркаса вдоль протянутого леера выстроились пятеро юнгов, первыми справа — Сташук и Палихин. Начальник школы легко, не держась руками, взошел по трапику, приставленному почти отвесно к борту; он поискал глазами среди ремесленников Капку, зна́ком подозвал к себе и, нагнувшись через поручни, пригласил взойти на борт. Капка вскарабкался на палубу. Начальник поднял руку. Оркестр замолк. Все приготовились слушать. Но никто не ожидал, что капитан первого ранга Иванов-Тарпанов так странно начнет свою речь:

— Кто из вас, друзья, слышал такое слово: батрахомиомахия?..

Начальник лукаво оглядел собравшихся. Все молчали. Никто не знал такого слова. Даже Валерка, и тот его никогда не слышал.

— Слово трудное и длинное, — продолжал начальник, — и означает оно по-гречески: война мышей и лягушек. Учил я когда-то в старой гимназии греческий язык и даже двойку получил за это самое слово. А уж за что тебя в детстве выдерут или пару влепят, это никогда не забудется... Почему же я вспомнил это слово именно сегодня? А потому, друзья, что вот и у нас сперва была тут этакая батрахомиомахия, не в обиду вам будь сказано. Ну, кто из вас сухопутных мышей изображал, кто земноводных лягушек — это вы сами разбирайтесь. Только о подвигах ваших ратных я был наслышан. И скажу вам со всей откровенностью: не по себе мне было, когда видел я, что в такое неописуемое время, в такую тугую пору идет какая-то глупая

мышиная возня и болотная кувырколлегия между такими славными ребятами.

Он говорил о новой дружбе, которая свела вместе затонских ребят с юнгами, поблагодарил за помощь ремесленников. Юнги, став «смирно», слушали начальника; ловили каждое слово моряка затонские. И все посматривали на маленький корабль, блестевший металлическими частями на солнце, пахнувший свежей краской, готовый вот-вот соскользнуть с катков на воду. Начальник подошел к поручням и обеими руками бережно, как венок, снял спасательный круг, на котором большими буквами было написано: «Арсений Гай».

— Помянем, друзья, благодарным словом этого человека. Верно, смелое и доброе сердце у него было. Каких надежных работников воспитал! Недаром некоторые из них прозвали себя синегорцами. «Отвага, Верность, Труд, Победа» — вот их боевой девиз. Пусть это вначале пионерская игра была, пусть была сперва только сказка, тихая думка у костра, ничего в том плохого не вижу. В ясной голове возникла, из хорошего сердца выросла и, глядите сами, в славном деле пригодилась. Пусть же теперь плавает по Волге наш малый корабль береговой обороны, учебное судно «Арсений Гай». Вечная слава ему, друзья...

Потом все встали на места. Начальник дал команду. Из-под баркаса выбили колышки, удерживавшие его; заскрипел, сматываясь с ворота лебедки, трос. И салазки, на которых стоял баркас, заскользили по каткам к воде. Юнги, не шелохнувшись, стояли на наклонной палубе. И с ними в одном ряду стоял Капка Бутырев. Оркестр грянул марш, юнги и ремесленники прокричали «ура», баркас съехал кормой вперед с берега, вспенил воду, погнал кругами небольшую волну, выровнялся и поплыл, слегка покачиваясь.

Вот она, минута, которой так долго ждали и ремес-

10*

ленники, и юнги, и синегорцы. Вода успокоилась, и нарядное отражение маленького корабля опрокинулось в глубину, как в зеркале.

Чу-бух, чу-бух, чу-бух! — старательно забубнил двигатель. Катали ремесленников, юнгов и гостей. Баркас, отлично слушаясь руля, делал круг по затону и плавно подходил к мосткам, высаживая гостей и принимая новых пассажиров. После катанья по затону «Арсений Гай» должен был совершить испытательный рейс по открытой Волге и затем зайти на островок. Мичман Пашков, Сташук, Палихин и почетные гости — мастер Корней Павлович с Капкой — заняли свои места на корабле. С берега на них умоляюще глядели Валерка и Тимсон. И столько надежды было в их глазах, что мичман в последнюю минуту, когда уже отдали чалки, разрешил им обоим участвовать в плавании.

— Сходни прими! — крикнул Корней Павлович.

— Трап убрать! — сейчас же поправил его мичман.

Под палубой затопотал двигатель, запахло кислым угарцем, винт взбурлил воду, и «Арсений Гай» отвалил от мостков. Он плыл по затону, а его сопровождала целая флотилия лодок, украшенных зелеными ветвями, как на троицын день. Лодки назывались «Чайка», «Вера», «Волна». На одной лодке ехал оркестр. И «Арсений Гай» шел во главе этой флотилии, как флагманский корабль.

Вышли на коренную, как называли ходовое русло Волги. Свежий верховой ветер вольно гулял здесь по всему простору. Зажурчали вдоль скул баркаса волны. Дрогнула, гудя, мачта, ветер ударил в снасти. Слегка качало. Сверху показался огромный теплоход, у трубы его вздулся белый комочек пара, и ветер донес солидный гудок. Потом с левого борта теплохода замелькал белый флажок, и Валерка с восторгом видел, как сбывается его мечта: большой волжский пароход отмахивал

«Арсению Гаю», как полагается при встрече с судном, сто́ящим внимания...

Мичман дал Валерке флажок для отмашки, и, весь красный от волнения, Валерка отмахнул теплоходу налево, давая ему знак, что «Арсений Гай» согласен разойтись левым бортом.

Лодки поотстали и вернулись в затон. А баркас, сделав круг по Волге, повернул обратно к острову Товарищества. Вода в проране уже сильно спа́ла. Можно было пристать лишь в заливчике, далеко от пещеры, да и то осторожно промеривая глубину длинным полосатым шестом-наметкой.

«Арсений Гай» зашел в небольшую бухточку, где, как объяснил Корней Павлович, была суводь и вода медленно кружилась на одном месте, как в котелке. Здесь бросили якорь и стали сходить на берег. На острове Товарищества гостей уже поджидали пионеры-синегорцы, переплывшие сюда на лодках. И Валерка повел всех по заветному острову.

Все было показано гостям — и залив Вьюнка, и небольшая возвышенность, носившая громкое название Лазоревых Гор, и мыс Радуги, и пик Стрелы, и тропинка Трех Мастеров, и, наконец, сама пещера Большого Костра.

Гостей пригласили сесть за Круглый Стол. У входа в пещеру разожгли костер, синегорцы спели свою песню «Вперед, нас Родина зовет...»

— Ну, Валерка, ты обещал рассказать, — попросил Сташук.

Валерка поднялся, с некоторым смущением покосился на мастера Корнея Павловича, на седоусого мичмана. Но и мичман и мастер с доброжелательным интересом приготовились слушать рассказ. За кустами у берега качалась мачта «Арсения Гая», играли в ветре цветные флажки. Валерка начал свой рассказ о Синегории, о

Трех Мастеров и о борьбе их с жадными Ветрами. Все слушали с большим вниманием. Изредка мастер Корней Павлович отпускал замечание:

— Вон что сделали...

— Да, оборот получается серьезный, — вставлял свое слово мичман.

— Ты дальше, дальше рассказывай! — нетерпеливо кричали юнги.

И Валерка, окинув торжествующим взглядом гостей, продолжал свой рассказ...

Вдруг на «Арсении Гае» громко загудел автомобильный сигнал. Все вскочили и побежали к берегу. Дежурный юнга, оставшийся сторожить корабль, доложил мичману, что с берега затона что-то «пишут» флажками. Юнги привычным глазом быстро разобрали сигнал. С берега семафорили, чтобы «Арсений Гай» немедленно возвращался.

Запустили двигатель, стали выбирать якорь, но тут хватились, что нигде нет Тимки. Мальчики обшарили все кусты и пещеры, но как ни кричали они, как ни вызывали пропавшего, никто не откликался, словно ветер унес Тимсона. Делать было нечего — с берега настойчиво торопили, и юнга, стоявший там на мостках, нетерпеливо сигналил флажками. Пришлось итти без Тимсона. Несколько ребят остались на островке, чтобы потом доставить Тимку домой на лодке.

Все были не на шутку обеспокоены.

Кораблик был уже на середине прораны, когда из пожарного рундука на корме показалась сонная голова Тимки. Его, оказывается, слегка укачало на коренной, он забрался в рундук, заснул там и даже не слышал, как останавливался и отчаливал баркас...

На берегу затона ждало много народу. Тут был и сам товарищ Плотников, и начальник школы, и еще какие-то незнакомые военные. Высокий, загорелый

Последний раз сверкнув на солнце гербом синегорцев «Арсений Гай» ушел за Лазоревые Горы.

дочерна, с тремя боевыми орденами на кителе, внимательно оглядел баркас:

— Каков ход?

— Ход небольшой, — отвечал начальник. — Узлов девять даст — и хватит.

— Набор весь деревянный?.. Добро́! А осадка? Ну что ж, я считаю, годится. Забираем.

Ребята ушам своим не верили. Ничего не понимая, они вслушивались в разговор с начальником. Только Сташук жадными глазами, казалось, ел загорелого моряка. Тот подошел к мичману Пашкову:

— Здоров, Пашков. Твои орлы? — Он мотнул головой в сторону юнгов.

— Мои. А это местные.

— Ну, добро́, — сказал моряк. — Так вот что... придется вам на время распрощаться с этой посудинкой.

— Почему такое?

— А потому такое, что немцы Волгу минируют. На фарватере с воздуха ставят. У Песковатки вчера баржа подорвалась. Тралить надо, а тральщиков нет. Весь малый флот для этой надобности мобилизуем.

Юнги, помня дисциплину, стояли молча поодаль. Только на лицах у них сквозили и зависть и смятение. А ремесленники, народ повольнее, те зашумели, придвинулись, обступили.

— Браточки, спокойненько. К чему аврал? — обратился к ним загорелый моряк. — Вопрос ясный. Как на блюдечке. Судно подходящее, деревянное: мину не притянет. В самый раз нам. Значит, берем. И весь разговор. Надо же понимать. Не игрушка. Нужное дело. Смеетесь — война!

Ошеломленный Валерка с надеждой посмотрел на Плотникова, потом на начальника, затем на Капку и снова на Плотникова. Но все молчали. И Валерка понял, что дело решено. Игра кончилась. На Волгу пришла

война. «Нет, — сам себе ответил Валерка, — нет, все злые ветры не устрашат потомков Великих Мастеров. Верные синегорцы высылают навстречу ветрам свой боевой корабль. Все продолжается. Вперед, синегорцы!»

А коренастые краснофлотцы уже хозяйничали на баркасе, сновали по палубе, размечали место для зенитного пулемета, заглядывали в машинный трюм.

— Кораблик дай боже! — похвалил загорелый моряк. — Молодцы, ребята! Подходяще сообразили. Флотское вам спасибочко. Не горюй, браточки. Подымай нос до места! Гляди веселей! Гордиться надо, что такая подмога от вас флоту.

Тем временем Сташук уже просился у начальника, чтоб ему разрешили остаться в экипаже баркаса, но начальник приказал Сташуку оставаться на берегу...

И через четверть часа юнги и ремесленники, сгрудившись на мостках, махали фуражками и бескозырками вслед баркасу, который покидал затон и выходил из прораны, огибая мысок Радуги на острове Товарищества. Кто-то, вероятно смуглый моряк, махал рукой ребятам с кормы баркаса. Круто взяв на перевал, последний раз сверкнув на солнце гербом синегорцев, ушел за Лазоревые Горы на коренную Волгу минный тральщик боевой волжской флотилии «Арсений Гай».

Глава 23

ЗАРЕВО НАД ВОЛГОЙ

Немцы шли через степь. Танки их неудержимой панцырной лавиной катились к Волге. Затонск заполнили толпы запыленных, измученных бессонницей и тяжкой дорóгой людей. Шли в Заволжье обозы беженцев, везли раненых. Их переправляли с правого берега на лодках,

на плотах и паромах. Угрюмый огонь горел в глазах людей. И были они странно молчаливы. Часами, не разжимая спекшихся губ, сидели они на берегу, безучастно глядя в уже обмелевшую у города Волгу с обнажившимися перекатами. А ветер, дувший из-за реки, уже отзывался запахом гари и пороха. И даль за Волгой была мутна от пыли или дыма.

Вокруг города возводили укрепления, рыли окопы, вколачивали противотанковые надолбы. Ставили тяжелые ежи из рельсов.

Синегорцы великодушно предоставили юнгам свой заветный остров Товарищества, и там юнги отрыли учебные противотанковые окопы, провели соединительные ходы сообщения. И часто туда к известковым берегам причаливали лодки, высаживая на островок юнгов и сдружившихся с ними ремесленников, а также Валерку и Тимку, без которых ни одно дело не могло обойтись.

Балтийские юнги узнали язык волгарей, и Виктор Сташук щеголял теперь волжскими словечками: слаба́я чалка, суводь, ходова́, дурная вода, не маячит...

Все чаще и чаще выла по ночам сирена воздушной тревоги. Синегорцы не раз помогали затонским и юнгам тушить пожары.

— Обязаны мы ребятам, очень обязаны, — говорили потом в Затоне.

Часто в Затон приезжал товарищ Плотников. У него были красные от бессонницы глаза, щеки глубоко запали от нечеловеческого переутомления, а широкие плечи стали острыми, как у кавказской бурки. Но, завидев Капку, он издали протягивал ему большую руку:

— Ну, как делишки? Хвалят кругом вас. Все собраться никак не могу историю вашу дослушать.

Но вот за Волгой, в том месте, где когда-то сочился

серебряный свет живых огней, небо налилось зловещим, словно адовым заревом. Молча стояли на берегу затонские. Все поняли, что это горит за Волгой славный город степняков и волгарей, город великого имени. Когда-то его далекие огни маячили за Волгой и веселили ночь; на всем в Затонске заметен был свет великого соседа. Так и теперь все вокруг залило тревожным, тяжелым огнем его беды. Немцы прорвались к его стенам. Тяжко гудела вся округа. Кровавый дым и днем застилал горизонт, за которым разверзлось пекло огромного сражения. Ревущие столбы взрывов поднимались из реки. Немцы по ночам минировали Волгу. Подрывались на минах пароходы и баржи.

Городок пустел. Из Затонска эвакуировали детей. Уезжали все, кто не был нужен для работы городка. Пришла очередь ехать и Риме с Нюшей.

Лил дождь в этот день. Пронзительный ветер шумел в мокрых ветвях школьного сада. Потемнел сырой песок на отмелях, и Волга была пустынная, бурая, в беляках. Капка и Сташук пришли к исполкому, таща узлы с нехитрым имуществом. Рима, бледная, в драповом пальто, перешитом из материнского, держала за руку укутанную в шаль Нюшку. Пришли, конечно, и Валерка с Тимкой. Валерка подарил на прощанье Риме маленький карманный компас, когда-то вымененный им на марки.

— Возьми, может пригодится, мало ли что, — сказал он великодушно, — и помни, главное, одно: что мы от тебя будем на юго-запад. Разберешься?

— Спасибо, — сказала Рима, рассматривая компас, и тут же дала его Нюшке: — Смотри, Нюшенька, какие часики хорошенькие!

— Давай по машинам! — закричали шоферы.

Капка взял из рук сестры Нюшку, отодвинул шаль на ее щеке, поцеловал и поднял на грузовик.

— А Рима? — забеспокоилась Нюшка и собралась зареветь.

— Сейчас, сейчас я, — сказала Рима. — Ну, прощай, Капа, смотри тут... — Она всхлипнула.

Капка неловко, как-то боком, поцеловал ее в щеку.

— Ты там сама смотри за Нюшкой, — пробормотал он, лишь бы что-нибудь сказать.

— Ну, счастливо оставаться... Витя, прощай, — сказала Рима, протягивая руку Сташуку.

— Счастливо и тебе, — проговорил Виктор и долго не отпускал руку Римы, а она не решалась высвободить ее. — Пиши смотри, — добавил он.

— И ты смотри пиши, — сказала она и еще раз крепко и медленно сжала его руку.

Тут появился вдруг Лешка Ходуля. Он давно уже стоял в отдалении, не решаясь подойти, а теперь приблизился, долговязый, смущенный.

— Покидаете? — заговорил он. — Выхожу один я на дорогу... Едете, значит.

Он замялся, поглядел на Капку и Сташука, вздохнул, полез в карман и вынул оттуда маленькую медную зажигалку.

— Может, возьмешь на память? — сказал он, протягивая зажигалку Риме. — Пригодится вещичка. Знаешь, как без огня в дороге... Ты бери, бери, не думай...

Рима с опаской посмотрела на брата, неловко глянула на Сташука, но моряк и Капка снисходительно улыбались.

— Бери, — разрешил Капка.

И Ходуля понял, что он прощен. Потом Рима, ухватившись за борт грузовика, ступила на толстую шину. Виктор поддержал ее за локоть, и она влезла на машину. Капка вспрыгнул за ней, разобрал вещи, усадил Нюшу, поправил на ней шаль, нахмурился и соскочил. Машины зарычали, тронулись. Что-то кричали с грузо-

виков ребята, оставшиеся медленно махали руками вслед. Послышались напутствия и обещания, последние утешения и приветы. Машины, расплескав лужи, скрылись за поворотом. Около исполкома сразу стало очень тихо и пустынно.

— Вот и покатили, — сказал Капка. Он попробовал посвистеть, но губы не послушались, и ничего не вышло. — Теперь в общежитие перейду, чего ж дома-то одному...

— А нас, я слыхал, совсем куда-то перевести хотят, — проговорил Виктор. — А я прошу, чтобы на волжскую флотилию меня. Там наши балтийцы... говорят...

— Да, и об нас разговор ходит, что переведут... Все ж таки, понимаешь, резервы мы, как-никак. Берегут.

Холодный, пропахший серным дымом ветер дул из-за Волги. Темно. И злое подрагивающее зарево уже проступило, тлело и разгоралось за рекой. Тяжелый слитный грохот огромной битвы день и ночь плыл оттуда. И к этому неумолчному грому боя прислушивались не только в Затонске — весь мир сейчас с тревогой внимал реву этой страшной битвы и следил за свирепым заревом над Волгой.

Глава 24
ОСТРОВ ТОВАРИЩЕСТВА

Шли недели, день сменял день, но никто не сменял защитников Волги, которые отбивались от немцев там, на правом берегу, в развалинах сожженного, но не сдающегося города. Не смолкал за Волгой громоподобный рокот великого сражения, и зарево над рекой иногда так раскаляло небо, что в Затонске было светло по ночам.

И вот наступил памятный для городка октябрьский

день, хмурый, туманный, с мокрым и резким ветром, который дул с верховья Волги. Нехотя занималось холодное, позднее утро. Было еще темновато, когда Капка шел по берегу: он был послан в другой конец Затона с делом — отнести инструменты. Вдруг он увидел, что от берега по большому пустырю бегут к нему навстречу двое. Через минуту Капка узнал в них Тимсона и Валерку.

— Капка!.. — зашептал, весь трясясь, задыхаясь, Валерка. — Мы хотели на лодке... а там... у нас там...

Одной рукой он схватил Капку за шинель, другой показывал в сторону Волги. Он не мог говорить от волнения. И впервые за него должен был сказать Тимсон.

— На нашем острове народ какой-то, — сказал он с непривычной для него торопливостью. — Кто их знает, кто! Понимаешь?

Капка бросился к берегу прораны. Тимка, отдуваясь, бежал за ним. Валерка немножко отстал. Они выбежали на берег, и Капка велел спрятаться за разбитую купальню, давно уже стоявшую на мели и загрязшую в мокром песке. Он осторожно выглянул и через неширокий пролив разглядел на островке каких-то странных людей. Казалось, что залив Вьюнка кишит ими. Они сновали в кустах по берегу, быстро собирали что-то большое, пятнистое, матерчатое и спешно тянули какие-то веревки. На людях были темнозеленые комбинезоны и шлемы. Они очень торопились, это было заметно даже издали. Капка замер, чувствуя, как по затылку от фуражки вниз по спине его щекотнул неприятный холодок. Он вспомнил, что несколько минут назад слышал шум мотора в тумане, но самолета не видел, хотя, судя по звуку, он прошел совсем низко. Сперва Капка подумал, что, может быть, это наши летчики прыгнули на парашютах с подбитого самолета. Воздушные бои то и дело

разыгрывались над городом и были тут уже не в диковинку. Но Капка ясно разглядел, что люди на острове Товарищества что-то роют на берегу, подтаскивая пулеметы, спускают на воду резиновые лодки и, судя по всему, собираются перебираться на другой берег затона. Секунду Капка стоял в нерешительности, потом кинулся к товарищам:

— Быстро давайте, ребята... Это немцы... Сообщить надо! Бегите!

— А ты сам? — спросил, дрожа от возбуждения, Валерка.

— Я к флотским побежал... Их тоже надо...

Валерка и Тимсон, сгибаясь за опрокинутыми лодками, а где надо — на четвереньках, бросились к небольшой казарме, в которой была размещена рота ополченцев, охраняющих Затон. Валерка оглянулся, приподнял голову, чтобы посмотреть, где же Капка, но его уже нигде не было.

Через минуту ополченцы высыпали на берег, залегли за камнями и лодками, открыли огонь. Но немецкие парашютисты на резиновых лодках уже подплывали к берегу, соскакивали с них и по грудь в воде бежали к городку. Забили пулеметы с островка. По всему берегу захлопали выстрелы. На пристанях часто, набатом, забили колокола. Закричал буксир. Далеко в Затоне залился громкий тревожный гудок Судоремонтного. Завод звал на помощь, завод трубил не умолкая, и Капка издали слышал голос своего завода. «Сейчас, сейчас! — твердил про себя Капка, увязая в мокром песке. — Сейчас... Погоди, поможем!»

И когда гудок в Затоне вдруг замолк, Капка на мгновение даже остановился, но потом снова бросился к переезду.

Ополченцы отстреливались, заняв оборону вдоль берега. Несколько немцев, не добежав до берега, сва-

лились в воду; они лежали на мелком месте, и над поверхностью видны были их темнозеленые комбинезоны. Но другие уже добрались до берега, засели в овражке, промытом сточными водами. Пулеметы с островка слали очередь за очередью. Одна лодка доплыла до берега пониже овражка, парашютисты выскочили, залегли, а потом короткими перебежками стали обходить ополченцев. Защитники Затона должны были податься назад. Положение их ухудшалось с каждой минутой. Их могли окружить, так как овражек, в котором засели немцы, глубоко врезался в берег и огибал защитников с тыла. Пулеметы немцев простреливали всю местность. Пули неслись над железнодорожным переездом, где когда-то встретились впервые юнги с ремесленниками. Немцы обстреливали всю линию, боясь, что из-за полотна железной дороги может ударить на них какая-нибудь засада. Немцы вели так называемый отсечный огонь на случай, если оттуда, из-за переезда, появится подкрепление защитникам Затона.

Но что это там за маленькая фигурка в шинели с подоткнутыми под пояс полями ползет через переезд?..

Пули взвизгивают над ним, цокают о рельсы, а мальчик все ползет и ползет. Это наш Капка Бутырев спешит пробраться под огнем через железнодорожное полотно и сообщить юнгам об опасности.

Звиг-звиг-звиг-звиг!!! — у самой головы его звонко лязгнули о рельсы пули из немецкого автомата. Капка припал к земле, полежал минутку, осторожно пополз дальше. И вот он уже во дворе школы, где собравшиеся юнги беспокойно прислушиваются к близкой пальбе. И, задыхаясь, грязный, весь в глине, кричит на них Капка:

— Чего стоите, флотские? Немцы на остров десант скинули, к нашему заводу уже подходят!

Сташук крепко взял его обеими руками за отвороты шинели:

— Стой! Ты говори толком, не части... Ну! По порядку!

— Сейчас... — Капка задыхался. — Сейчас!.. Я по порядку! Стой, отдышусь. Бежал очень быстро... Немцы там, за переездом, овраг заняли, за пристанями... А наши по берегу укрепились... Ополченцы. Им там трудно очень. Немцев много. Слышишь, Витя? Помочь надо! А то прорвутся немцы, они с острова бьют...

Юнги обступили их со всех сторон, сгрудились вокруг, настороженно прислушиваясь.

— А ты как сюда пробрался? — спросил Сташук.

— Я ползком. Меня два раза вот настолько пуля не задела. Витя, скорее надо! А то наших там мало осталось.

— Полундра! — закричал Сташук. — Свистать всех! Где Антон Федорович?

Как на грех, сам начальник школы в тот день уехал, чтобы выяснить, что слышно о переводе юнгов на другое место. Мичман пытался созвониться с городом по телефону, но связь была уже нарушена.

— Давай ключи, разбирай оружие! — командовал тем временем Сташук.

Пока Антон Федорович, хрипя, бился над телефоном, крепко ругался в трубку и наконец в бессилии бросил ее на стол, юнги уже выстроились во дворе, разобрав оружие, которое имелось в школе. Капка подошел к Сташуку:

— Витя, возьми меня, я тоже!

— Да пошел ты!.. Игрушки, что ли, это? Это тебе не кино и не синегорцы ваши! Жизнь надоела?

— А тебе что, надоела?

Сташук строго глянул на него и резко отвернулся, пожав плечами:

— Уж моя такая обязанность, я моряк, военный юнга.

— Ну, а я пехотный юнга буду! — со страстным убеждением настаивал Капка. — Все равно, Витя, возьми, а, Витя! Дай мне гранаты. Я ведь почище тебя бросаю. Витя, а? Я вот фуражку сейчас задом наперед надену, вот так, козырьком наоборот, и тоже буду на манер моряка. Заодно с вами. Витя, возьми, а то сам пойду. — Он сжал кулаки и, едва не плача, наступал на Сташука. — Не имеешь ты права меня не брать! Слышишь, Витька! Это не по справедливости. Я к вам через бой пробрался, а вы меня не принимаете. И я тут всю местность знаю. Я вам такую тропочку покажу... Витька, возьми...

— Да ладно, отвяжись только.

Юнги с винтовками, гранатами уже выбегали со двора школы. Мичман нагнал ребят.

— Антон Федорович, слышали, какое дело? — крикнул, не останавливаясь, Сташук.

— Слышал я, слышал, Сташук. Что это за порядок? Кто приказал? Где разрешение? Слушай мою команду. Рота, стой!

Юнги остановились.

— Сперва надо разведать расположение противника, а что же так дуром на пулю лезть? Учили, кажется, вас.

— Антон Федорович, — обратился к нему Сташук, — разрешите. Вот Капка все уже разведал.

— Капка? Это что за такой Капка?.. Ах, это ты будешь! Знакомый. Ты чего такое говоришь? Быстро!

— Они вон там, в овражке в том, за переездом. А пулемет у них на острове нашем, — заторопился Капка. — Товарищ командир, я вам чего скажу, слушайте... Тут можно за пригорком через кусточки на берег выйти, а оттуда незаметно совсем будет для немцев. А там

как раз у прораны поворот делается. И мелко сейчас совсем. Я там каждое место знаю. Я покажу, где... Мы на остров и выберемся. У немцев сзади... А немцы ведь думают, что это правда остров, они думают, к ним и не добраться, а там в проране мелко, я покажу.

Мичман на секунду задумался, обернувшись к Волге, покусал усы, потом, видимо, одобрил план.

— Значит, тихо, — приказал мичман. — Чтоб молчок, чтоб ни звука. Ударим с тыла. Гранаты чтоб в готовности были. И сразу по моей команде. А до этого чтоб ни-ни! Ясно?

Капка вывел юнгов через кусты на берег прораны там, где рукав реки делал крутой поворот.

— Вот тут мелко совсем, мне по грудь, а вам уж и вовсе хорошо будет, — звал Капка, первым зайдя в нестерпимо холодную воду у берега.

Издалека продолжала доноситься частая стрельба, судорожный стрёкот пулемета. Потревоженные птицы носились над островком.

Юнги сбросили шинели, оставили их под кустами, завернули выше колен клёши, разулись и, высоко держа гранаты и винтовки, вошли в воду. Она была по-октябрьски студена и обожгла сперва, а потом тело немножко свыклось, и вода не казалась уж такой ледяной.

Капка был прав. Вода на отмели была юнгам не выше пояса. Но сам маленький проводник погрузился уже почти по самую грудь. Тогда Сташук и Палихин подхватили его с двух сторон подмышки и, приподняв, перенесли через глубокое место. Они быстро выбрались на берег островка. Немцы были на другой его стороне, за поворотом, и никак не могли ждать нападения отсюда: остров казался целиком отрезанным от левого берега Волги.

Юнги залегли цепью и поползли. Холодный ветер

сипел в оголенных кустах. Сыпалась изморось. Сухая, выгоревшая за лето трава была холодна и мокра. С прутьев ивняка срывались отяжелевшие капли. Дрожь пробирала юнгов, вымокших при переходе вброд прораны. Рядом с мичманом, у левого плеча его, полз гибкий, изворотливый Сташук, а справа сосредоточенно пыхтел маленький Капка Бутырев. Он для чего-то надел черные суконные наушники, которые носил иногда зимой, в холодные дни, и перевернул фуражку задом наперед, так что она смахивала теперь на бескозырку. Оттого, что они ползли, прижимаясь к земле, мир казался им очень высоким, деревья, кусты, былинки и самое небо — все ушло далеко вверх.

— Ну как, ручок, не страшно? — тихо спросил Сташук.

— Пока еще не страшно совсем, — шопотом ответил Капка, — а так только, боязно чуток.

— Разговорчики! — зашипел на них мичман.

Они ползли, и все громче отдавался в ушах частый стук близких пулеметов, и низко посвистывали пули. Учебный ров, вырытый недавно юнгами, был совсем уже рядом, за кустами. Во рву и сидели немцы, живые немцы, немцы, обстреливавшие с островка затон. Юнги бесшумно подползали.

— Передать по цепи. Слушать мою команду, — шопотом приказал мичман. — Товь-сь! Встали... За мной!

Сташук пронзительно засвистел в два пальца и швырнул гранату. Капка бросил свою. Крики «ура», «бей немчуру», «балтийцы, вперед!» слились с трескучим грохотом разрывов, с беспорядочным щелканьем выстрелов.

Капка почувствовал, что какая-то сила увлекает его вперед и он летит в ров.

Глава 25

ПОД ЗЕМЛЕЙ

Немцы, должно быть, не сразу поняли, что случилось, когда на них с тылу в упор, слепя, кроя огнем и грохотом, посыпались в ров гранаты и откуда-то сзади, где за минуту до этого никого не было, с гиканьем, визгом и свистом какие-то разъяренные дьяволята свалились на головы и на плечи парашютистов. Немцы не сразу смогли отстреливаться. Гранаты оглушили их, неожиданность сбила с толку. Стесненные узким пространством рва, десантники пытались выкарабкаться из него, но цепкие мальчишки повисали на ногах, стаскивали немцев обратно, душили, прыгали с налету, кололи штыками, матросскими ножами — бебутами. Немцы пустили в ход тесаки. Свирепая резня закипела на дне рва. И дальше было уже трудно разобрать что-нибудь в общей кромешной свалке. Капка, падая, видел только, как несколько юнгов ничком свалились на дно траншеи. Их давили, топтали пудовые ботинки с толстыми подошвами, обитыми шипами. Потом Капка увидел около себя Сережу Палихина. Он обливался кровью. Вот Палихин свалился, но оперся сперва на одно колено, потом подтянулся, встал и опять бросился на немцев, ухватив обеими руками дуло автомата у одного из парашютистов. Капку притиснули к сырому глинистому откосу рва. Он был здесь самый маленький, рукопашная бушевала над ним. Капке видны были главным образом ноги сражающихся. Он видел мокрые клёши юнгов и кованые бутсы парашютистов, топтавшиеся в неистовой толчее, месившие глину, оступавшиеся. И он делал что мог: хватал, царапал, дергал, валил эти зеленые слоновьи ноги в огромных бутсах... Он пытался кинуться на помощь Палихину, но увидел, как высокий немец ударил смаху прикладом автомата юнгу по голове и тот упал

навзничь. В ту же минуту сзади на немца кинулся Сташук.

— А, фашисюк, жаба, получай! Так, добро́! Капка, держи его там снизу!

Капка что было силы рванул немца за ногу. Немец поскользнулся, и Сташук ударил его сзади бебутом под лопатку. Немец тяжело осел и кулем перевалился через Капку на дно рва. Капка весь съежился от омерзения и выбрался из-под тяжелого тела. С немцами во рву было покончено. И в это время из-за железнодорожной насыпи у затона ударили через прорану автоматы и пулеметы. Это прибыло первое подкрепление. Красноармейцы вместе с ополченцами бежали к берегу затона. Уже наплывало, становясь все громче и яростнее, протяжное «ура».

И вдруг сбилось, замолкло... Откуда-то сбоку длинными и частыми очередями забил с островка немецкий пулемет. Это один из парашютистов засел в маленьком блиндаже-пещерке по ту сторону рва, ближе к берегу острова. Юнги видели, как красноармейцы, пытавшиеся пробиться к берегу, падали, сраженные пулями. Добраться до пулеметчика было невозможно: он вел круговой обстрел, нельзя было высунуть голову из рва. И тут Витя Сташук вдруг вспомнил:

— Стой, ребята! Помните, мы когда практические занятия вели, в том конце рва подземный ход сообщения начали рыть для соединения с пещерой. Айда туда!

Они, сгибаясь, пробежали по дну рва в конец, где был подземный ход. Тесная лазейка полуосыпалась и зияла зловещей чернотой.

— Ну-ка, дай-ка я!.. Разрешите, товарищ мичман?

Но как ни прилаживался Сташук, широкие плечи его не проходили в полуосыпавшуюся лазейку. Он вылез, приподнялся, стряхнул землю и вопросительно посмотрел на Капку Бутырева.

— Эх, кабы ты моряком был, а, Капитон?..

— Это туда подлезть-то? А?

Капка заглянул в ход. Казалось, злой, черный ветер дул оттуда: сквозило сырым, могильным холодом. Капка помедлил немножко. Тоскливый озноб пробрал его разгоряченное тело. Лицо Арсения Петровича Гая проплыло у него перед глазами. Арсений Петрович надеялся на Капку, и синегорец Капка не мог подвести его. Капка молча сбросил шинель, взял в зубы нож, а в руку гранату, кивнул на прощанье Сташуку и решительно ввинтил свое маленькое тело в подкоп.

...Немецкий пулеметчик внимательно проглядывал из своего земляного гнезда весь противоположный берег затона. Берег отлично простреливался. Это был опытный парашютист. Он видал многие виды и в воздухе и на земле. Сперва он был спокоен. Все шло, как надо. Но что-то непонятное внезапно произошло сзади него во рву. Оттуда слышались выстрелы, вопли, взрывы гранат. Потом все стихло. Это на́чало его очень тревожить. Тащить туда на подмогу свой пулемет он не решался. Но меньше всего он думал, что опасность грозит ему из-под земли.

В это время красноармейцы и ополченцы опять бросились к берегу затона. Парашютист устроился поудобнее, оперся спиной о край гнезда и припал к пулемету, чтобы дать снова очередь по наступающим. Но вдруг под ним зашуршала глина, что-то цепко и больно ухватило его за лодыжки, и, прежде чем немец что-нибудь сообразил, он оказался мгновенно втянутым по пояс в рыхлую землю. Пулемет свалился ему на голову и оглушил.

Прошло минут пять. Выстрелы в затоне стихали. Бой кончался. У выхода из подземной траншеи, заглядывая в черноту, на корточках замерли юнги.

— Немец-то, пулеметчик, уже сколько времени как смолк...

— А Капки нет, — сказал встревоженный Сташук. — Ка-ап-ка! Ка-ап-ка! — закричал он в подкоп.

Ответа не было.

— Я как-нибудь пролезу за ним, задохнется ведь, — решительно сказал Сташук. — Или вылезу наверх и так, полем, побегу.

— Сташук, отставить! — крикнул на него мичман. — Куда? Не дури!

Прошло еще несколько минут. Сташук, стуча себя от волнения по коленке, сидел на корточках у лазейки и всматривался в молчаливое жерло подкопа. Потом он встал и молча отошел в сторону. Пропал Капка, погиб парень... Не надо было его пускать. А что скажет Рима, когда узнает, что это сам Сташук послал Капку на смерть?..

— Лезет, будь он неладен, лезет! — закричал вдруг один из юнгов.

Сташук одним прыжком подскочил к лазейке и растолкал всех. Из подкопа в ров задом выполз Капка. Он был весь в глине. Глина забилась ему в уши и в ноздри. На лбу кровоточила глубокая ссадина. Это был след каблука пулеметчика, который успел лягнуть Капку под землей.

— Капка, друг, браток, живой! Ух, Капка ты эдакий... — кинулся к нему Сташук, теребя, обнимая.

— Он дальше никак не пролазит, — прерывисто и виновато сказал Капка, еле ворочая языком.

— Да кто не пролазит?

— Фриц этот. Я его за ноги потащил, туда втянул, где подкоп, а он дальше уже не пролазит ни в какую...

— Ай Капка! Вот так шпиндель! — грохотали юнги.

— А что это лоб-то у тебя в крови?

— Это... — начал было Капка, но сомлел и повалился бы на землю, если бы его не подхватил Сташук.

В грязной, бессильно повисшей руке Капки торчал какой-то лоскут.

— Гляди-ка, ну и ну!.. от фрицевых штанов образчик прихватил! — сказал один из юнгов.

Когда Капка окончательно пришел в себя, кругом стояли красноармейцы и ополченцы. Прибыл на лодке мастер Корней Павлович. Оглушенного немца-пулеметчика с немалым трудом вытащили из-под земли — так крепко засунул его в проход Капка Бутырев.

Придя в себя, парашютист понял, что дело кончено, весь десант уничтожен.

— Ну, Бутырев, молодец, добрó, — сказал мичман. — Из тебя бы, пожалуй, даже и моряк вышел!

— У него дела и на земле хватит, — тотчас же ответил мастер.

— Ну что же, тоже хорошее занятие.

— Ну, как здоровье-то, Капитон? Ты герой, говорят?

— Он немца за ноги под землю утянул, честное слово, — подтвердил Сташук.

— Точно, — промолвил мичман. — Хорошо нам помог. Живьем здоровенного фрица в преисподню завлек. Еле откопали. Вот, глядите, какой!

Здоровенный немец, помятый и бледный, моргал потными веками.

— Дас ист унмёглих! Я завсем засипалься унтер грунт...

— Чего, чего он сказал? — встрепенулись юнги.

— Эх, батеньки-матеньки, жаль, переводчика нет, — произнес мастер. — Втолковать бы ему... Ну куда вы, немцы, лезете? Не ступить же вам через Волгу ни в жизнь, никогда. В уме вы, что ли? Куда залезли, сами соображаете?

Он оглянулся, замолчал и посторонился, сдернув картуз с головы. Сташук отступил, потом резко отвернулся, снял бескозырку и спрятал в ней лицо. Мимо пронесли на шинели убитого Палихина. Красноармейцы медленно опустили тело юнги на землю рядом с другими убитыми. Все сняли шапки и стояли, понурив обнаженные головы.

— Вон лежат под шинелями сыночки, — проговорил мичман, — не дошли до открытого моря, полегли, дорогие, в бою. Превечная им слава!

Он яростно взглянул на немца.

— Эх, немец, еще икнется вам за это дело! Так икнется, что и дух из вас, проклятых, выскочит...

Он шагнул к пленному, сгреб его за комбинезон на груди и так рванул к себе, что немец плюхнулся на колени.

— Гляди сюда, немец: наша земля. Сам я балтийский, а это Волга. Все одно. Лучше в этой земле мертвыми ляжем, а с нее не сойдем. Но скорей всего вас в ней закопаем. Ферштеен? Понятно?

Глава 26

ЕЩЕ ОДНО НЕПОНЯТНОЕ СЛОВО

Когда Капке перевязали лоб, а юнги, те, кто мог стоять, уже построились, чтобы итти к лодкам, вдруг зашуршали, раздвинулись ближние кусты, и показался Тимсон. Мокрый, весь в тине, сам едва держась на ногах, он нес Валерку, обхватив его обеими руками. Голова Валерки беспомощно откинулась назад. На тоненькой шее запеклась кровь. Тимсон устал, тяжело отдувался и готов был вот-вот сам свалиться.

Валерка, обвиснув, сползал у него с рук. Капка шагнул к нему навстречу, подхватил худенькое тело.

Сам едва держась на ногах, Тимсон нес Валерку.

— Прямо в него, — сказал Тимсон, виновато хлопая глазами.

Он осторожно передал Валерку подбежавшим и тяжело опустился на мокрую землю, утирая рукой лицо, перемазанное глиной.

— Как же вас туда понесло?

— Это все Валерка, — попытался оправдаться Тимсон. — Говорит: я историю пишу, должен все видеть. И за тобой хотел итти. Отвязал лодку с исад, и никаких. А немцы — трах в нас. И попали...

Валерка приоткрыл глаза, узнал Капку и силился улыбнуться.

— Капа, ты?.. Хорошо... а мне пулей... зеркало кокнуло, — с трудом проговорил он и снова закрыл глаза. — Ничего... сейчас... У меня сейчас это пройдет... Ты только маме не говори. А то мне такое будет!

Когда Валерке сделали в больнице на берегу перевязку, Капке разрешили к нему зайти.

Верный Тимсон дежурил у дверей маленькой одиночной палаты.

— Как он? — шопотом спросил Капка.

Тимсон только рукой махнул. Полные губы его дрогнули. Он уткнулся стриженой головой в неуютную, ледяную стену больничного коридора. Капка с западающим куда-то сердцем на цыпочках вошел в палату. Валерка лежал у окна, весь до горла в бинтах, бледный, тоненький, прозрачный, как тающая льдинка, и такой до ужаса большеглазый... Капке стало нестерпимо жалко его.

— Капка... — подозвал его Валерка слабым, осекающимся голосом: он потерял много крови. — Ты подойди поближе... Тимсон, ты постой там, последи... Капка... Ой, жгет как, больно... Вот как у меня нескладно всегда выходит, Капа. Самое интересное было, а я уж не запишу...

— Да брось ты, Валерка, ты, наверное, не очень сильно раненный.

— Нет, Капа, — тихо и серьезно сказал Валерка, — я уж чувствую. Да и доктор, когда меня раздели, начали перевязывать, а он говорит: «Худо, ох как худо!» И еще... какое-то слово по-латыни сказал: «Ха-би-тус...» А уж когда по-латыни так говорят, это я знаю. Скрывают, значит... что крышка...

— Ну; это ты зря, еще неизвестно, — возразил горячо, но неуверенно Капка. — Ты брось это, Валерка.

— Нет, слушай... Капка, ты вот что... Ты возьми тетрадку, она у меня дома под матрацем осталась, где книжка «Квентин Дорвард» лежит, и там допиши все за меня. Ладно? Нет, ты слушай! — проговорил он, видя, что Капка опять собирается возразить ему. — Ты там напиши... ой!.. ух, и больно... напиши про меня тоже... Ну, ты как про это напишешь, а, Капка? Не знаешь? Эх, ты... Ты так напиши, что ему было очень страшно... а он не струсил нисколечко... Напишешь?

— Ну, это напишу, — сказал Капка, глотая что-то засевшее вдруг в горле и чувствуя, что еще немножко, и он разревется. — Зря ты все это, Валерка, ведь еще неизвестно же!

— Молчи... Карандаш у тебя есть? Ты запиши. Число поставь. И еще напиши так: «Когда пришли товарищи, он тихо сказал: Отвага и Верн...» Уй, больно как!.. Ой, жгет как! Ой, мама!

— Вот «мама» — это уже лучше, — раздался позади Капки голос доктора Михаила Борисовича Кунца, которого знали все затонские ребята. — Вот когда мои пациенты зовут маму, я опять чувствую себя в своей сфере, а то все стали такие герои, что уж просто нет сил от вас. Пустяки, хорошенькие детские болезни: штыковые раны, сквозное пулевое ранение, контузии, шок... Ну, хватит разговоров! Нельзя столько болтать. — За

окном зашумела машина, хлопнула дверца. — О, сам товарищ Плотников пожаловал, — сказал доктор, подойдя к окну и приложив золотое пенсне к кончику носа.

В палату, слегка хромая, вошел Плотников. Вид у него был утомленный, левая рука на перевязи.

— Лежи, лежи! — крикнул он на Валерку, который было шевельнулся. — Товарищ по несчастью. Тоже вот, видишь, рука. Приехал какую-то прививку делать... Велят...

— Доктор, можно вас на минуточку? — послышался женский голос в дверях.

Доктор вышел в коридор. Капка за ним. Доктор о чем-то говорил вполголоса с сестрой. У Капки все внутри сжалось. Но он решился все-таки узнать правду.

— Доктор, у него опасно? — спросил Капка.

— Да ничего не опасно, ослабел немножко, сквозное ранение в мякоть плеча, потеря крови.

— А вы сказали сами, что худо.

— В жизни я этого не говорил! Глупости!

Доктор отвернулся и опять заговорил о чем-то с сестрой.

— А что такое по-латынски значит «хабитус»? — спросил вдруг Капка. — Это очень плохо?

— Хабитус? — изумился доктор и пожал плечами. — Хабитус может быть разный: хороший, средний, плохой. Это значит телосложение, упитанность, худоба...

— Значит, вовсе он не умрет?

— Ну, как тебе сказать? Он не бессмертный. Когда-нибудь, вероятно, умрет, но не от данного случая.

Но Капка все еще не верил.

— А у меня тоже есть хабитус?

— И довольно приличный, — сказал доктор и побежал куда-то, завязывая на спине тесемки белого халата.

Капка бросился в палату:

— Валерка! Хабитус — это ничего, это, доктор сказал, не опасно совсем. У меня тоже, доктор говорит, есть хабитус!

Глава 27

ГРОЗНАЯ РАДУГА

Через несколько дней, когда в городке уже все пришло в порядок и немцы больше не возобновляли попыток сбросить десант на левый берег Волги, товарищ Плотников вместе с начальником школы юнгов решил навестить раненых.

Осенний вечер уже густо синел на улице. В больнице медлили зажигать огни, чтоб не затемнять окон. И в палатах сумерничали. Плотников в сопровождении доктора и начальника юнгов прошел по полутемному коридору, приостановился у палаты, в которой лежал Валерка, и, оглянувшись, тихонько подозвал к себе спутников. Те подошли. Плотников приложил палец к губам и молча указал в глубь палаты. Там в вечернем сумраке у большого окна с форточкой-фрамугой, где стояла в углу койка Валерки Черепашкина, сгрудилось много народу. Здесь были раненые юнги, больные из соседних палат, красноармейцы, ополченцы. Одни сидели на соседних койках, другие расположились на полу, а кто устроился на подоконнике. Тихо было в палате. Только звонкий певучий голосок Валерки Черепашкина, почти неразглядимого в сумраке, раздавался из темного угла.

Плотников прислушался... Так вот где довелось ему услышать конец истории Трех Мастеров!

— ...Шло время, ибо для труда и совершенства требуется время... — рассказывал Валерка.

...Шло время, а прекрасная Мельхиора томилась в плену. Жестокий Жилдабыл бросил ее в грязный под-

вал. Холодные, скользкие жабы прыгали на грудь Мельхиоре, голохвостые крысы кусали ее прекрасное лицо, мокрицы лазили по ее рукам, и вскоре на лице Мельхиоры не осталось и следа былой красоты. Жилдабыл принес ей осколок зеркала, случайно уцелевший во дворце. Горько заплакала бедная Мельхиора, когда из мутного стекла глянуло на нее желтое, безобразное, морщинистое лицо, все в кровавых подтеках, шрамах, рубцах, синяках и язвах.

— Что вы сделали со мной! — закричала бедная Мельхиора.

Но тут Жилдабылу пришла в голову еще одна злая затея.

— Успокойся, — сказал он, — ты попрежнему прекрасна. Это лишь кривое зеркало. Мы изловили твоего Мастера, и, видишь, он отрекся от тебя и от своей дурацкой правды. Он изготовил для тебя кривое зеркало. Смирись же теперь.

Однако в эту минуту Мельхиора увидела в зеркале лицо Жилдабыла, который не успел отклониться в сторону. Лицо в зеркале выглядело злобным и отвратительным, но не более ужасным, чем было оно у Ветрочета в действительности. Мельхиора поняла, что злой Ветрочет снова обманывает ее, но зато зеркало говорит ей жестокую правду. И все-таки она обрадовалась этому, потому что потерять веру в любовь ей было еще страшнее, чем утратить свою красоту.

К тому времени Мастера уже закончили работу. Синегорцы готовились к походу на Фанфарона. Но сквозняки, посланные Фанфароном, уже проникли через щели в жилище Синегорцев. Вскоре во дворце узнали, где скрываются Амальгама, Изобар и Джон Садовая Голова. И Фанфарон послал боевые ветролеты к Лазоревым Горам, где скрывались Синегорцы.

День был дождливый, ливень не прекращался ни на

минуту, ветры гнали к горам густые тучи, и в них скрывались ветролеты. Но Джон Садовая Голова бросил у подножья горы горсти семян, и вьюнки тотчас взобрались к тучам по струям дождя, а несколько побегов успели обвить даже молнию, метнувшуюся из тучи. Зеленая плотная сеть поднялась до самого неба вокруг жилища Синегорцев, ветролеты Фанфарона запутались во вьюнках, как мухи в паутине, и рухнули на землю.

Теперь Синегорцы сами стали готовиться к штурму дворца. Ночью накануне штурма Синегорцы заменили все старые флюгера в стране новыми. Тысячи флюгеров, наделенных тайной силой, изготовил усердный Изобар. Перед тем как выступить в поход, Мастер Амальгама дал каждому Синегорцу посмотреться в его новое зеркало, и каждый, кто смотрелся в него, становился еще храбрее, еще искуснее и вернее своему делу.

И вот наступил день штурма. Стрелки всех флюгеров повернулись остриями в сторону дворца. Синегорцы выступили в поход. Изобар вооружил их своими новыми чудодейственными стрелами. Воины-синегорцы держали пики с хрустальными наконечниками, и за каждым копьем выгибалась маленькая радуга. И кроме того, каждый воин-синегорец был вооружен небольшим зеркальцем, укрепленным на запястье, и лукошком с семенами вьюнка. На рассвете корабли Синегорцев тихо подплыли к берегам острова.

Развернув семицветное знамя, Синегорцы бросились на штурм. Со стен дворца ударили буреметы. Ветры рванулись было навстречу Синегорцам, но ни один флюгер на крышах не дрогнул. И тут произошло великое чудо. Столько труда и ярости вложил в свою работу славный оружейник, что Ветры ничего не могли поделать с флюгерами. Флюгера вышли из повиновения. Как ни дули Ветры, как ни раздували они щеки, всех их повернуло в одну сторону: на дворец Фанфарона!.. Потому

что тысячи стрел, которые пустили Синегорцы, были сделаны из того же чудесного металла, что и новые флюгера. Они пробивали встречный ураган, увлекали за собой воздух и сами рождали новый могучий ветер. И старые Ветры были вынуждены подчиниться. Ураган потряс дворец Фанфарона, сметая со стен стражу. А затем радужные лучи от тысяч маленьких ручных зеркал обступили замок, плющ и вьюнки мигом обвили эти лучи до самых зубцов стены. По зеленым качающимся плетям вьюнков и плюща, как по веревочным лестницам, карабкались Синегорцы. Они ворвались во дворец. Ветродуи были перебиты. И вскоре над главной башней замка взвилось семицветное знамя Синегорцев, знамя Большой Радуги, предвестницы доброй погоды и ясного счастья.

Жилдабыл пытался бежать из дворца на ветролете, но разъяренные Ветры схватили его, и так как каждый из них дул в свою сторону, то главный Ветрочет был разорван на части. Перепуганного короля нашел под лестницей Изобар.

— Ну, — сказал оружейник, — теперь ты Фанфарон Ровно-Двенадцатый, и более поздних уже больше не будет.

А Мастер Амальгама метался по галлереям и переходам дворца в поисках Мельхиоры. Он обошел башни и казематы. Наконец в одном из подземелий он нашел сморщенное, исхудавшее, безобразное существо. Несчастная закричала, увидев Мастера, и прикрыла ладонями лицо. Но хриплый голос ее показался сладостно знакомым Амальгаме.

— Кто ты? — спросил он, боясь ошибиться.

— Ты не узнаешь меня? Я была когда-то твоей любимой. Теперь я могу умереть спокойно, ибо знаю, что ты остался верен своей правде. Но я не в силах жить при таком уродстве.

— Погоди! — воскликнул Амальгама. — Если ты веришь моей любви, взгляни в это зеркало.

— Нет, я не хочу смотреть! У меня нет больше сил хотя бы еще раз взглянуть на свое безобразие.

И она упала замертво на сырой пол.

Амальгама бросился на колени, приложил к ее губам зеркало и увидел, как оно помутнело на мгновение. Значит, Мельхиора была жива. Он поцелуями согрел ее помертвевшее лицо и насильно заставил смотреть в зеркало. Превозмогая отвращение, вгляделась в стекло Мельхиора. Но вдруг что-то прекрасное мягко проступило в глубинах зеркала. И, глядя в стекло, Мельхиора почувствовала, что лицо ее подчиняется чарам зеркала и черты яснеют, морщины расправляются, язвы заживают, и она с каждой минутой хорошеет.

— Смотри же, смотри, — говорил Амальгама.

Она смотрела в зеркало пристально, не отрываясь. И вдруг увидела, что попрежнему хороша, — нет! еще прелестнее, чем была когда-то!..

И когда они вместе вышли на балкон — Мастер Зеркал и прекрасная Мельхиора, — Синегорцы встретили их радостными возгласами. Они потрясали копьями, и хрустальные наконечники вскинули вверх тысячи разноцветных отблесков, и они слились в торжественную радугу, которая выгнулась над ними в небе. А Джон Садовая Голова сыпал вокруг семена цветов, и тотчас же на этом месте распускались розы и лилии.

Так Три Великих Мастера помогли свободным Синегорцам покончить с нашествием Ветров. Все Ветры были засажены под замок. Их выпускали теперь лишь на работу: чтобы подмести от туч небо, вертеть мельницы, надувать паруса кораблей. В Синегории снова зацвели сады, засверкали зеркала и в печах появились вьюшки. А на стене дворца прибили новый герб: радуга была на нем и стрела, оплетенная вьюнками...

— Ну, спасибо, — сказал Плотников, входя в палату, — и за сказку и за все, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Этого город не забудет... Вижу, что наши синегорцы не хуже, чем в Синегории, действуют, по крайней мере судя по третьеводнишнему. А ты что?..

Валерка пытался приподняться на кровати, глаза его блестели в сумраке палаты, он подбородком указывал в окна:

— Смотрите, смотрите, радуга какая!..

— Где, какая такая радуга в эту пору? — Плотников озабоченно посмотрел на Валерку: бредит, видно, бедняга.

— Сейчас было. Вон, вон, глядите! Опять...

В темнеющем небе, далеко над Волгой, мгновенно нависали, стремительно нагоняя друг друга, красные, оранжевые, огненные, не сразу гаснущие полосы.

— Какая же, милый мой, радуга это? То катюши наши, гвардейские минометы, с новой позиции бьют по немцам, — сказал Плотников.

Раскаленные летучие дуги перегибались с левого берега туда, где, прижавшись спиной к Волге, день и ночь геройски бился великий город, готовя скорую и неслыханную гибель всему несметному войску врага.

Вот и все, что хотел я рассказать вам о синегорцах Рыбачьего Затона, о славном ремесленнике Капке Бутыреве, о его друзьях — Валерии Черепашкине, Тимке-Тимсоне и храбром юнге Викторе Сташуке. Я познакомился с ними после того, как прочел историю города Затонска, изложенную Валерием Черепашкиным, пионером и синегорцем. Все они носят медали на зеленой с красным ленточке. Только Виктора Сташука не застал я в Затонске — он давно уже уехал на Балтику. Но Рима

частенько получает от него письма. Рима и Нюша давно вернулись домой. Отец их отыскался у партизан и уже приезжал в отпуск повидать ребят. Посетил я мастера Корнея Павловича Матунина. Он жив и здравствует, работая и поныне в Затоне. Рыбки его отлично разводятся.

С синегорцами я очень сошелся, не раз сиживал с ними у Большого Костра на острове Товарищества. Там я узнал о многих других приключениях, бывших с синегорцами в стране Лазоревых Гор, и об иных славных делах, которые они совершили в Рыбачьем Затоне. Возможно, что я когда-нибудь расскажу про это за Круглым Столом.

Расстались мы друзьями.

И часто теперь, когда не ладится у меня работа или ненастно на душе, я достаю маленькое заветное зеркальце — на крышке его герб синегорцев: радуга, стрела и побеги вьюнка. Я смотрю в расколотое стекло, и хотя мне самому зеркало не сообщает ничего утешительного, но из-за моего плеча глядит на меня уже немалая жизнь. И вижу я, что совсем не так уж плохо живется на свете, и снова верю, что отвага, верность и труд непременно победят, как бы ни упирался встречный ветер, как бы ни клокотала гроза. Радуга еще вскинется, обнимет мир, и все будет хорошо, все станет как надо, дорогие мои мальчишки!

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Мал. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

ДЛЯ СЕМИЛЕТНЕЙ И СРЕДНЕЙ
ШКОЛЫ

Ответственный редактор И. Кротова.
Художественный редактор С. Садомская.
Технический редактор М. Кутузова.
Корректоры С. Локшина и М. Зубков.

*

Подписано к печати 11|V-1949 г. 11,5 печ. л.
[7,95 уч. изд. л.] А 04261.

Отпечатано в типографии № Г-1 с матриц
Фабрики детской книги Детгиза, Москва.

